

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ЛИНГВИСТИКА
И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ
КОММУНИКАЦИЯ

LOMONOSOV
LINGUISTICS
AND INTERCULTURAL
COMMUNICATION
JOURNAL

Linguistics
and Intercultural Communication

Linguistique
et communication interculturelle

Linguistik
und interkulturelle Kommunikation

Lingüística
y Comunicación Intercultural

Linguistica
e comunicazione interculturale

Лингвистика
и меѓукултурна комуникација

Lingvistika
a mezikulturni komunikace

Lingwistyka
i Komunikacja Międzykulturowa

Лингвистика
и междукултурна комуникация

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал
Основан в 1946 году

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия

19

Л
ИНГВИСТИКА
И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ
КОММУНИКАЦИЯ

№ 3 • 2024

УЧРЕДИТЕЛИ:

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
факультет иностранных языков и регионоведения МГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Молчанова Г.Г. (главный редактор), и.о. декана факультета иностранных языков и регионоведения, д.ф.н., проф., зав. кафедрой лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации; **Загрязкина Т.Ю. (отв. секретарь)**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой французского языка и культуры

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

Богданова Л.И., д.ф.н., проф. кафедры сопоставительного изучения языков; **Бубнова Г.И.**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой французского языка для факультета иностранных языков и регионоведения; **Джек Ричардс (Jack Richards)**, Сиднейский ун-т (Австралия), Оклендский ун-т (Новая Зеландия); **Запольская Н.Н.**, д.ф.н., доц., зав. кафедрой славянских языков и культур; **Калуцков В.Н.**, д.г.н., проф. кафедры региональных исследований; **Карташева Н.В.**, к.культ., доцент, зав. кафедрой сравнительного изучения национальных литератур и культур; **Ксензенко О.А.**, к.ф.н., доц. кафедры теории преподавания иностранных языков; **Левицкий А.Э.**, д.ф.н., проф. кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации; **Павловская А.В.**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой региональных исследований; **Полубиченко Л.В.**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой английского языка для естеств. ф-тов; **Прошина З.Г.**, д.ф.н., проф. кафедры теории преподавания иностранных языков; **Раевская М.М.**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой испанского языка; **Ренате Ратмайр (Renate Rathmayr)**, Ин-т славянских языков Венского ун-та экономики и бизнеса (Австрия); **Роберт Геккель (Robert Goeckel)**, Ун-т штата Нью-Йорк, Колледж в Дженесео (США); **Роберт Илсон (Robert Ilson)**, Ун-т колледжа Лондона (Великобритания); **Робустова В.В.**, к.ф.н., доц. кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации; **Роланд Сассекс (Roland (Roly) Sussex)**, Ун-т Квинсленда (Австралия); **Сафонова В.В.**, д.п.н., проф. кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации; **Титова С.В.**, д.п.н., проф., зав. кафедрой теории преподавания иностранных языков; **Устинова Т.В.**, д.ф.н., доц. кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации; **Чжэн Тиву (Zheng Tiwu)**, Ин-т мировой литературы Шанхайского ун-та иностранных языков (КНР); **Шевлякова Д.А.**, д.культ., доц., зав. кафедрой итальянского языка; **Ян Кэ (Yang Ke)**, Ин-т европейских языков и культур Гуандунского ун-та иностранных языков и международной торговли (КНР)

Редактор И.В. Краснослободцева

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13/14, корп. В, каб. 238.

Тел.: 8-495-734-03-10. Факс: 8-495-932-88-67. E-mail: vestnik19@yandex.ru

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ.

Свидетельство о регистрации № 016651 от 7 октября 1997 г.

Подписано в печать 24.05.2024. Формат 60×90^{1/16}. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.

Усл. печ. л. 11,5. Уч.-изд. л. 10,83. Тираж экз. Изд. № 12699. Заказ №

Издательство Московского университета. 119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15 (ул. Академика Хохлова, 11). Тел.: (495) 939-32-91; e-mail: secretary@msupublishing.ru

Отдел реализации. Тел.: (495) 939-33-23, e-mail: zakaz@msupublishing.ru

Сайт Издательства МГУ: <http://msupublishing.ru>

© Издательство Московского университета.

«Вестник Московского университета», 2024

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Лингвистика и уровни языка

- Загрязкина Т.Ю.* Топонимическая полионимия сквозь призму проблем идентичности: *Hexagone* в системе названий Франции 9
- Филясова Ю.А.* Синтаксические средства эмфазы в английском рекламном дискурсе 27

Язык и межкультурная коммуникация

- Богданова Л.И., Сюй Лиюнь.* Культурные эталоны скромности в русском и китайском языках 43
- Семаева О.В.* Эффективность использования специфической английской аллитерации в русскоязычных эргонимах и рекламных слоганах 62
- Соловьева Ю.О.* Семантико-прагматический аспект моделирования имиджа современного адвоката (на материале журнала «Российский адвокат») 75

Перевод и переводоведческие исследования

- Булина Е.Н., Солнышкина М.И.* Семантический портрет Вайнямейнена в английских переводах эпоса «Калевала» 85

Вопросы лексикологии и лексикографии

- Полубиченко Л.В., Алхастова З.Р.* Англоязычные паремиологические словари в электронно-цифровую эпоху: проблемы и перспективы 97

Теория и практика обучения иностранным языкам и РКИ

- Едличко А.И., Мишинова А.В.* Учебник И.А. Гейма по русской грамматике “Russische Sprachlehre für Deutsche”: метатекстовые принципы описания 113
- Розина М.С., Соловьева М.В.* Особенности преподавания русского языка в группах китайских учащихся: теоретические и методические аспекты 125

Ван Сюемэй. Экспериментальная проверка прогнозируемых неудач
в использовании видов глагола китайскими учащимися 136

Традиции и современные тенденции истории культуры

Овчинникова Ю.С. Античный миф в афро-бразильском культурном
пространстве (на материале фильма «Черный Орфей» М. Камю) 149

Информация и научные обзоры

Моклецова И.В., Разумовская В.А. Русская живопись конца XIX —
начала XX века как отражение культурной идентичности (Рецензия
на книгу: *Копцева Н.П., Колесник М.А., Лецинская Н.М., Сама-*
рина Д.Н. Русская культурная идентичность в изобразительном
искусстве XIX — начала XX века. Часть 1: Монография. Крас-
ноярск: Красноярская региональная общественная организация
«Содружество просветителей Красноярья», 2023. 124 с.) 159

Раевская М.М. Творческое наследие Хосе Ортеги-и-Гассета: мысли
о языке 170

CONTENTS

Linguistics and Levels of Language

- Zagryazkina T.Yu.* Toponomic Polyonymy Through the Prism of Identity
Problems: *Hexagone* in the French naming system 9
- Filyasova Yu.A.* The Syntactic Means of Emphasis in the English
Promotional Discourse 27

Language and Intercultural Communication

- Bogdanova L.I., Xu Liyun.* Cultural Standards of Modesty in the Russian
and Chinese Languages 43
- Semaeva O.V.* The Effectiveness of Using Specific English Alliteration
in Russian-Language Names and Advertising Slogans 62
- Solovyeva Yu.O.* Semantic and Pragmatic Aspects of Modeling the Image
of a Russian Advocate (Based on the Journal “Russian Advocate”) . . . 75

Translation and Translation Studies

- Bulina E.N., Solnyshkina M.I.* Semantic portrait of Wainamoinen in
English Translations of “Kalevala” 85

Lexicology and Lexicography Issues

- Polubichenko L.V., Alkhastova Z.R.* English-Language Paremiological
Dictionaries in the Electronic and Digital Age: Problems and Prospects 97

Theory and Practice of Teaching Foreign Languages and Russian as a Foreign Language

- Edlichko A.I., Mishnova A.V.* J.A. Heim’s Textbook “Russische Sprach-
lehre für Deutsche”: Metatextual Principles of Description 113
- Rozina M.S., Solov’eva M.V.* The Features of Teaching Russian to Chinese
Students in Groups 125
- Wang Xuemei.* Experimental Verification of Predicted Failures in the use
of Russian Verb Types by Chinese students 136

Traditions and Modern Trends in the History of Culture

Ovchinnikova J.S. The Greek Myth in Afro-Brazilian Cultural Space
(Studying the Film “Black Orpheus” Directed by M. Camus) 149

Information and Academic Reviews

Mokletsova I.V., Razumovskaya V.A. Russian Painting of the 19th —
Early 20th Century as a Reflection of Cultural Identity (Review of a
Monograph by Koptseva N.P., Kolesnik M.A., Leshchinskaya N.M.,
Samarina D.N. “Russian Cultural Identity in the Fine Arts of the
19th — early 20th Centuries. Part 1”. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk
regional public organization ‘Surezes’ve prostitute Krasnodar’, 2023.
124 p.) 159

Raevskaya M.M. José Ortega y Gasset’s Creative Legacy: Thinking about
Language 170

ЛИНГВИСТИКА И УРОВНИ ЯЗЫКА

Т.Ю. Загрязкина

ТОПОНИМИЧЕСКАЯ ПОЛИОНИМИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПРОБЛЕМ ИДЕНТИЧНОСТИ: *HEXAGONE* В СИСТЕМЕ НАЗВАНИЙ ФРАНЦИИ

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; tatiana_zagr@mail.ru*

Аннотация: В статье рассматриваются процессы, связанные с формированием системы обозначений Франции на примере хоронима *L'Hexagone* и его взаимосвязей с другими наименованиями: *la France*, *la Gaule*, *la V-me République* и др. С учетом работ А.В. Суперанской, Р.А. Агеевой, Г.С. Доржиевой, Г. Башляра, А. Доза, А. Дориона и др. проводится анализ лингвистических и социолингвистических данных, засвидетельствованных в словарях, художественных, публицистических и научных сочинениях, на интернет-сайтах. Целью статьи является установление места наименования *Hexagone* в системе полионимов, обозначающих страну Франции и квалификация ассоциаций, лежащих в основе этого наименования. Показывается, что среди них образ правильной геометрической фигуры (круга, квадрата, шести- и восьмиугольника), имеющий геополитические, идеологические и эстетические коннотации. Ряд коннотаций сближает этот образ с «переживаемым пространством» в понимании Г. Башляра и метафорой пространства-вместилища Дж. Лакоффа и М. Джонсона. Подчеркивается вариативность обозначений Франции, образующих систему полионимов, обозначающих страну и отражающих развитие чувства идентичности французов. Проявлением этого чувства является сенсорное восприятие пространства коллективной идентичности как гармоничного и защищенного, что проявляется, в частности, в наименовании *Hexagone*.

Ключевые слова: Франция; Галлия; Гексагон; топонимическая полионимия; пространство коллективной идентичности; «обитаемое пространство»; онтологическая метафора

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-27-3-1

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Загрязкина Татьяна Юрьевна — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой французского языка и культуры факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; *tatiana_zagr@mail.ru*.

Для цитирования: Загряжкина Т.Ю. Топонимическая полионимия сквозь призму проблем идентичности: *Hexagone* в системе названий Франции // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 27. № 3. С. 9–26.

Тема статьи является частью проблематики, связанной с изучением полионимии топонимических объектов, с одной стороны, и вопросов развития коллективной идентичности — с другой. По мнению А.В. Суперанской, наличие нескольких обозначений одного и того же объекта — «топонимическая синонимия» — явление довольно распространенное и отличающееся от синонимии апеллятивов. В отличие от второй, первая опирается не на понятие, а на тождество денотата, и «является случайным сближением»; в этом случае речь идет не о синонимии и синонимах, а о «полионимии (многоименности)» и «полионимах» — разных наименованиях объекта [Суперанская, 1972: 300; 265]; ср. также «многоименность» у В.А. Никонова [Никонов, 2011: 149–151].

Для обозначения топонимической полионимии используются и другие термины: *двойные названия* (*les noms à deux formes*) [Dauzat, 1962: 41–44, 82]; *параллельные имена / наименования*, относящиеся к одному объекту номинации, одновременные и разновременные; сфера употребления одновременных имен всегда различна [Подольская, 1978: 126; Доржиева, Щербакова, 2019: 125]; *топонимы-«прозвища»* — неосновные, неофициальные, обычно иносказательные, названия географического объекта [Подольская, 1978: 141; 115]; *прозвища* (*surnoms*). В российской традиции термин *прозвище* чаще используют по отношению к антропонимам [Подольская, там же; Ермолович, 2001: 87, 89; Робустова, 2008], во франкоязычной — к антропонимам и топонимам (*surnoms de personnes; surnoms de lieux*). По мнению А. Доза, топонимические *прозвища* участвуют в переименованиях: так, название *Paris* (от имени племени *Parisii*) вытеснило *Lutetia* [Dauzat, 1962: 44]. При исследовании топонимии Квебека А. Дорион и П. Лауд широко употребляют термин *surnom* как наименование места, заместительное или дополнительное по отношению к официальному имени, базирующееся на одной из характеристик и отражающее образ, сложившийся в коллективе [Dorion, Lahoud, 2013a; Dorion, Lahoud, 2013b]. Исследуя квебекский материал вслед за этими авторами, Е.В. Исаева использует несколько терминов, среди которых *прозвища*, *параллельные названия* и *перифразы*. [Исаева, 2014: 111]. Обозначение *surnoms* применяется

также в массовой коммуникации, в том числе по отношению к наименованиям государства Франция¹.

По мнению Р.А. Агеевой, пути развития наименований государств многообразны; последние подвергаются изменениям «столь же часто, сколь часто меняется политическая ситуация» [Агеева, 1990: 166, 156]. В романском ареале это было отмечено, в частности, В.Ф. Шишмаревым (ср. Иберия, Гесперия, Hispania, др.) [Шишмарев, 1941: 2; 18]. «Игра» обозначений Франции — *La Gaule, La France, L'Hexagone* отражена в бестселлере 70-х годов XX в. — книге Р. Бовэ *L'Hexagonal tel qu'on le parle* («Гексагональный» язык, как он есть): «Примерно две тысячи лет назад Франция была Галлией. В течение веков она была Францией; сегодня это также Франция, но ее называют Гексагоном (*Hexagone*)»². На самом деле обозначений Франции гораздо больше. Среди них:

– исторический этнотопоним *la Gaule* < лат. *Gallia* (Галлия), отсылающий к названию кельтского племени галлов, покоренных римлянами на рубеже новой эры;

– этнотопоним *La France*, образованный от имени германского племени франков и закрепленный в эпоху меровингов, правящих с конца V в. до середины VIII в. н.э. В старофранцузском языке слово *franc* также обозначало свободного, благородного человека³. Оба этнотопонима имеют спонтанное происхождение, они формировались постепенно по мере географического и политического расширения территории;

– официальные названия современной Франции — перифразы *La République française/ Французская Республика; La Cinquième République/Пятая Республика;*

– неофициальные парафрастические обозначения частей страны: *La France continentale/континентальная Франция, La France profonde/французская глубинка;*

– название *H/hexagone* (шестиугольник, гексагон/Гексагон), которое может записываться с заглавной или строчной буквы и др.

Обозначения Франции — исторические и современные, официальные и неофициальные, спонтанные и искусственные, одновременные и разновременные — взаимосвязаны. Эту связь можно назвать «рядом», «цепочкой» (ср. «звенья ряда» у В.А. Никонова [Никонов, 2011: 34, 35]) или, что точнее, системой, в которой каждое

¹ 11 Principaux surnoms de la France. URL: <https://french-iceberg.com/fr/noms-pour-la-france/> (дата обращения: 02.01.2024).

² *Beauvais R.* L'Hexagonal tel qu'on le parle. P., 1970. P. 8. Здесь и далее перевод Т.З.

³ *Greimas A.J.* Dictionnaire de l'ancien français jusqu'au milieu du XVI-e siècle. 2-me édition. P., 1968. P. 298.

наименование имеет свое место и по-своему отражает многогранные проявления идентичности французов.

В работе *L'identité de la France* (в русском переводе: «Что такое Франция?») Ф. Бродель связывал чувство идентичности с фактором пространства. Он подчеркивал, что объектами его исследования являются «большие протяженности»: «<...> шестиугольник (*hexagone*), Европа, мир — вот временные и пространственные координаты моего исследования». Кроме внешней проекции Франции, упоминается и внутренняя: «<...> нынешняя французская территория — «шестиугольник» — не единственная возможная единица измерения; она включает в себя инфраструктуры: области, провинции, «края» (*paus*) — долгое время сохранявшие и сохраняющие по сей день некоторую самостоятельность» [Бродель, 1994: 10, 9]. Как видно из контекстов, в обоих случаях Бродель использовал наименование *hexagone*, а не другие обозначения Франции.

Целью статьи является установление места наименования *Hexagone* в системе полионимов Франции с учетом признаков, которые мотивировали его возникновение и развитие. Объяснение этой мотивации как будто очевидно: метафоризация по принципу сходства очертаний топонимического объекта с фигурой шестиугольника. Между тем данный ответ не вполне точен и не достаточен. Сколько в действительности у Франции «углов» — четыре, шесть, восемь, сто? Это квадрат, ромб или другая фигура? Почему именно шестиугольник стал одним из обозначений и символов страны? В качестве гипотезы предположим, что его появление обусловлено развитием чувства идентичности, или «групповой отличительности» [Тишков, Шабаев, 2013: 42], французов, в том числе в контексте отношения к общему пространству, «территории коллективной идентичности (термин Е.И. Филипповой [Филиппова, 2011]); идентичность при этом понимается как изменчивая категория [Загрязкина, 2020].

Вопрос об изменении географических названий в научной литературе ставился неоднократно, но рассматривался по-разному: с акцентом на «интересах общества» [Никонов, 2011: 26]; на совокупном действии эстетического, аффективного, морального и социально-оценочного факторов и появлении «ярких идеологических коннотаций» [Суперанская, 1972: 162; 269–270]; на степени освоенности территории [Смирнова, 2019] и т.д. К проблеме обращались и франкоязычные авторы: так, А. Доза объяснял это явление изменчивостью языка в целом, а также ролью социальных групп в исторической, социальной и политической эволюции [Dauzat, 1962: 185 (первое издание — 1926 г.)]. При изучении полионимов Квебека А. Дорион, Л.-Э. Амлен, Ж. Пуарье затрагивали вопрос о самосознании говорящих и предложили перейти от классической топони-

мии к «хоронимии»⁴ (*choronymie*) или от изучения мест (*lieux*) к изучению пространств (*espaces*) — небольших локаций и крупных массивов (континентов, стран, регионов) [Dorion, Hamelin, 1966: 201–202; Dorion, Poirier, 1975: 6]. Пространство человека — физическое и ментальное — может рассматриваться и в более общем плане, в контексте теории «переживаемых пространств», «счастливых пространств» (*espaces vécus; espaces heureux*). Г. Башляр соотносил их с языковыми и связывал с миром «грез и образов» [Башляр, 2004: 20–26].

Образы пространств по-разному переживаются человеком и имеют разные коннотации. А.В. Суперанская подчеркивала разнообразие ассоциативного потенциала географических названий [Суперанская, 1972: 265], Г.С. Доржиева и А.А. Щербакова — роль «яркого, запоминающегося признака, приписываемого денотату массовым обыденным сознанием», «связанного с каким-либо очень известным или важным событием, запечатлевшимся в сознании носителей языка» [Доржиева, Щербакова, 2019: 123–124]. Одним из таких признаков является сходство денотата с объектом окружающего мира, ср., например, компоненты *bec, dent, corne* (клюв, зуб, рог) во французских наименованиях горных вершин [Dauzat, 1962: 210–211]. Есть и отсылки к геометрическим фигурам (круг, шар, прямая и др.), как правило, у небольших объектов: река Прямая, озеро Кривое в русской топонимии [Доржиева, Щербакова, 2019: 78]. Ср. однако обозначение крупного объекта, мотивированное его положением в пространстве, *stivale* — сапог, неофициальное обозначение Италии.

Наименование *Hexagone* можно отнести к разряду *онтологических метафор*. Как пишут Дж. Лакофф и М. Джонсон, «колоссальное разнообразие онтологических метафор» связано с чувством пространства как базовым чувством человека, его опытом восприятия физических объектов и их характерных черт [Лакофф, Джонсон, 2004: 49; 54]. Физическая мотивировка метафоры должна дополняться как семантическим толкованием мотивирующего образа, так и объяснением того, почему та или иная метафора связывается с определенной эмоцией. Среди стадий развития эмоций восприятие некоторого положения вещей; его оценка; реакция (физиологическая, ментальная, речевая) и др. [Апресян В.Ю., Апресян Ю.Д., 1993: 29, 31]. Основываясь на этом, можно предположить, что, в отличие от наименований *la Gaule, la France*, восходящих ко временам римлян, галлов и франков и утративших непосредственную конкретно-чувственную мотивацию, обозначение *H/hexagone* ее сохранило. Со

⁴ Хороним — собственное имя любой территории [Подольская, 1978: 160].

временем лексема приобрела и новые коннотации, ср. утверждение Р.А. Агеевой о том, что «названия реальных стран могут мифологизироваться, обрастать дополнительными оттенками значения, становиться символическими» [Агеева, 1990: 206]. Рассмотрим этот вопрос с учетом лингвистических и социокультурных данных.

Слово *hexagone* имеет греческое происхождение <лат. *hexagoni* < греч. εΰξάγωνος (шестиугольный); во французском языке в значении геометрической фигуры оно впервые засвидетельствовано в 1377 г.⁵ Кроме исходного значения многоугольника с шестью углами и, соответственно, с шестью сторонами, в словарях отмечено вторичное значение, обусловленное сенсорным восприятием очертаний континентальной Франции. В словаре *Larousse*: «*Hexagone* — Франция, ограниченная территорией метрополии, по аналогии с геометрической фигурой, образованной путем соединения крайних точек ее картографического изображения (часто пишется с заглавной буквы)»⁶. В словаре *Le Grand Robert*: шестиугольник *иногда* противопоставляется заморским территориям Франции⁷ (выделено нами. — Т.З.), т.е. в других случаях лексема такого противопоставления не содержит, и сенсорное восприятие образа затушевывается. В словаре *Trésor de la langue française (TLF)* отмечены те же значения, при этом подчеркнута правильность геометрической фигуры (шесть равных сторон, о шестиугольнике континентальной Франции)⁸.

Между тем «геометрический» образ Франции не всегда соотносился с шестиугольником. На ранних этапах территория страны ассоциировалась с кругом и квадратом. Герои французских сказок, взрослея, покидали дом и объясняли, что хотят посмотреть страну и «объехать ее по кругу»⁹: выражение *faire un tour de France* буквально обозначает *сделать круг, петлю*. Монархи Карл IX, Екатерина Медичи и их свита совершали поездки по стране, которые имели символические названия: *tour, ronde, circuit* («круг», «окружность»), *carré* («квадрат»). Архитектор Вобан использовал метафору квадрата, когда советовал Людовику XIV строить крепости и «обустраивать свой квадратный луг» (*faire son pré carré*) [цит. по: Nordman: 42].

⁵ Trésor de la langue française informatisé. URL: <https://www.le-tresor-de-la-langue.fr/definition/hexagone#top> (дата обращения: 02.01.2024).

⁶ Larousse. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/hexagone/39876#definition> (дата обращения: 02.01.2024).

⁷ Le Grand Robert de la langue française. En 5 vol. Vol. 5. P., 1990.

⁸ Trésor de la langue française informatisé.

⁹ Французские сказки по регионам в серии: Collection Récits et contes populaires. URL: <https://www.gallimard.fr/Catalogue/GALLIMARD-JEUNESSE/Recits-et-contes-populaires> (дата обращения: 01.02.2024).

Фиксация образа шестиугольника приходится на 60-е годы XIX в., и его автором, по имеющимся данным, был Т. Лавалле (Th. Lavallée) — военный географ и историк. В его работе *Les frontières de la France/ Границы Франции* (1864 г.) прямого обозначения геометрической фигуры еще не было. Однако при упоминании «естественных рубежей» Франции (*limites naturelles*) говорилось, что они очерчивали территорию с четырех или шести сторон, что не могло не вызывать ассоциаций с четырехугольником или шестиугольником. Ср.: запад — Атлантический океан; север — Ла Манш и «Германское море» (*la mer Germanique, Северное море*); восток — Рейн и Альпы, юг — Средиземное море и Пиренеи (четыре стороны); три моря, две большие горные цепи, одна широкая и глубокая река (шесть сторон). Мечту о границах, закрывающих пространство, Лавалле подкрепляет высказыванием античного историка Страбона: «Кажется, что божественное провидение воздвигло эти горные цепи, пододвинуло эти моря, провело и направило воды стольких рек, чтобы однажды превратить Галлию в самое цветущее место на земле». В этом описании пространство Галлии представлялось как совершенное (ср. теорию «счастливого пространства» Г. Башляра), но утрачивающее это качество. Лавалле сожалел, что, в отличие от границ древней Галлии, не все современные ему границы Франции были «хорошими рубежами»¹⁰. По свидетельству Э. Вебера, обозначение *hexagone* появилось в 1868 г., при этом Лавалле первоначально считал, что он не имеет правильной формы, его границы неровные, не соответствующие величию Франции [Weber, 1984: 98].

Очень скоро вопрос о границах обострился: началась франко-прусская война (1870 г.), в которой Франция потерпела поражение и утратила территории в Эльзасе и Лотарингии. В этой ситуации было необходимо поднять моральный дух страны, смягчить не только территориальные потери, но последствия подавления Парижской коммуны (1871), коррупционные кризисы, радикализацию общества. Сохранение старых колоний и приобретение новых (Индокитай, Северная Африка, Мадагаскар) усилило как антиколониальные, так и националистические тенденции, а также общий раскол общества. Эти вызовы требовали от Третьей Республики (1870–1940 гг.) действий, направленных на объединение страны и развитие чувства национальной идентичности, в том числе создания и укрепления символов. Так, 14 июля 1789 г. стало национальным праздником (1880 г.), Марсельеза, военная песня французской революции, вновь обрела статус гимна (1879), Марианна — скульптурное изо-

¹⁰ *Lavallee Th. Les frontières de la France. P., 1864. 396 p. P. 1–2. URL: <https://archive.org/details/lesfrontieresdel00lavagoog/page/n9/mode/2up> (дата обращения: 01.02.2024).*

бражение молодой женщины во фригийском колпаке (символ свободы в древнем Риме) стало обязательным атрибутом общественных учреждений и т.д. В 80-е годы XIX в. появились позитивные характеристики образа гексагона, рассматриваемого в духе примордиализма как природное обоснование чувства национальной идентичности.

Кроме политических задач, Третья Республика ставила перед собой просветительские и воспитательные цели. Геометрическая форма очертаний Франции хорошо воспринималась, запоминалась и воспроизводилась, что было важно в контексте введения всеобщего начального образования (1881 г.) и создания понятных, пусть и упрощенных, референций. Так, Э. Вебер приводит высказывание и рекомендации педагога и общественного деятеля Ф. Бюиссона, сделанное в 1887 г.: «Шестиугольник очерчивает национальную территорию Франции»; он рекомендовал преподавателям на самом первом уроке обозначить вершины этого шестиугольника, подтверждая тем самым его границы. Отныне ученики и преподаватели имели перед глазами визуальную картину Франции — «симметричную, пропорциональную и правильную». Кроме идеологических, возникали и эстетические коннотации: географ и общественный деятель Онезим Реклю писал о «равновесии и элегантности» геометрического образа Франции, при этом он видел в нем восьмиугольник, а не шестиугольник [Weber, 1984: 98–99; 106; 109].

Образ окружности также не утратил своего значения. Он просматривается, в частности, в названии велогонки *Tour de France* (*Большая петля*), проводимой во Франции с 1902 г. до настоящего времени. Этот образ укрепился в том числе благодаря популярной в свое время книге *Tour de France par deux enfants: Devoir et Patrie/ Путешествие по Франции двух детей* (буквально: объезд по кругу): *Долг и Родина*¹¹. Автором книги, вышедшей под псевдонимом Ж. Брюно (G. Brunot), была Огюстин Фулье (Augustine Fouillée) — литератор, жена и мать философов А. Фулье и Ж.-М. Гюйо. Социальный заказ Третьей Республики, направленный на обучение и воспитание гражданина, реализованный принятием закона Ж. Ферри о всеобщем, обязательном, бесплатном, светском начальном образовании, требовал методического обеспечения. Книга отвечала на этот запрос и предназначалась для чтения в школе и в семье. Полная версия содержала не только текст, но и методическую

¹¹ Bruno G. Le Tour de France par deux enfants: Devoir et Patrie. Livre de lecture courante avec plus de 200 gravures instructives pour les leçons de choses et la formation civique, géographique, scientifique, historique et morale des écoliers. P., 1904. URL: https://fr.wikisource.org/wiki/Le_Tour_de_la_France_par_deux_enfants/Texte_entier (дата обращения: 02.01.2024).

часть — 200 иллюстраций и систематический указатель тем, необходимый для занятий по гражданскому воспитанию, географии, истории, естественным наукам и этике. Впервые опубликованная в 1877 г., книга оставалась востребованной вплоть до 1950 г. и выдержала 260 изданий (в 1914 г. ее тираж превысил 7 млн экз.). Она была переведена на иностранные языки, в том числе на русский (несколько изданий)¹². В 1976 г. к столетию первой публикации было сделано юбилейное переиздание; по мотивам книги осуществлены экранизации, в том числе Ж.-Л. Годаром.

Общественная значимость произведения выше его художественной ценности. Как пишет автор в предисловии, «сгруппировав все знания этического и гражданского характера вокруг идеи Франции», нужно было «показать детям их родину с ее наиболее благородными чертами». К культурным и общественным ценностям школьники приобщались вместе с персонажами книги — братьями Андре (14 лет) и Жюльеном (7 лет), покинувшими Лотарингию после того, как их родной город Пфальцбург (Phalsbourg) отошел к Германии. Братья отправились в путешествие, похоронив отца, последним словом которого было слово «Франция». Знакомясь со страной, дети шли «по французским дорогам», встречались с местными жителями, которые давали им кров и воду, показывали фермы и производства, рассказывали о французской школе, героях и великих людях Франции. В финале путешествия им открывался Париж и его знаменитые памятники. Между тем главной ценностью, показанной в книге, является нелегкий крестьянский и ремесленный труд. Показывалось, что, трудясь на земле и в местной промышленности (даже плетя кружева!), жители работают «на благо Франции», «любимой Франции», которой Андре и Жюльен тоже хотели «быть достойны». Роман завершается описанием идеальной фермы *Grand'Lande*; там, во французской глубинке, братья остались жить и работать¹³.

Эта книга воспитала не одно поколение французов. По ней учились читать, получали практические знания (как «ухаживать за лошадьми, различать породы деревьев в лесах *гексагона*, породы коров и сорта овощей»¹⁴) [выделено нами. — Т.3.]; приобщались к ценностям Республики и истории страны, в том числе дореспубликанской. Идеологическое значение книги было столь велико, что

¹² Брюно Ж. Путешествие двух детей по Франции: Сокр. изд.: для 3 и 4 годов обучения: Текст с введ., сб. слов и оборотов, алф. слов. и многими рис. 3-е изд., без перемен. Пг., 1917.

¹³ Bruno G. Op. cit. P. 34; 73; 345; 67; 371;1.

¹⁴ Bresson V. Quand la France avait son «petit livre de la République». URL: <https://www.slate.fr/story/196828/livre-ecole-tour-france-par-deux-enfants-nationalisme-troisieme-republique> (дата обращения: 02.01.2024).

историки Жак и Мона Озуф назвали ее «красной книжечкой Республики», или «цитатником» (*le petit livre rouge de la République*) [Ozouf, Ozouf, 1984]. Есть отсылки к «круговому» освоению территории Нации: *Le Tour de la Nation / [Круговое] Путешествие по Нации*¹⁵ и *Гексагона: Une aventure à travers l'Hexagone/Авантюрное путешествие по Гексагону*¹⁶. Метафоры окружности и шестиугольника оказываются взаимозаменяемыми и отсылают к внешнему контуру страны, с одной стороны, и ее внутренней целостности — с другой.

Идея целостности Франции осваивалась и в научной литературе, в том числе с опорой на зрительный образ страны. Так, географ Поль Видаля де ля Бланш подчеркивал, что географическое разнообразие Франции объединяет внутренняя «ассимиляционная сила» [цит. по: J.-Y. Guilomar, 1984]. Историк Ж. Мишле высказывался еще более определенно: он сравнил регионы страны с плотно прилегающими к друг другу частями одного организма. Вся история Франции, по Мишле — это восхождение к единству под воздействием перерабатывающей различия силы Центра [Michelet: 94; 89; 53 и др.]. Названия обеих работ практически совпадают: *Tableau de la France (Картина Франции)* у Мишле и *Tableau de la géographie de la France (Картина географии Франции)* у Видаля де ля Бланш. Таким образом укреплялось сенсорное представление единого целого, пусть не шестиугольника, а картины.

Между тем реальное пространство Франции не столь гармонично. По мнению Ф. Броделя, оно несет «печать искривленности, почти катастрофической асимметричности» [Бродель, 1994: 270]. Несоответствие воображаемой и реальной картин было серьезным вызовом идентичности. Вспоминая свою школу конца 30-х годов XX в., известный историк Мона Озуф называет ее «местом счастливой абстракции», где можно не бояться того, что «было угрожающим или болезненным» во внешнем мире. «Франция прежде всего была картой, прикрепленной к стене медными гвоздиками... В течение всего года мы видели ее перед глазами, спокойную и уверенно расположившуюся со своими шестью сторонами (какое было смятение, когда однажды я увидела ее косо расположенной на карте Европы, с носом, повернутым в сторону Англии, как будто ее вывел из равновесия северо-западный ветер)» [Ozouf, 2009: 108; 119]. Как следует из контекста, образ шестиугольника оказывал не только идеологическое, но и эстетическое воздействие: гармония границ сочетается с их надежностью, изящество и совершенство очертаний — с чувством защищенности и гордости. Мы возвращаемся

¹⁵ Cabanel P. *Le Tour de la Nation par deux enfants: romans scolaires et espaces nationaux (XIXe — XXe siècles)*. P., 2007.

¹⁶ Bresson V. *Op. cit.*

к идее «обитаемого» и «счастливого пространства» (Г. Башляр) и к метафоре пространства как «вместилища» человека (Дж. Лакоффу и М. Джонсон).

В первой половине XX в. мифологизация национальной территории начала вызывать критику. В 1922 г. Л. Февр не без сарказма писал об образе Франции, заключенной в «естественные границы», как о социальном конструкте, созданном политиками и учеными: «Наконец, <...> на одобренное и описанное очертание [границ] была наложена восхитительная геометрия. Она предлагала ученым свои комбинации линий, из которых они могли выбирать: была ли Франция в большей степени шестиугольником, чем восьмиугольником? Какая жесткая неопределенность. И по этому важному вопросу шли очень громкие споры». Но тут же, уже без сарказма, Л. Февр упомянул, что в своем сердце французы сохранили идеализированный образ: «<...> несмотря ни на что, в глубине души мы сравниваем Францию святого Людовика или Карла VII с образом идеальной Франции, который мы продолжаем носить в себе. С сегодняшней Францией — нисколько, с Францией «естественных границ» — безусловно» [Febvre, 1949: 364; 363]. Этот образ, соотносимый со «счастливым пространством» древней Галлии, связывает триаду *L'Hexagone, La France, La Gaule* переплетающимися линиями.

В 50–60-е годы XX в. геометрический образ пространства страны получил «второе дыхание» и вновь был использован для поднятия морального духа жителей. У французов еще оставались тяжелые воспоминания о военных, политических и репутационных потерях во время гитлеровской оккупации. Однако в 1945 г. Эльзас и Лотарингия вернулись в состав Франции, и фигура многоугольника восстановила «правильные» формы — с шестью или восемью углами. Так, в *Энциклопедии географии Франции в XX веке* (1950) отмечается: «Франция имеет почти правильную геометрическую форму: в ней можно увидеть восьмиугольник с четырьмя сторонами поверхности суши и четырьмя сторонами поверхности моря»¹⁷. В конце 60-х годов закрепляется образ шестиугольника (окончательно ли?), при этом он приобретает новые геополитические коннотации, связанные с распадом колониальной системы Франции. Ср. определение слова *hexagone* в дополнении к словарю *Grand Larousse* 1969 г.: «Франция, ограниченная территорией метрополии»¹⁸. Слово начинает широко использоваться в книгах, статьях, словарях именно в данном значении. Некогда гармоничный и устойчивый, образ гексагона стал ассоциироваться с потерей колоний: «В гео-

¹⁷ Encyclopédie géographique du XX-me siècle / Dir. de R. Ozouf et M. Rouable. P., 1950. P. 11.

¹⁸ Grand Larousse encyclopédique: supplement. P., 1969.

графическом плане гармония шестиугольника была урезана, и его общий вид искажен» (Sur le plan géographique, l'harmonie hexagonale est ébréchée et la figure de l'ensemblе altérée) [Nordman, 1984: 56]; «Франция “после 1962 г., уменьшена до размера шестиугольника”» (une France «depuis 1962 réduite à l'hexagone»). Высказывалась, однако, надежда, что пространство Франции остается сбалансированным: «несмотря на сарказмы по поводу своих утрат, проявляющиеся в насмешках языка над гексагоном», «уменьшившись до своих собственных размеров» (réduite à elle-même), «Франция сохраняет совершенство физического очертания» [Weber, 1984: 112].

В 70-е годы XX в. трансформация продолжается, и формируется диада *La France* (мифологизированное восприятие) — *L'Hexagone* (прагматическое восприятие). По свидетельству Р. Бовэ, обозначение *La France* содержит сему «мещанской привязанности, тяготеющей к чему-то фольклорному», в то время как *L'Hexagone* является «сугубо функциональным» и более удачным наименованием «большой современной нации»¹⁹. Таким образом, идея привязки к истокам переходит от Галлии к Франции, но она воспринимается как анти-теза современности; возникает идея отрыва от корней, и чувство национальной принадлежности демифологизируется. В середине 80-х годов Э. Вебер все еще фиксирует возвышенные трактовки образа гексагона, но отмечает, что они воспринимаются как излишне пафосные, вследствие чего слово имеет менее частотное употребление, чем другие «аллегории Франции» [Weber, 1984: 113].

В конце XX в. во французском обществе углубляются процессы, связанные с размытием и даже кризисом идентичности, что отражают и новые коннотации наименования *L'Hexagone*. В статье «Гексагон: колониальное завоевание?» (1988) М. Пьо утверждает, что шестиугольник символизирует «абстрактный спор между Нацией и Регионом» относительно общего пространства. Этот спор, который выигрывает Нация — «держатель гексагона». Подобно бывшим колониям, регионы и даже сама столица приносятся в жертву ассимиляции: у парижан «нет идентичности», город уже давно стал не «местом идентификации» (lieu d'identification), а «местом транзита» (lieu de transit) [Piault, 1988]. В массовой культуре образ гексагона также «переживается» критически, ср. песню известного исполнителя Рено (*Renaud*) «L'Hexagone» (1975), посвященную неутешительным итогам года в жизни французов. Шлягер не утратил популярности и исполняется с актуальными вариациями вплоть до настоящего времени (2021).

¹⁹ Beauvais R. Op. cit. P. 7.

Наименование Н/*hexagone* не вышло из культурного и языкового обихода, но превратилось в эмблему. В настоящее время в сети Интернет можно найти ряд сайтов публицистического характера, объясняющих его значение; все найденные нами толкования адресованы широкой аудитории, часто школьникам; трактовки максимально упрощены и отсылают к «шестиугольной» конфигурации Франции: *Ce surnom fait référence à la forme de la France en hexagone/ Это прозвище/прозвание отсылает к форме шестиугольника, которую имеет Франция*²⁰. На многих сайтах гексагон называется «символом французской Республики»²¹, «эмблемой Франции», заменившей галльского петуха²². Он используется в логотипе Французской федерации футбола, а также в денежной сфере, на обратной стороне французских монет разных лет выпуска: 1 франк (выпуск 1988 г. в честь де Голля); 1 и 2 евро (выпуски во Франции, 1999–2021); 1 и 2 евро (выпуск во Франции 2022 г., новый дизайн)²³.

Можно ли утверждать, что Н/*hexagone* — это не спонтанное, а искусственно созданное имя, родившееся под пером общественных деятелей и политиков и потому ограниченное официальной сферой? Скорее речь идет о промежуточном положении. Среди характеристик искусственно созданных имен оторванность от естественного процесса номинации [Подольская 1978: 63]; преобладание в официальной сфере, ограничение по частотности [Суперанская, 1972: 160]; закрепление в официальных организациях [Dorion, Hamelin, 1966: 207]. С одной стороны, наименование возникло в административно-образовательной сфере и у него был автор, с другой — оно не закреплено в Конституции V Республики и других официальных документах²⁴. Область его распространения шире, чем у полионимов — перифраз *La République (française)*, *La V-me République* (Французская Республика, Пятая Республика). Наконец, «геометрическая»

²⁰ 11 Noms pour la France à Connaître. URL: <https://french-iceberg.com/fr/noms-pour-la-france/> (дата обращения: 02.01.2024); La géographie de la France. URL: <https://bonjourleselevesblog.wordpress.com/2017/02/16/la-geographie-de-la-france/> (дата обращения: 12.01.2024).

²¹ Les symboles de la République française. URL: <https://www.espacefrancais.com/les-symboles-de-la-republique-francaise/> (дата обращения: 03.01.2024).

²² *Ona C.* Pourquoi on appelle la France l'Hexagone URL: <https://education.toutcomment.com/article/pourquoi-on-appelle-la-france-l-hexagone-13448.html> (дата обращения: 03.01.2024).

²³ Hexagone (France). URL: https://wikimonde.com/article/Hexagone_%28France%29; Новый дизайн французских монет 2022 г. URL: https://www.numizmatik.ru/news/novyy-dizayn-frantsuzskikh-monet-1-i-2-evro-s-2022-goda_n11269.html (дата обращения: 03.02.2024).

²⁴ Constitution du 4 octobre 1958. Version en vigueur. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000000571356/> (дата обращения: 07.02.2024).

мотивация имеет в основе не одну, а несколько оснований и целый ряд коннотаций, что для искусственного имени нетипично.

Подведем итоги. *Hexagone* занимает промежуточное положение между естественными и искусственными наименованиями и является параллельным, дополнительным обозначением Франции, образованным на основе сходства с геометрической фигурой, разновременным по отношению к *Gaule / Галлия* и одновременным по отношению к *France / Франция* и ряду перифраз. В отличие от перифраз — официальных названий *La République (française)*, *La V-me République / (Французская Республика, Пятая Республика)*, *Hexagone* сохраняет ярко выраженные эмотивные, конкретно-чувственные коннотации.

Данное наименование имеет более позднее происхождение, чем этнопонимы *La France*, *la Gaulle*, и, в отличие от них не восходит к историческим названиям племен. Это «продукт» новой истории Франции, связанный с формированием и изменением чувства национальной идентичности французов. Между тем онтологическая метафора правильной геометрической фигуры старше и сложнее, чем собственно шестиугольник: это окружность, четырех-, шести-, восьмиугольник. Развитие национальной символики проводилось в период Третьей Республики с активным участием школы. Это во многом объясняет коннотации наименования: геополитические (устойчивость границ), идеологические (идентификация нации) и эстетические (уравновешенность, гармония).

Эти коннотации исторически изменчивы: мифологизированное пространство как воплощение древней Галлии (вторая половина XIX в.); «одобренная и описанная» «комбинация линий» (начало XX в.); территория метрополии, потерявшей колонии, а вместе с ними и часть себя (середина XX в.); отрыв от корней, размывание чувства идентичности (конец XX–XXI в). Таким образом, эволюция наименования *Hexagone* отражает переход от примордиалистской идеи природного дара к идее социального конструкта, а впоследствии и деконструкции сложившейся структуры.

Перспективы исследования связаны с рассмотрением других обозначений, формирующих систему наименований Франции как пространства коллективной идентичности французов во всем многообразии ее проявлений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агеева Р.А. Страны и народы: происхождение названий. М., 1990.
2. Апресян В.Ю., Апресян Ю.Д. Метафора в семантическом толковании эмоций // Вопросы языкознания. 1993. № 3. С. 27–35.
3. Башляр Г. Избранное: Поэтика пространства. М., 2004.

4. *Бродель Ф.* Что такое Франция: В 2 т. Т. 1. М., 1994.
5. *Доржиева Г.С., Щербакова А.А.* Ономасиология vs ономастика: проблемы номинации. Улан-Удэ, 2019.
6. *Ермолович Д.И.* Имена собственные на стыке языков и культур: Заимствование и передача имён собственных с точки зрения лингвистики и теории перевода. М., 2001.
7. *Загряжкина Т.Ю.* Вехи идентичности в межкультурном и языковом аспектах (от Прованса к Окситании) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 3. С. 24–39.
8. *Исаева Е.В.* Употребление перифразы для обозначения географических объектов Квебека // Канадский ежегодник. 2014. Вып. 28. С. 110–121.
9. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. М., 2004.
10. *Никонов В.А.* Введение в топонимику. 2-е изд., М., 2011.
11. *Подольская Н.В.* Словарь русской ономастической терминологии. М., 1978.
12. *Робустова В.В.* Антропонимическое прозвище в современном коммуникативном пространстве // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 1. С. 120–130.
13. *Смирнова В.Е.* Семантика названий географических объектов России в дискурсе французов XVII и XVIII вв. // Вестн. Моск. ун-та. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 4. С. 140–146.
14. *Суперанская А.В.* Общая теория имени собственного. М., 1972.
15. *Тишков В.А., Шабаетв Ю.П.* Этнополитология: политические функции этничности. 2-е изд. М., 2013.
16. *Филитова Е.А.* Территории коллективной идентичности в современном французском дискурсе: Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2010.
17. *Шшимарев В.Ф.* Очерки по истории языков Испании. М.; Л., 1941.
18. *Dauzat A.* Les noms de lieux: origine et évolution. P., 1962. (1-ère éd. 1926).
19. *Dorion H., Hamelin L.-E.* De la toponymie traditionnelle à une choronymie totale // Cahiers de géographie du Québec. 1966. Vol. 10. № 20. P. 195–211.
20. *Dorion H., Lahoud P. a).* Québec et ses lieux de mémoire: noms d'hier et surnoms d'aujourd'hui. Québec, 2013.
21. *Dorion H., Lahoud P. b).* Le Québec autrement dit et un tour du monde en surnoms. Montréal, 2013.
22. *Dorion H., Poirier J.* Lexique des termes utiles à l'étude des noms de lieux. Québec, 1975.
23. *Febvre L.* La terre et l'évolution humaine. 1949.
24. *Guilomar J.-Y.* Le tableau de la géographie de la France de Vidal de la Blanche // Les lieux de mémoire / Dir. de P. Nora. en 3 vol., 7 livres. Vol. 2. Livre 1. Pp. 569–595.
25. *Michelet J.* Tableau de la France, 1949.
26. *Nordman D.* Des limites d'Etat aux frontières nationales // Les lieux de mémoires / Dir. de P. Nora. en 3 vol., 7 livres., 1984. Vol.2. Livre 2. P. 48–49.
27. *Ozouf M.* Composition française: retour sur une enfance bretonne. Saint-Amand, 2009.
28. *Ozouf J., Ozouf M.* Le Tour de la France par deux enfants: le petit livre rouge de la République // Pierre, NORA (dir.), Les Lieux de mémoire / Dir. de P. Nora. en 3 vol. 7 livres. Vol. 1. 1997. P. 277–301.
29. *Piault M.* L'hexagone: une conquête coloniale ? // Ethnologie française. 1988. T. 18. Racismes. P. 148–155.
30. *Weber E.* L'Hexagone. Les lieux de mémoire / Dir. de P. Nora. en 3 vol., 7 livres. Vol.2, livre 7. P. 97–115.

Tatiana Yu. Zagryazkina

**TOPONYMIC POLYONYMY THROUGH THE PRISM
OF IDENTITY PROBLEMS: *HEXAGONE* IN THE FRENCH
NAMING SYSTEM**

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; tatiana_zagr@mail.ru

Abstract: The article examines the processes associated with the formation of the French designation system using the example of the name L'Hexagone and its interrelationships with other names: la France, la Gaule, la V-me République, etc. Taking into account the works of A.V. Superanskaya, R.A. Ageeva, G.S. Dorzhieva, G. Bashlyar, A. Dose, A. Dorion and others, the examination of linguistic and sociolinguistic data found in dictionaries, artistic, journalistic and scientific writings, as well as on Internet sites, is conducted. The purpose of the article is to establish the place of the Hexagone name in the French polyonym system and to qualify the associations underlying this name. It is shown that among them is the image of a regular geometric figure (circle, square, six- and octagon) with geopolitical, ideological and aesthetic connotations. A number of connotations bring this image closer to the “lived space” in the understanding of G. Bachelard and the metaphor of the container space of J. Lakoff and M. Johnson. The variability of the designations of France, forming a system of polyonyms and reflecting the development of a sense of identity of the French, is emphasized. A manifestation of this feeling is the sensory perception of the space of collective identity as harmonious and protected, which is manifested, in particular, in the name L'Hexagone.

Keywords: France, Gaul, Hexagon, toponymic polyonymy, space of collective identity, “lived space”, ontological metaphor

Funding: This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Preservation of the World Cultural and Historical Heritage”.

For citation: Zagryazkina T.Yu. (2024). Toponomic polyonymy through the prism of identity problems: *Hexagone* in the French naming system. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, no 3(27), pp. 9–26. (In Russ.)

About the author: Tatiana Yu. Zagryazkina — Dr. Habil. in Philology, Professor, Head of the Department of French Language and Culture at the Faculty of Foreign Languages and Area Studies of Lomonosov Moscow State University; tatiana_zagr@mail.ru

REFERENCES

1. Ageeva R.A. 1990. *Strany i narody: proiskhozhdenie nazvani I* [Countries and peoples: the origin of names]. Moscow, Nauka. (In Russ.)
2. Apresyan V.YU., Apresyan YU.D. 1993. Metafora v semanticheskom tolkovanii ehmtsii [Metaphor in the semantic interpretation of emotions]. *Voprosy yazykoznaniya* [Questions of linguistics], no. 3, pp. 27–35. (In Russ.)

3. Bashlyar G. 2004. *Izbrannoe: Poehtika prostranstva* [Favorites: The Poetics of space]. Moscow, ROSSPEHN. (In Russ.)
4. Brodel' F. 1994. *Chto takoe Frantsiya* [What is France]. In 2 vol. Vol. 1. Moscow, Izdatel'stvo imeni Sabashnikovoykh. (In Russ.)
5. Dorzhieva G.S., Shcherbakova A.A. 2019. *Onomasiologiya vs onomastika: problema nominatsii* [Onomasiology vs Onomastics: problems of Nomination]. Ulan-Udeh: Izdatel'stvo Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. (In Russ.)
6. Ermolovich D.I. 2001. *Imena sobstvennyye na styke yazykov i kul'tur: Zaimstvovanie i peredacha imen sobstvennykh s tochki zreniya lingvistiki i teorii perevoda* [Proper names at the junction of languages and cultures: Borrowing and transfer of proper names from the point of view of linguistics and translation theory]. Moscow, R. Valent. (In Russ.)
7. Zagryazkina T.YU. 2020. Vekhi identichnosti v mezkul'turnom i yazykovom aspektakh (ot Provansa k Oksitanii) [Landmarks of identity in intercultural and linguistic aspects (from Provence to Occitania)]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 24–39. (In Russ.)
8. Isaeva E.V. 2014. Upotreblenie perifrasy dlya oboznacheniya geograficheskikh ob'ektov Kvebeka [The use of periphrases to designate geographical features of Quebec]. *Kanadskii ezhegodnik*. [The Canadian Yearbook], vol. 28, pp. 110–121. (In Russ.)
9. Lakoff Dzh., Dzhonson M. 2004. *Metafora, kotorymi my zhivem* [The metaphors we live by]. Moscow, URSS. (In Russ.)
10. Nikonov V.A. 2011. *Vvedenie v toponimiku* [Introduction to toponymy]. Izd. 2-e. Moscow, izdatel'stvo LKI. (In Russ.)
11. Podol'skaya N.V. 1978. *Slovar' russkoi onomasticheskoi terminologii* [Dictionary of Russian Onomastic terminology]. Moscow, Nauka. (In Russ.)
12. Robustova V.V. 2008. Antroponimicheskoe prozvishe v sovremennom kommunikativnom prostranstve [An anthroponymic nickname in the modern communicative space]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 120–130. (In Russ.)
13. Smirnova V.E. 2019. Semantika nazvaniy geograficheskikh ob'ektov Rossii v diskurse frantsuzov XVII i XVIII vv. [Semantics of names of geographical objects of Russia in the discourse of the French of the XVII and XVIII centuries]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 140–146 (In Russ.)
14. Shishmarev V.F. 1941. *Ocherki po istorii yazykov Ispanii*. [Essays on the history of Spanish languages]. M.; L.: Nauka. (In Russ.)
15. Superanskaya A.V. 1972. *Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo* [The general theory of the proper name]. Moscow, Nauka. (In Russ.)
16. Tishkov V.A., Shabaev Yu.P. 2013. *Ehtnopolitologiya: politicheskie funktsii ehtnichnosti* [Ethnopolitology: the political functions of ethnicity.]. M.: Izd-vo Mosk. un-ta. (In Russ.)
17. Filippova E.A. 2010. *Territorii kollektivnoy identichnosti v sovremennom frantsuzskom disкурse* [Territories of collective identity in the contemporary French discourse]. Autoabstract of the thesis ... PhD in History. Moscow (In Russ.)
18. Dauzat A. 1962. *Les noms de lieux: origine et évolution*. P., Delabreve. (In French)
19. Dorion H., Hamelin L.-E. 1966. De la toponymie traditionnelle à une choronymie totale. *Cahiers de géographie du Québec*, vol. 10, no. 20, pp. 195–211. (In French)
20. Dorion H., Lahoud P. 2013. a). *Québec et ses lieux de mémoire: noms d'hier et surnoms d'aujourd'hui*. Québec: Les Éditions GID. (In French)
21. Dorion H., Lahoud P. 2013. b). *Le Québec autrement dit et un tour du monde en surnoms*. Montréal: Les éditions de l'Homme. (In French)

22. Dorion H., Poirier J. 1975. *Lexique des termes utiles à l'étude des noms de lieux*. Québec: Presses de l'Université Laval. (In French)
23. Febvre L. 1949. *La terre et l'évolution humaine*, A. Michel. (In French)
24. Guilomar J.-Y. 1984. Le tableau de la géographie de la France de Vidal de la Blanche. *Les lieux de mémoire*. Dir: de P. Nora. en 3 vol., 7 livres, vol. 2, livre 1. Paris: Gallimard, pp. 569–595. (In French)
25. Michelet J. 1949. *Tableau de la France*. Paris: Société des Belles Lettres, p. 115. (In French)
26. Nordman D. 1984. Des limites d'Etat aux frontières nationales. *Les lieux de mémoires*. Dir. de P. Nora. en 3 vol., 7 livres. Paris: Gallimard, vol.2, livre 2, pp. 48–49. (In French)
27. Ozouf M. 2009. Composition française: retour sur une enfance bretonne. Saint-Amand. (In French)
28. Ozouf, J., Ozouf, M. 1984. Le Tour de la France par deux enfants: le petit livre rouge de la République». *Les Lieux de mémoire*. Dir. de P. Nora. en 3 vol., 7 livres, vol. 1. Paris: Gallimard, pp. 277–301. (In French)
29. Piault M. 1988. L'hexagone: une conquête coloniale ? *Ethnologie française*, t. 18. Racismes, pp. 148–155. (In French)
30. Weber E. 1984. L'Hexagone. *Les lieux de mémoire*. Dir. de P. Nora. en 3 vol., 7 livres, vol. 2, livre 7. Paris: Gallimard, pp. 97–115. (In French)

Статья поступила в редакцию 13.02.2024;
одобрена после рецензирования 13.03.2024;
принята к публикации 08.04.2024;

The article was submitted 13.02.2024;
approved after reviewing 13.03.2024;
accepted for publication 08.04.2024

Ю.А. Филясова

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ЭМФАЗЫ В АНГЛИЙСКОМ РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ

*Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия; phill.yield@gmail.com*

Аннотация: В статье рассматриваются эмфатические модели синтаксических конструкций, служащие для выделения коммуникативно релевантных элементов рекламного дискурса, обладающих высоким персуазивным потенциалом. Исследование было выполнено на материале 19 автомобильных рекламных брошюр, содержащих важные для целевой аудитории сведения о моделях автомобильных брендов и их компаниях-производителях. Цель исследования — изучить виды эмфатических конструкций, встречающихся в английском рекламном дискурсе, чтобы на основе их анализа определить, какие виды эмфазы являются наиболее частотными. В ходе исследования было установлено, что перенос эмфатического выделения в анафорическую позицию синтаксических конструкций оказался наиболее распространенным приемом для подчеркивания семантически релевантных участков речи. Анафорическое выделение направлено на рематизацию элементов темы, которое тем не менее не умаляет значимости катафорической позиции, традиционно занимаемой ремой. Дополнительно синтаксическая эмфаза активно сопровождалась дискурсивными словами-интенсификаторами, которые, согласно количественным подсчетам, наиболее часто использовались в середине предложений и выполняли функцию удержания внимания в продолжение эмфатического начала. Благодаря дислокации ремы и дискурсивным словам вся эмфатическая конструкция на фоне окружающего контекста оказывается в фокусе внимания читателей. Наиболее распространенными синтаксическими средствами эмфазы, в порядке убывания, оказались следующие: фронтирование, псевдорасщепление, расщепление, инверсия, элаборативные, интродуктивные и дублированные конструкции. Результаты проведенного исследования могут быть использованы при обучении лингвистическому анализу текста и прикладным аспектам языкознания студентов направления «Лингвистика», а также профессионально-ориентированному английскому языку студентов направления «Реклама и связи с общественностью».

Филясова Юлия Анатольевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и перевода гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного экономического факультета; phill.yield@gmail.com.

Ключевые слова: акцентное выделение; экспрессивный синтаксис; коммуникативная структура; инверсия; фронтирование; дискурсивные слова; расщепление; персуазивный эффект

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-27-3-2

Для цитирования: Филясова Ю.А. Синтаксические средства эмфазы в английском рекламном дискурсе // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 27. № 3. С. 27–42.

Введение

Рекламный дискурс нацелен на привлечение внимания целевой аудитории, оказание воздействия на потенциальных покупателей, изменение менталитета целевой аудитории [Медведева, 2023], вследствие чего эмфатические средства языка являются его интегративными характеристиками. В исследованиях, посвященных изучению явления эмфазы в рекламном дискурсе, отмечается изобилие парентезных конструкций [Михалчева, 2021], повторов, вопросительных предложений, эллиптических, номинативных, парцелированных конструкций [Кораблева, 2023], синтаксической компрессии, риторических тропов, побудительных предложений [Малюга, 2019], предложений с двойным отрицанием, инверсированным порядком слов [Волошина и др., 2021], который часто сопровождается отрицательными наречиями [Жибер, 2020]. Эмфаза встречается совместно с такими явлениями, как положительная оценка [Labrador et al., 2014], эмотивность [Aleksandrova et al., 2020], эвиденциальность [Козловский, 2023], а также целым комплексом стилистических тропов и фигур [Филясова, 2023]. Многие исследователи отмечают неоднозначные корреляции между семантическим содержанием и синтаксическим оформлением эмфатических высказываний [Haude, 2019]. С лингвистической точки зрения, вопрос о том, достаточно лексического наполнения для передачи эмфазы или необходимы специальные синтаксические маркеры, остается открытым [Vocci et al., 2019; Fukumura, Zhang, 2023]. Совокупность экспрессивных рекламных средств могут воздействовать на языковую норму [Ксензенко, 2012]. Следует отметить, что именно благодаря эмфатическим средствам (семантическим, синтаксическим, дискурсивным [Khedri et al., 2022]) функция языка как средства воздействия проявляется наиболее выразительно [Климова, Коздовцева, 2023]. Наряду с продвижением товаров и услуг эмфатические средства языка участвуют в формировании социальных потребностей и стереотипов [Vestergaard, Schroder, 1985; Bovee, Arens, 1992].

Материал и методология исследования

Целью исследования является изучение видов эмфатических конструкций, встречающихся в английском рекламном дискурсе. Актуальность исследования определяется необходимостью выявления языковых особенностей рекламного дискурса, ориентированного на акцентирование конкурентных преимуществ товаров и услуг, формирование положительного отношения к бренду и побуждение к действию — совершению покупок. Изучение рекламных текстов невозможно без применения междисциплинарного подхода, объединяющего дискурсивный, социолингвистический и культурологический виды анализа [Добросклонская, 2020; Ксензенко, 2011: 140].

Теоретическая ценность исследования заключается в попытке проанализировать синтаксические особенности эмфатических высказываний в контексте рекламных брошюр совместно с семантико-коммуникативной структурой синтаксических единиц. Результаты могут быть использованы в практике обучения лингвистическому анализу текста и профессиональному английскому языку.

В качестве материала исследования были использованы 19 брошюр, рекламирующих модели таких автомобильных брендов как Alfa Romeo Passione, Aston Martin DB4 G.T., Bentley Bentayga, BMW, Bugatti Veyron Pur Sang, Buick Encore GX, Buick Cascada, Cadillac Escalade, Chrysler Pacifica, Dodge Durango, Ferrari California T, IXO & BUGATTI, Jaguar XF, Koenigsegg, Lexus LC, Mercedes GLA, Porsche, Rolls-Royce Phantom и Volkswagen Golf. Единицами анализа стали предложения, содержащие синтаксические средства эмфазы, а также парцеллированные конструкции, обладающие смысловым единством, например, *EVERYONE CAN SEE THEY'RE SMART. EVEN ONCOMING TRAFFIC*. Выбор синтаксических средств эмфазы был обусловлен исследуемым материалом и наличием в нем соответствующих эмфатических конструкций. Объектом исследования стали около 200 синтаксических единиц и сверхфразовых единств, содержащих различные средства эмфазы: инверсию, фронтирование, расщепление, псевдорасщепление, эмфатические слова-интенсификаторы, которые были отобраны методом сплошной выборки. Перечисленные синтаксические средства визуально являются выразительными способами привлечения внимания читателей, в отличие от нейтральных синтаксических конструкций. Методы исследования включали дискурсивный, синтаксический, семантический и коммуникативный виды анализа. Эмфатические конструкции характеризуются ослаблением корреляций между синтаксическим строением и коммуникативным конструктом. С помощью синтаксического анализа выделялись грамматические основы и устанавливались формальные отношения между главными и второстепенными чле-

нами предложения, в то время как анализ коммуникативной структуры дополнительно позволял определять семантические связи и актуализировать отношения между компонентами предложения с точки зрения новизны, релевантности и перцепции адресатом.

Результаты и обсуждение

Дискурсивный анализ материала показал, что, с точки зрения теории речевых актов, наиболее часто среди эмфатических конструкций встречается констатив (84%); небольшую группу составили промисив (8%), квеситив (4%) и императив (4%). Эмфаза реализуется с помощью несовпадения линейных синтаксических элементов предложения и компонентов коммуникативной структуры высказывания с точки зрения актуального членения предложения. Инверсированный порядок слов, дополнительно маркированный дискурсивными словами, создает эффект акцентного выделения, или эмфазы. Рассмотрим виды эмфатического подчеркивания более подробно.

1. **Фронтирование** как трансформационный процесс, предполагающий транспонирование элемента из середины или конца предложения в начало, создает эффект акцентного подчеркивания.

(1) *Empty*, the car weighed **only** 710 kg thanks to its light aluminium tubular frame, **which meant that** it had to be loaded with lead weights to satisfy the minimum weight criteria for its class. (*Porsche*)

(2) *Inside*, the driver-centric cockpit features an integrated center stack, 7-inch performance cluster and gauges, Uconnect® 5 radio with a 10.1-inch touchscreen and a wireless charging pad. (*Dodge*)

(3) *Modern, distinctive and commanding*, the Bentayga unites cutting-edge design and innovation, allowing you to experience **everything** this world has to offer. (*Bentley*)

(4) *Through the use of innovative technologies, combined with the heights of Bentley craftsmanship, every* journey becomes effortless in **every** way. (*Bentley*)

(5) *Together with Dynamic Stability Control*, the XF Torque Vectoring by Braking corrects understeer when cornering and helps ensure that your vehicle precisely follows your chosen path. **Even** in challenging weather conditions. (*Jaguar*)

(6) *For those who* truly appreciate a masterpiece **that** perfectly combines technology and design **and** morph them into the most exhilarating driving experience available. A Koenigsegg is their choice. (*Koenigsegg*)

В рассмотренных примерах фронтирование сопровождается обособлением, дополнительно в примере (1) — элаборативной конструкцией, в примере (6) — парцелляцией. В анафорической позиции обособленными членами предложения оказываются определения

(empty, modern, distinctive, commanding), обстоятельство места (inside), образа действия (through the use of innovative technologies), инструментально-агентивное дополнение (together with dynamic stability control), адресатное дополнение (for those who...), осложненное классифицирующими атрибутивными придаточными предложениями. Семантически в начальную акцентную позицию помещаются характеристики автомобиля (вес, интерьер, технологические особенности) или ценности, ожидания и предпочтения покупателей.

Всего на исследуемом материале было выявлено 76 примеров фронтирования, которые синтаксически представляли собой атрибутивные конструкции (35%), обстоятельства образа действия, времени, цели (32%), инструментально-агентивные дополнения (23%), сравнительные конструкции (5%), придаточные предложения времени (3%) и образа действия (2%). Дополнительно, эмфатическое фронтирование сопровождалось использованием наречий-интенсификаторов в 62% случаев. С точки зрения семантики, большинство из них (85%) содержали акцентные средства выделения различных характеристик автомобилей, составляющих конкурентное преимущество для покупателей, такие как цвет экстерьера, комфортабельность салона, механизм управления, сенсорные системы, встроенные элементы искусственного интеллекта. В остальных 15% случаев средства эмфазы были направлены на подчеркивание покупательских ценностей, предпочтений и преимуществ, формирующих положительное отношение к брендам.

2. **Инверсия** как стилистический прием эмфазы представляет собой изменение прямого порядка слов в предложении, — главным образом, подлежащего и сказуемого, — с целью достижения акцентного выделения семантически релевантных единиц речи.

(7) *Never before has* a sense of arrival been imbued with such unparalleled elegance, beauty and presence. (*Rolls-Royce*)

(8) *Equally consistent* is the use of aluminium panelling. (*Bugatti*)

(9) *Only reluctantly would you want* to step out of this exclusive vehicle. (*Porsche*)

(10) *In this year of years, not only would Aston Martin take* an historic outright victory in the Le Mans 24 Hours with the glorious DBR1, it *also* launched a car that would go on to become one of the most coveted and celebrated Aston Martin road and race cars of all time. (*Aston Martin*)

(11) *Should* you desire *even more* freedom to tailor your Bentayga, you may wish to consult the Mulliner team at the Bentley factory in Crewe, who can undertake *completely* bespoke modifications to meet your specific requirements. (*Bentley*)

Инверсия тесно связана с коммуникативной структурой и актуальным членением предложения: начальная позиция заполняется ассертивной частью, в то время как пресуппозитивная часть отодвигается в правый контекст. В примере (7) наречие *never* выполняет эмфатическую функцию благодаря транспонированию в анафорическую позицию предложения второстепенного члена — обстоятельства времени, которое в семантическом плане подчеркивает актуальность инновационных изменений (*Never before...*). В сильной финальной позиции оказываются качества автомобиля, воспринимаемые покупателями на перцептивном уровне как его преимущества (*elegance, beauty and presence*).

В предложении (8) вынесение в начало именной части составного сказуемого, выполняющего функцию сравнения на уровне сверхфразового единства, является примером рематизации темы с целью обеспечения когерентности с предыдущим дискурсивным контекстом, а также фокусирования внимания читателей на правой части предложения, содержащей основную информационную нагрузку — материал, из которого выполнены панели (*aluminum*).

Эмфатическое наречие *only* в примере (9) используется в составе обстоятельства образа действия, выраженного наречием *reluctantly*, обладающего отрицательной коннотацией. Акцентирование внимания на эмоциональном компоненте экспрессивной препозиции *remy* контрастирует с инфинитивом в составном глагольном сказуемом (*to step out*) и атрибутивной частью дополнения, подчеркивающего покупательское преимущество автомобиля (*exclusive*).

Пример (10) содержит двойное акцентирование с помощью синтаксических средств — фронтирование посредством вынесения в анафорическую позицию обстоятельства времени с семантикой актуализации выпуска новой модели автомобиля и отрицательная инверсированная конструкция с наречием-интенсификатором *only* в составе двойного составного союза, обеспечивающего реализацию синтаксического параллелизма предикатов, относящихся к одному субъекту, дублируемому местоимением *it*. Дополнительная эмфатическая нагрузка содержится в атрибутивном придаточном предложении, относящемся к antecedенту *car*, — суперлативная форма прилагательных (*the most coveted and celebrated*), а также местоимения-квантификатора *all*, также обладающего эмфатической семантикой в составе обстоятельства времени (*of all time*).

Инверсия в составе условного предложения без *if* (11) семантически направлена на акцентирование высокой значимости для компании-производителя удовлетворения покупательских предпочтений в случае возникновения таковых (*tailor, consult, undertake*). Кондиционалис как подвид модальности желательности подчерки-

вает про-активную позицию компании в отношении клиентских потребностей. Дополнительно, эмфаза реализуется с помощью дискурсивных наречий-интенсификаторов *even more* и *completely*.

Сравнивая примеры (1-6) и (7-11), можно отметить разницу в семантической стороне эмфатических конструкций: в центре внимания (1-6) оказываются, по большей части, технические характеристики автомобилей, в то время как в (7-11) акцентируются преимущества, имеющие покупательскую ценность.

3. **Псевдорасщепленное предложение** представляет собой двух-частное синтаксическое образование, которое дислоцирует рему по аналогии с инверсией и помещает семантический субъект в катафорическую позицию. Глагол отделяется от примыкающей к нему синтаксической группы и выносится в постпозицию, предворяя рематизированный субъект. Псевдорасщепленное предложение как синтаксическое преобразование с дислокацией ремы освобождает катафорическую позицию для коммуникативно релевантной темы.

(12) *What's* at the heart of a Buick SUV *is actually* you. (*Buick*)

(13) *What* makes this wheel truly unique *is* that the spokes and centre parts are completely hollow and made out of carbon, in one piece, together with the rest of the wheel. (*Koenigsegg*)

(14) *What* you won't see *is* the Invisible Rear Wiper. (*Cadillac*)

(15) *What* this looks like in detail *can be seen* from our new Panamera 4 E-Hybrid. (*Porsche*)

В приведенных примерах рематизированным субъектом коммуникативной структуры предложений становятся покупатель (12), материал и устройство колеса (13), задний дворник (14), модель автомобиля (15). Семантически, в примере (12) используется антропоцентрическая метафора (*heart*), психологически сближающая автомобиль с потенциальным пользователем; пример (13) представляет собой нарративное повествование, фокусирующее внимание на уникальных свойствах колеса; пример (14) интегрирует личность читателя к детали автомобиля с помощью тавтологии (*won't see, invisible*); в примере (15) обе части псевдорасщепленного предложения повествуют о модели автомобиля, при этом оно построено по принципу обратной композиции, согласно которой вторая часть поясняет содержание первой (указательное местоимение *this* замечает название модели Panamera 4 E-Hybrid).

4. **Расщепление**, или дихотомическая трансформация, является системой тематической предикации, которая может быть выражена рядом тематических и тема-рематических вариантов. В отличие от псевдорасщепленного предложения, здесь не происходит дислокации тема-рематических элементов коммуникативной структуры. Формальное подлежащее *It* и подчинительный союз *that* актуализируют

семантический субъект, ослабляя синтаксические элементы в позиции ремы. Любой элемент, обладающий планом выражения и содержания, может оказаться основным компонентом предикации. Несмотря на то что акцентной с коммуникативной точки зрения является анафорическая позиция, семантически она не может существовать без рематического предиката суждения, раскрывающего смысл передаваемого сообщения. Следовательно, внимание читателей не ослабевает при прочтении всего предложения, несмотря на расщепление.

(16) *It is a car brimming with innovation that will more than meet the expectations of discerning clients for whom fun behind the wheel is a priority, but who also demand a sumptuously comfortable Grand Tourer they can use every day. (Ferrari)*

Пример (16) имеет сложное синтаксическое строение, в основе которого находится расщепленное предложение с двумя однородными атрибутивными придаточными с противительными отношениями и последовательным подчинением у второго придаточного. Тематическая предикация представлена существительным *car*, осложненным номинативной атрибутивной конструкцией прогрессивного типа, которое занимает зависимую постпозицию по отношению к антецеденту. Семантически расщепленное предложение фокусирует внимание на автомобиле, формируя положительное отношение к модели посредством подчеркивания ее высокой комфортабельности и изысканного вкуса клиентов. Дополнительно рассматриваемая эмфатическая конструкция содержит локальные акцентные элементы, усиливающие персуазивный эффект всего предложения — контаминация (модификации идиомы *be more to this than meets the eye*) и использование дискурсивных слов-интенсификаторов *also* и *every*.

(17) *The sophisticated monocoque contains all the core structural components, including the W16 engine, the passenger cell, the crash box and the wheel linkages. It is these purpose-driven fundamentals that are visible at the centre of the clear-coated carbon fibre car. (Bugatti)*

В данном примере расщепленной конструкции экспрессивная препозиция, дополнительно акцентированная указательным местоимением *these*, опирается на функциональные структурные элементы автомобиля, упомянутые в предыдущем контексте, подчеркивая их важность. При этом в синтаксической позиции ремы также находится информация, представляющая интерес для потенциальных покупателей: покрытие автомобиля из углеродного волокна.

Таким образом, псевдо-расщепленные и расщепленные предложения, обладая эмфатической структурой, можно считать единица-

ми дискурса, которые полностью выделяются на фоне синтаксически нейтральных предложений и сверхфразовых единств.

5. **Элаборативные предложения с эндофорической референцией** являются примерами, поясняющими содержание предыдущего высказывания, внутритекстового сообщения или отдельного его элемента.

(18) SWANKY CITADEL /// *This is what* it means to lap in luxury. Durango Citadel is decked out in Platinum Chrome accents, 20-inch Satin Carbon wheels and a restyled front end. (*Dodge*)

(19) Koenigsegg is creating a limited series uniquely developed and designed production cars — the One:1 program. *This is* one of the most exclusive production car programs *ever* envisaged. (*Koenigsegg*)

Элаборативные предложения (18–19) начинаются с указательного местоимения *this* в начальной позиции и объясняют имена собственные (SWANKY CITADEL; One:1 program), представляющие собой новую информацию для читателей, создающую сложности для восприятия, но одновременно представляющую собой уникальный контент и потребительскую значимость для потенциальных покупателей. *This is* предвывает рематическую часть предложения, дополнительно акцентированной идиоматическим выражением *lap in luxury* (18), наречием *ever* и суперлативной формой прилагательного *exclusive* (19).

6. **Конструкция ‘there be’** является интродуктивной синтаксической единицей, служащей для актуализации и акцентирования коммуникативно значимого субъекта.

(20) *There’s* power, beauty and soul in abundance — *yet* it goes *much* deeper *than that* — *there is* an unspoken bond between man and machine; a level of understanding and control completely in the hands of the driver. (*Aston Martin*)

(21) The engine’s 207 lb-ft of torque creates brisk acceleration, and *there’s even* an overboost phase that briefly pushes torque to an estimated 221 lb-ft. (*Buick*)

Пример (20) является сложносочиненным предложением с бессоюзной связью, осложненным парентетической конструкцией как элементом экспрессивного синтаксиса. Предложение состоит из четырех независимых конструкций: первые три из них представляют собой предикативные единицы с эмфатической структурой, четвертая — элаборативную конструкцию уточняющего типа, соединенную бессоюзной связью, характеризующейся множественным референциальным потенциалом. Параллельные конструкции с рематизованным подлежащим *there’s* и *there is* дополнительно акцентированы парентезой, содержащей сравнительно-эмфатическую конструкцию *deeper than that* с квантитативным интенсификатором

much. В позиции рематизованной темы оказываются качества автомобиля, представляющие ценность для покупателей (power, beauty and soul), а также простота управления (an unspoken bond between man and machine).

Предложение (21) представляет собой сложносочиненную двухчастную структуру с атрибутивным придаточным во второй части, содержащей эмфатическую конструкцию *there's* и эмфатическое наречие *even*. Тема, актуализированная с помощью конструкции *there's*, подчеркивает техническое преимущество двигателя, способного увеличивать крутящий момент и создавать быстрое ускорение.

7. **Дубликация подлежащего местоимением.** Избыточность в позиции коммуникативного субъекта, которую обеспечивает дубликация подлежащего местоимением, является стилистическим приемом, привлекающим внимание читателей с помощью графической парцелляции.

(22) *An astonishingly innovative car, it includes a host of automatically reactive technologies designed to help enhance your control and visibility. (Chrysler)*

В анафорической позиции предложения (22) дубликация наиболее выразительна, семантически концентрируя внимание на автомобиле, свойства которого акцентированы атрибутивным словосочетанием, осложненным наречием-интенсификатором *astonishingly*. Коммуникативный предикат содержит квантификатор с коннотативным значением неопределенного множества *host* и местоимение второго лица *you*, апеллирующий к личности потенциальных покупателей и реализующий принцип кастомизации. Следовательно, в коммуникативной структуре данного предложения тема содержит информацию, формирующую положительное отношение к автомобилю, в то время как рема уточняет его свойства и фокусирует внимание на личности потребителя.

(23) *Adaptive Cruise Control, it helps make highway driving and heavy traffic situations even easier and more comfortable. (Jaguar)*

Дублированное подлежащее в примере (23) подчеркивает значимость усовершенствованного элемента системы управления и в совокупности с наречием-интенсификатором *even* создает эффект акцентирования данного механизма.

Рассмотренные синтаксические средства, с квантитативной точки зрения, характеризовались гетерогенностью. Распределение частотности встречаемости перечисленных эмфатических конструкций представлено на рис. 1.

Суммируя вышесказанное, основу эмфатического подчеркивания составили синтаксические конструкции, усиливающие начальную позицию в предложении. Фронтирование наблюдалось в 38% слу-

чаев; псевдорасщепленные, расщепленные, инверсированные предложения, включая конструкцию ‘there be’, которые также предполагают рематизацию начальных членов предложения или дислокацию темы, составили 44%. Дубликация темы местоимением также относится к числу синтаксических конструкций, акцентирующих внимание на членах предложения, занимающих анафорическую позицию. Кроме того, элаборативные предложения, рассмотренные в рамках данного исследования, содержали акцентный элемент в начальной синтаксической позиции. Полученные результаты свидетельствуют о том, что анафорическая позиция в предложении с точки зрения синтаксической организации письменной речи представляется наиболее выгодной для создателей рекламных текстов.

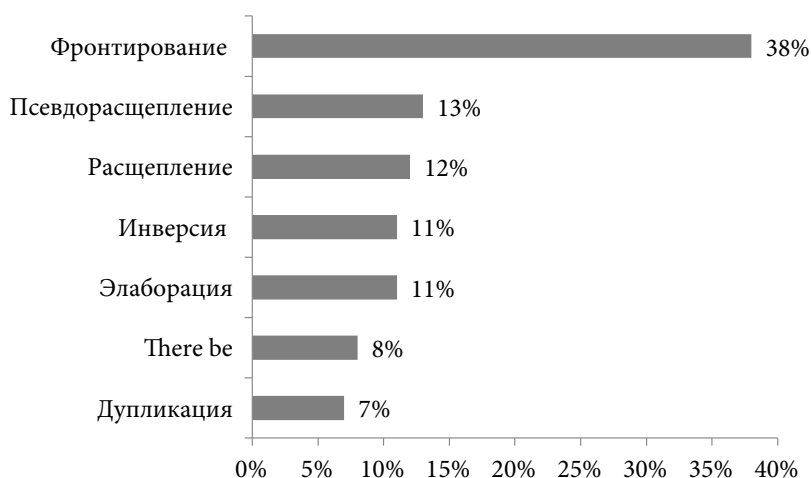

Рис. 1. Виды синтаксической эмфазы в рекламном дискурсе

8. **Дискурсивные слова-интенсификаторы** рассматривались отдельно от синтаксических средств эмфазы, поскольку представляют собой лексические средства выделения, которые тем не менее влияют на линейно-акцентную структуру высказывания. Дискурсивные слова выполняют не только интегративную роль в обеспечении когезии и когерентности рекламного дискурса, но и функцию выделения определенных участков речи, обладающих значительным персуазивным потенциалом. К дискурсивным словам относились наречия-интенсификаторы: *even, very, just, already, yet, rather, also, much, completely, more*; местоимения: *each, such, every, everything, something, nothing, any, anything*. В терминологии Ю.Д. Апресян дискурсивные слова называются рематизирующими частицами [Апре-

сян, 1988: 19], в терминологии Т.Н. Николаевой — акцентирующими частицами [Николаева, 1982: 52].

(24) The LC boasts one of the most powerful naturally aspirated 5.0-liter V8 engines for a **truly** exhilarating experience. **All** that power means **nothing** if it doesn't make you feel **something**. (*Lexus*)

На рассмотренном материале дискурсивные слова встречались более чем в одной единице анализа: коэффициент их употребления составил 1,2 (см. выше предложения 3–5, 11–12, 19–23). В примере (24) наречие **truly** и местоимения **nothing**, **something** подчеркивают потребительскую ценность автомобиля, в то время как местоимение **all** — его мощность. **Nothing** и **something** занимают коммуникативно сильную катафорическую позицию в главной и зависимой части сложноподчиненного предложения условного типа и создают контрастивный эффект, подчеркивая ориентированность продукта на покупателей и их перцептивные аспекты мотивации.

Дискурсивные единицы выполняют функцию локального выделения, или рематизации, определенной единицы синтаксической конструкции. Анализ локации дискурсивных слов в составе эмфатических конструкций показал, что наиболее часто они встречаются в середине предложения (65%); в начальной позиции — вдвое чаще (29%), чем в конечной (15%). Принимая во внимание выявленную тенденцию к использованию синтаксических средств эмфазы в начале предложения, причиной расположения дискурсивных слов в середине синтаксических конструкций можно считать стремление копирайтеров к удержанию внимания читателей на протяжении всего высказывания.

Выводы. В результате изучения рекламного дискурса выявлено, что синтаксическая эмфаза реализуется посредством акцентирования анафорической позиции с помощью таких приемов как фронтинг, инверсия, расщепление, псевдо-расщепление, элаборация, интродуктивная конструкция 'there be' и дубликация подлежащего местоимением. С точки зрения коммуникативной структуры высказывания, в начальной синтаксической позиции оказывается рема, экспрессивная или рематизованная тема, позволяющая с первого взгляда привлечь внимание читателей, которые в контексте маркетинга взаимоотношений рассматриваются в качестве потенциальных покупателей. Дополнительно используются дискурсивные слова, которые, как свидетельствуют количественные подсчеты, наиболее часто встречаются в середине сложных предложений и позволяют удерживать внимание читателей на протяжении всего предложения или сверхфразового единства. Семантически в позиции эмфазы оказываются технические характеристики автомобиля, например, усовершенствованный дизайн сидений, новый цвет кузова, повы-

шенная мощность двигателя или ценностные преимущества покупателей, такие как удобство вождения, перцептивные ощущения комфорта, встроенные элементы искусственного интеллекта, позволяющие автоматизировать процесс управления автомобилем.

Рекламный дискурс обладает высоким персуазивным потенциалом, оказывающим воздействие на целевую аудиторию, особенно в условиях высокой рыночной конкуренции автомобильной продукции. Вследствие необходимости влиять на поведение потенциальных покупателей копирайтеры используют как рациональные, так и эмоциональные средства мотивации. Эмфатические синтаксические конструкции совместно с дискурсивными словами-интенсификаторами являются эффективными языковыми инструментами привлечения и удержания внимания читателей рекламной продукции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Апресян Ю.Д.* Типы коммуникативной информации для толкового словаря // *Язык: система и функционирование.* М., 1988. С. 10–22.
2. *Волошина Т.Г., Зуева Е.А., Нерубенко Н.В., Фисунова Н.В.* Грамматические средства выражения эмоционально-экспрессивного компонента в текстах англоязычных СМИ // *Вопросы журналистики, педагогики и языкознания.* 2021. № 4 (40). С. 486–496. DOI: 10.52575/2712-7451-2021-40-4-486-496
3. *Добросклонская Т.Г.* Медиалингвистика: теория, методы, направления. Ridero, 2020.
4. *Жибер Е.В.* Экспрессивная инверсия в английском языке // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки.* 2020. № 11 (840). С. 81–92.
5. *Климова И.И., Козловцева Н.А.* Язык как инструмент контроля и управления обществом // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика.* 2023. Т. 14. № 2. С. 402–417. DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-2-402-417
6. *Козловский Д.В.* 2023. Регулятивная эвиденциальность в пространстве рекламного медиадискурса // *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование».* № 2 (50). С. 141–154. DOI: 10.25688/2076-913X.2023.50.2.12
7. *Кораблева Е.А.* Экспрессивный синтаксис в статьях культурологической тематики в австралийских СМИ // *Дискурс профессиональной коммуникации.* 2023. № 5 (4). С. 27–40. DOI: 10.24833/2687-0126-2023-5-4-27-40
8. *Ксензенко О.А.* Лингвистические основы рекламной коммуникации. М., 2011.
9. *Ксензенко О.А.* Гносеологические и методологические проблемы современного лингвистического рекламоведения // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация.* 2012. № 1. С. 42–55.
10. *Малюга Е.Н.* Синтаксические характеристики рекламного дискурса // *Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология.* 2019. Т. 25. № 4. С. 100–105. DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-4-100-105.
11. *Медведева Е.В.* Рекламная коммуникация. 4-е изд. М., 2023.
12. *Михалчева А.В.* 2021. О прагматических особенностях экспрессивного синтаксиса в текстах англоязычной популярной прессы // *Филологические науки в МГИМО.* Т. 7. № 1 (25). С. 60–67. DOI: 10.24833/2410-2423-2021-1-25-60-67

13. Николаева Т.М. Семантика акцентного выделения. М., 1982.
14. Филысова Ю.А. Стилистика заголовков в рекламном дискурсе: коммуникативно-функциональное исследование на материале английского языка // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 3. С. 856–875. DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-3-856-875
15. Aleksandrova O.V., Korableva E.A., Kharkovskaya A.A. Expressive Syntactic Devices as Means of Forming Advertising Discourse // Functional Approach to Professional Discourse Exploration in Linguistics / E.N. Maluyga (ed.). Springer Nature Singapore Pte Ltd, Singapore. 2020. Pp. 59–93. DOI: 10.1007/978-981-32-9103-4_3
16. Bocci G., Bianchi V., Cruschina S. Focus in wh-questions // Natural language and linguistic theory. 2021. № 39. P. 405–455. DOI: 10.1007/s11049-020-09483-x
17. Bovee C., Arens W. Contemporary advertising. Von Hoffmann Press, Inc., 1992.
18. Fukumura K., Zhang S. The interplay between syntactic and non-syntactic structure in language production // Journal of Memory and Language. 2023. Vol. 128. 104385. DOI: 10.1016/j.jml.2022.104385.
19. Haude K. On discourse-semantic prominence, syntactic prominence, and prominence of expression: The case of Movima // Journal of Pragmatics. 2019. Vol. 154. P. 22–38. DOI: 10.1016/j.pragma.2018.08.012.
20. Khedri M., Hasan E., Kritsis K. Rhetorical structure and persuasive features of advertising: An intercultural analysis of English and Arabic online advertisements // Russian Journal of Linguistics. 2022. V. 26. № 3. P. 596–624. DOI: 10.22363/2687-0088-24591
21. Labrador B., Ramón N., Alaiz-Moretón H., Sanjurjo-González H. Rhetorical structure and persuasive language in the subgenre of online advertisements // English for Specific Purposes. 2014. Vol. 34. Pp. 38–47. DOI: 10.1016/j.esp.2013.10.002.
22. Vestergaard T., Schroder K. The language of advertising. Oxford, 1985.

Yulia A. Filyasova

THE SYNTACTIC MEANS OF EMPHASIS IN THE ENGLISH PROMOTIONAL DISCOURSE

*Saint-Petersburg State University of Economics, Saint-Petersburg, Russia;
phill.yield@gmail.com*

Abstract. The article considers the emphatic patterns of syntactic structures used for highlighting communicatively relevant elements in promotional discourse with a strong persuasive effect. The research was conducted on the material of 19 automobile promotional brochures containing valuable information about automobile brands and their manufacturers for the target audience. The aim of the research was to study emphatic structures occurring in the English promotional discourse and determine the most frequently used types of emphasis. The study found that the emphatic displacement towards the anaphoric syntactic position occurred most frequently for underlining semantically relevant speech elements. The anaphoric emphasis is intended for the rhematization of thematic parts, which, nevertheless, does not diminish the significance of the cataphoric position, being traditionally occupied by the rheme. In addition, the syntactic emphasis was actively accompanied by discursive intensifier words, which, according to the quantitative data, were used

in the middle of the emphatic sentences most frequently, thus fulfilling the function of retaining attention in continuation of the emphatic beginning. Due to the rheme displacement and discursive words, the entire emphatic structure becomes in the focus of readers' attention against the background of surrounding discourse. The most common syntactic means of emphasis, in descending order, are the following: fronting, pseudo-cleft and cleft sentences, inversion, elaborative, introductory and duplicative sentences. The results of the research can be used for teaching linguistic text analysis and applied aspects of linguistics to students specializing in linguistics and professional English to students majoring in advertising and PR.

Keywords: prominence; expressive syntax; communicative structure; inversion; fronting; discursive words; cleft sentences; persuasion effect

For citation: Filyasova Yu.A. (2024). The syntactic means of emphasis in the English promotional discourse. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, no 3(27), pp. 27–42. (In Russ.)

About the author: Yulia A. Filyasova — PhD in Philology, Associate Professor, the English Philology and Translation Department, Humanitarian Faculty, Saint-Petersburg State University of Economics; phill.yield@gmail.com.

REFERENCES

1. Apresjan Ju.D. 1988. Tipy kommunikativnoj informacii dlja tolkovogo slovarja [Types of communicative information for thesaurus]. *Language: system and functioning*. Moscow: Nauka., pp. 10–22. (In Russ.)
2. Voloshina T.G., Zuieva E.A., Nerubenko N.V., Fisunova N.V. 2021. Grammaticheskie sredstva vyrazhenija jemocional'no-jekspressivnogo komponenta v tekstah anglo-jazychnyh SMI [Grammatical Means of the Emotional-expressive Component's Representation in the English Media Texts]. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, vol. 40, no. 4, pp. 486–496. (In Russ.) DOI: 10.52575/2712-7451-2021-40-4-486-496
3. Dobrosklonskaya T.G. 2020. *Medialinguistics: theory, methods, directions*. Ridero.
4. Zhiber E.V. 2020. Jekspressivnaja inversija v anglijskom jazyke [Expressive inversion in the English language]. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, no. 11 (840), pp. 81–92. (In Russ.)
5. Klimova I.I., Kozlovtsseva N.A. 2023. Jazyk kak instrument kontrolja i upravlenija obshhestvom [Language as an Instrument of Social Control and People Management]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 14, no. 2, pp. 402–417. (In Russ.) DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-2-402-417
6. Kozlovsky D.V. 2023. Reguljativnaja jevidencial'nost' v prostranstve reklamnogo mediadiskursa [Regulatory evidentiality in the space of advertising media discourse]. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, no. 2 (50), pp. 141–154. (In Russ.) DOI: 10.25688/2076-913X.2023.50.2.12
7. Korableva E.A. 2023. Jekspressivnyj sintaksis v stat'jah kul'turologicheskoy tematiki v avstralijskih SMI [Syntactic Expressivity in Cultural Reporting: Insights from Australian Media]. *Professional Discourse & Communication*, no. 5(4), pp. 27–40. (In Russ.) DOI: 10.24833/2687-0126-2023-5-4-27-40
8. Ksenzenko O.A. 2011. *Linguistic fundamentals of advertising communication*. Moscow: MBA Publishing.

9. Ksenzenko O.A. 2012. Gnoseological and methodological problems of modern linguistic advertising. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no.1, pp. 42–55.
10. Malyuga E.N. 2019. Sintaksicheskie kharakteristiki reklamnogo diskursa [Syntactic characteristics of advertising discourse]. *Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, no. 4(25), pp. 100–105. (In Russ.) DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-4-100-105
11. Medvedeva E.V. 2023. Advertising communication. 4th ed. Moscow: Editorial URSS.
12. Mikhacheva A.V. 2021. O pragmaticheskikh osobennostjakh jekspressivnogo sintaksisa v tekstah anglojazychnoj populjarnoj pressy [About Some Peculiarities of Expressive Syntax in English Popular Press]. *Philological Sciences at MGIMO*, vol. 7, no. 1 (25), pp. 60–67. (In Russ.) DOI: 10.24833/2410-2423-2021-1-25-60-67
13. Nikolaeva T.M. 1982. *Semantika akcentnogo vydelenija [The semantics of accentuated prominence]*. Moscow. (In Russ.)
14. Filyasova Yu.A. 2023. Stilistika zagolovkov v reklamnom diskurse: kommunikativno-funkcional'noe issledovanie na materiale anglijskogo jazyka [The Stylistics of English Headlines in Promotional Discourse: a Multidimensional Study]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 14, no. 3, pp. 856–875. (In Eng.) DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-3-856-875
15. Aleksandrova O.V., Korableva E.A., Kharkovskaya A.A. 2020. Expressive Syntactic Devices as Means of Forming Advertising Discourse. *Functional Approach to Professional Discourse Exploration in Linguistics*. E.N. Malyuga (ed.). Springer Nature Singapore Pte Ltd, Singapore, pp. 59-93. DOI: 10.1007/978-981-32-9103-4_3
16. Bocci G., Bianchi V., Cruschina S. 2021. Focus in wh-questions. *Natural language and linguistic theory*, no. 39, pp. 405–455. DOI: 10.1007/s11049-020-09483-x
17. Bovee C., Arens W. 1992. *Contemporary advertising*. Von Hoffmann Press, Inc.
18. Fukumura K., Zhang S. 2023. The interplay between syntactic and non-syntactic structure in language production. *Journal of Memory and Language*, vol. 128, 104385. DOI: 10.1016/j.jml.2022.104385
19. Haude K. 2019. On discourse-semantic prominence, syntactic prominence, and prominence of expression: The case of Movima. *Journal of Pragmatics*, vol. 154, pp. 22–38 DOI: 10.1016/j.pragma.2018.08.012
20. Khedri M., Hasan E., Kritis K. 2022. Rhetorical structure and persuasive features of advertising: An intercultural analysis of English and Arabic online advertisements. *Russian Journal of Linguistics*, no. 3 (26), pp. 596–624. DOI: 10.22363/2687-0088-24591
21. Labrador B., Ramón N., Alaiz-Moretón H., Sanjurjo-González H. 2014. Rhetorical structure and persuasive language in the subgenre of online advertisements. *English for Specific Purposes*, vol. 34, pp. 38–47. (In Eng.) DOI: 10.1016/j.esp.2013.10.002
22. Vestergaard T., Schroder K. 1985. *The language of advertising*. Oxford: Blackwell.

Статья поступила в редакцию 08.02.2024;
одобрена после рецензирования 08.03.2024;
принята к публикации 08.04.2024;

The article was submitted 08.02.2024;
approved after reviewing 08.03.2024;
accepted for publication 08.04.2024

ЯЗЫК И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Л.И. Богданова, Сюй Лиюнь

КУЛЬТУРНЫЕ ЭТАЛОНЫ СКРОМНОСТИ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; libogdanova1@mail.ru

Нанкинский университет, Нанкин, Китай; jsxuliyun@126.com

Аннотация: В статье рассматриваются культурные эталоны скромности в русском и китайском языках. Исследование выполнено на материале словарей и текстовых корпусов двух языков. Цель работы — определить универсальные и национально-специфические черты в формировании культурных эталонов скромности в русском и китайском языках. Объектом исследования является скромность как традиционная ценность русской и китайской лингвокультуры. Кодирование скромности происходит с помощью культурных эталонов, которые отражают сущностные признаки скромности как социокультурной ценности, характеризующей русскую и китайскую культуры. В ходе исследования установлено, что в русском языке скромность, имеющая преимущественно гендерный характер, в основном связана с образом девушки (женщины). Скромность как общечеловеческое качество реализуется противоречиво: 1) «скромность героя, настоящего человека» и 2) «скромность тихого, робкого, зависимого человека». В китайской лингвокультуре «скромность» занимает прочные позиции, и ее «эталонная» реализация, определяемая идеями Конфуция, является неотъемлемой частью не только этикета, но и мировосприятия китайцев. Система китайских эталонов скромности связана с природными объектами и растительными образами, имеющими большое значение для китайской культуры. Результаты данного исследования могут быть использованы в лексикографической практике и при обучении русскому и китайскому языкам.

Ключевые слова: русский язык; китайский язык; культурный эталон; когнитивная метафора; национально-культурный компонент; трансляция культурных смыслов

Богданова Людмила Ивановна — доктор филологических наук, профессор кафедры сопоставительного изучения языков факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; libogdanova1@mail.ru.

Сюй Лиюнь — преподаватель русского языка Нанкинского профессионального института железнодорожных технологий, докторант Института иностранных языков Нанкинского университета (КНР, г. Нанкин), стажёр МГУ имени М.В. Ломоносова (2022–2023 уч. год); jsxuliyun@126.com.

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Для цитирования: Богданова Л.И., Сюй Лиюнь. Культурные эталоны скромности в русском и китайском языках // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 27. № 3. С. 43–61.

Введение. В настоящем исследовании рассматриваются идеи, связанные с национально-культурным кодированием социально значимых качеств человека с помощью культурных эталонов.

Изначально эталон определяется как предмет, максимально точно соответствующий установленному параметру (вес, объём, длина и др.). Ср. определение эталона в толковом словаре: *Эталон* — 1. Точный образец установленной единицы измерения, сама такая мера. *Метр-эталон*. 2. *перен.* Мерило, образец. *Эталон красоты, эталон поведения*¹.

Как видно из толкования, во втором, переносном значении, *эталон* используется с положительной оценкой. Однако в современных лингвистических и лингвокультурологических исследованиях термин *эталон* может применяться также и для оценки и «измерения» отрицательных качеств [Богданова, 2023], например, в русском языке *заяц* — эталон трусости, а *пробка* — эталон глупости. Разумеется, измерить и оценить личность человека, его качества гораздо сложнее, чем иметь дело с килограммами и метрами.

Цель настоящего исследования — определить, какие культурные эталоны сформировались в русском и китайском языках для характеристики и оценки скромности — традиционной социокультурной ценности. Работа выполнена на материале словарей и текстовых корпусов русского и китайского языков.

В лингвистическом контексте эталон понимается как концентрированное выражение какого-либо свойства, качества, как образная подмена свойства или качества человека какой-либо реалией, которая «становится знаком доминирующего, с точки зрения обиходно-культурного опыта, свойства» [Телия, 1996: 242]. Культурные эталоны — недостаточно изученный феномен, требующий более основательного исследования, особенно это касается отражения в эталонах-образцах национально-культурного компонента [Красных, 2001].

Богатым источником выявления национально-культурной специфики эталонов может стать углубленное изучение устойчивых сравнений, а также анализ метафорической семантики фразеологических единиц. В языке и культуре закрепляются и длительное

¹ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1999.

время сохраняются те образные выражения, которые отражают характерный для данной языковой общности способ мировидения. В «наивной» картине мира [Апресян, 1995: 351] можно выделить не только наивную геометрию, наивную физику пространства и времени, но и наивную этику, которая крайне важна для рассмотрения вопроса о национально-культурном компоненте эталонов скромности и трансляции культурных смыслов [Богданова, 2022].

Скромность, представляя собой этический концепт, выступает в качестве регулятора поведения в обеих культурах. В ходе исследования было установлено, что для характеристики скромности и в русском, и китайском языках в качестве эталонов используются природные объекты, образы животного и растительного мира, которые являются для человека, познающего мир, когнитивно значимыми. «Культурные образцы», т.е. эталоны, формируются в культуре и обнаруживают себя в языке с помощью устойчивых сравнений и метафор. В контексте изучения этнокультурной специфики эталонов когнитивная сущность метафоры осознается не только как один из способов глубже познать окружающий мир, но и как средство, помогающее оценить человеческие поступки и качества сквозь призму различных образов. В задачи работы входит систематизация и обобщение представлений о скромности в двух языках на основе анализа культурных эталонов, способных в сжатом виде хранить и передавать информацию от поколения к поколению.

Метафора, формируемая на основе сравнения, является способом закрепления культурных эталонов в культуре. Как предмет исследования метафора интересовала представителей разных наук: филологов, искусствоведов, психологов, философов [Богданова, 2023]. Большой вклад в изучение метафоры внесла книга «Метафоры, которыми мы живём» [Лакофф, Джонсон, 2004]. Авторы этого исследования, рассмотрев вопрос о связи метафор с национально-культурными ценностями, пришли к выводу, что те ценности, которые реально существуют и глубоко укоренились в культуре, согласуются с метафорической системой. Идеи Лакоффа и Джонсона развивали в своих трудах Антонио Барселона [Barcelona, 2003], Золтан Ковечеш [Kovecses, 2010], Андреас Мусолфф [Musolff, 2019] и др. Метафора, создавая новое знание, соотносит разные сущности, пропуская их через человека, соизмеря мир с человеческим масштабом знаний и представлений [Арутюнова, 1990; Lakoff, 1993]. Результативными в этом плане оказываются когнитивные исследования синестезии и смыслообразования в метафорологии [Молчанова, 2018; Молчанова, 2023]. Именно в метафоре более, чем в какой-либо другой форме символического выражения, язык и культура демонстрируют свою неразрывную связь [Basso, 1976: 142], поскольку

ку метафоры формируются на основе стереотипов и образов народного сознания, на базе устойчивых сравнений, «задающих» культурные эталоны, которые, концентрируя в себе наивысшую степень проявления признака, свойства, качества, становятся знаком этого качества [Телия, Опарина, 2011: 147]. Данный факт в значительной степени обусловлен их идиоэтнической спецификой и различной интерпретацией концептуальной метафоры, отражающей субъективный характер мировосприятия, свойственный носителям разных языков и культур [Musolff, 2019].

Метафора создает ассоциативное поле «притяжения» с помощью образов, символов, коннотативных намеков и тем самым участвует в закреплении культурного опыта человечества с помощью определенных фреймов [Lakoff, 1986]. Кодирование культурной информации в семантике языковых единиц происходит на основе коннотаций, которые играют важнейшую роль в межкультурном общении. Комплекс «надстраивающихся» над лексической семантикой прагматических, символических, культурных, энциклопедических и других «созначений» создает среду для формирования эталонов [Толстой, 1995: 289]. Культурные эталоны, представленные фразеологическими единицами, выражая во внутренней форме характерные черты некоторой ситуации, закрепляются в языковом сознании носителей данного языка [Телия, 1996: 60].

Результаты и обсуждение. Проведенное исследование выявило, что понимание скромности, характерной для обеих культур, обладая несомненным сходством, получает далеко не одинаковое воплощение в языковых образах-эталонах, которые обнаруживают национально-культурную специфику, требуя при интерпретации проникновения «в глубинные тайники» значения. Для понимания истоков формирования культурных эталонов скромности необходимо сначала обратиться к лексикографической интерпретации значения слов, обозначающих «скромность» в русском и китайском языках.

Лексикографическое представление скромности в словарях русского языка

Слово *скромный*, по данным этимологических словарей, появилось в русском языке в XVII в., предположительно заимствовано из польского языка, где *skromny* восходит к чешскому *skrovny* в значении ‘скромный, умеренный, незначительный’. В белорусском языке *скроміць* означает ‘успокаивать’. Согласно Словарю М. Фасмера², *скромный* является производным от *krom-; ср. слово *кромы* (‘ткацкий станок’), которое связано с древне-верхне-немецким (h)rama —

² Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1986.

‘рама, станина’; первоначально *скромный* — тот, ‘кто держится в рамках, сдержанный’. В современном русском языке к словам с историческим корнем *кром-* можно отнести следующие: *кромка, крома, закрома, кромсать, укромный* и др.³

В Словаре В.И. Даля *скромность* определяется по прилагательному *скромный* и условно может быть представлена как комплекс из трех групп признаков: 1) ‘умеренный во всех требованиях, смиренный’; 2) ‘кроткий и невзыскательный за себя, не ставящий личность свою наперед, не мечтающий о себе’; 3) ‘приличный, тихий в обращении’⁴. Противоположные скромности качества, согласно В.И. Далю, *самоуверенный, самонадеянный, самолюбивый, себялюбивый; гордый, заносчивый, наглый, нахальный*.

Словарь Д.Н. Ушакова при определении скромности через прилагательное *скромный*, выделяет следующие доминантные признаки: 1. ‘Такой, что не стремится выказывать свои качества, достоинства, заслуги, лиштнный высокомерия и заносчивости’. *Скромный человек. Скромно говорить о своих заслугах.* // ‘Обладающий умеренностью во всем, достаточной стыдливостью, не слишком развязный, вполне приличный, пристойный’. *Я нравлюсь дамам, ибо скромна* (Пушкин). *Почему вы с барышней скромны, а с горничной повесы?* (Грибоедов). 2. ‘Простой, без претензий на роскошь, богатство или особенное изящество’. *Скромная жизнь. Скромно одеваться*⁵. Как видно из толкования, к выделенным В.И. Далем признакам добавляется проекция скромности в осмысление приличного, неразвязного поведения в отношениях с противоположным полом, а также простота, отсутствие стремления к роскоши. И в Словаре В.И. Даля, и в Словаре Д.Н. Ушакова все признаки скромности имеют положительную оценку.

В Словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой⁶ к характеристике скромности (через прилагательное *скромный*) добавляются новые черты. Ср.: 1. ‘Сдержанный в обнаружении своих достоинств, заслуг, не хвастливый’. *Ученый скромна*. 2. ‘Сдержанный, умеренный, простой и пристойный’. *Скромное поведение. Скромная внешность. Скромно одеваться. Скромная квартира*. 3. *перен.* ‘Небольшой, ограниченный, едва достаточный’. *Скромный заработок. Весьма скромный результат*. Данный лексикографический портрет прилагательного *скромный* содержит уже и отрицательно оцениваемые черты (*скромная внешность* — не очень красивая, *скромная зарплата* — маленькая, недостаточная для жизни, *скромный результат* — незначительный и т.п.).

³ Словарь однокоренных слов. URL: stemmings.ru.

⁴ См.: *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1999.

⁵ См.: *Ушаков Д.Н.* Толковый словарь русского языка. М., 2012.

⁶ *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1999.

По данным словарей, синонимы и близкие по значению слова могут иметь различную оценочную интерпретацию, включая в себя как слова с положительной или нейтральной оценкой (*умеренный, воздержанный, невзыскательный; благонравный, благопристойный, приличный; кроткий, стыдливый; тихий* и др.), так и слова с отрицательным оценочным компонентом (*скудный, посредственный*)⁷.

Лексикографическое представление скромности в словарях китайского языка

В китайском языке лексическая единица *скромный* восходит к древнему произведению «Чжоу И» (周易), известному в русском переводе как «Книга Перемен». «Чжоу И» — это наиболее авторитетное произведение китайской канонической философской литературы, которое оказало фундаментальное воздействие на всю культуру традиционного Китая. В этом древнем произведении используются природные образы Неба и Земли для толкования истинной сущности человеческого бытия. В традиционной китайской культуре высокие горы символически обозначают добродетели высшего порядка и могут характеризовать благородных людей. Оба слова, обозначающие «скромность» в китайском языке («谦» и «虚»), связаны с высокими горами. Слово «谦» как составная часть «谦虚» (скромность) по происхождению связано с 15-й гексаграммой, которая означает «горы в земле», т.е. возвышающаяся гора скрыта под обычной землей. Выражение «горы в земле» может характеризовать способ взаимодействия с людьми и объективной действительностью, когда речь идет о скромности. Это значит, что люди, достигшие успехов, столь же высоких, как горы, не возгордились своими достижениями. А слово «虚» из «谦虚» (скромность) происходит от 31-й гексаграммы, которая заключается в том, что горы окружают озёра. Здесь озёра символизируют чужие слова, а горы, окружающие озёра, обозначают тех, кто охотно слушает и принимает советы и мнения со стороны.

В «Древнекитайском словаре» слово, обозначающее «скромность», рассматривается как прилагательное *скромный* и описывает человека не самодовольного, не оценивающего слишком высоко свои успехи: (虚心, 不自满): *Он человек скромный, никогда не говорящий о своих подвигах* (性谦虚, 未尝论功伐) (Книга Цзинь, биография Чжоу Фан)⁸.

В настоящее время понятие «скромность» получило более широкое осмысление, чем в прошлом, в связи с тем, что данное слово используется как глагол. В «Современном китайском словаре» да-

⁷ Словари. Портал gramota.ru.

⁸ Древнекитайский словарь (иллюстрированное издание). Коммерческая пресса, 2012. 古代汉语词典编写组. 《古代汉语词典（四色插图本）》. 商务印书馆, 2012.

ется два определения *скромности*: первое толкует это понятие как имя прилагательное со значением ‘не высокомерный, всегда охотно принимающий критику’ (虚心, 不自满, 肯接受批评), а второе, связанное с глаголом, означает ‘вести себя смиренно, высказывать учтивые слова’ (说谦虚的话), что в потенциальном контексте может означать: «Он вел себя скромно перед приглашением на важную должность, но, наконец, согласился на мою просьбу»⁹.

В «Большом китайском словаре» данное понятие также толкуется и как имя прилагательное, которое описывает качество человека (также дается определение 虚心, 不自满), и как глагол, характеризующий поведение скромного человека (客套, 说谦虚的话)¹⁰.

В современном китайском языке понятие «скромность» (谦虚), как правило, реализуется в качестве глагола и имени прилагательного, в соответствии со словарными определениями, например: *Вы действительно хороши в этой области. Не надо вести себя так скромно!* (在这方面您确实很擅长。您就别再谦虚了!); *Он скромный писатель, и все его очень уважают* (他是一位谦虚的作家, 大家都很敬重他).

Иначе говоря, употребление слова *скромность* в качестве прилагательного и глагола показывает, что в китайской философии и мировосприятии данное качество человека оценивается и с точки зрения внутреннего мира человека, и в аспекте внешнего поведения. Следует отметить, что, хотя скромность никогда не оценивается в китайских словарях как отрицательное качество, слова, обозначающие скромность, не всегда используются с положительной стилистической окраской. О тех, кто чрезмерно скромно себя ведет, иногда даже отказываясь от почетного поручения (предложения, задания), часто говорят с иронией: «Чрезмерная скромность — это высокомерие». Однако ироническая оценка скромности — довольно редкое явление.

Синонимический ряд *скромности* составляют такие слова, как *смирение* (谦恭), *учтивость* (彬彬有礼), *вежливость* (礼貌), антонимический ряд — *надменность* (傲慢), *высокомерие* (高傲), *самодовольство* (自满) и т.п. Интересно, что в китайском языке отсутствует соответствующий эквивалент глагола *скромничать*, который в русском языке обозначает ‘действовать, вести себя с излишней скромностью’¹¹. Вместо отдельного глагола используется сочетание слова, обозначающего скромность, с наречиями, такими, как *чрезмерно* (过分), *излишне* (过于), *слишком* (太) в значении ‘вести себя

⁹ Современный китайский словарь (7-е изд.). Ин-т языкознания Китайской академии социальных наук, 2016. 中国社会科学院语言研究所词典编辑室. 《现代汉语词典 (第7版)》. 商务印书馆, 2016.

¹⁰ Луо Чжунфэн. Китайский словарь. Т. 11. Шанхайское лексикографическое издательство, 2008. 罗竹风. 《汉语大词典第11卷》. 上海辞书出版社, 2008.

¹¹ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1999.

скромно, скромничать'. Примечательно, что такое поведение не вызывает резкого осуждения в китайском обществе, в то время, как в русском социуме оно оценивается как неискреннее и лицемерное.

Итак, изучение лексикографического представления *скромности* в двух языках показало, что понимание скромности, при его несомненном сходстве в двух культурах, имеет и различительные черты. Особого внимания заслуживает тот факт, что объем значений китайских слов, обозначающих скромность, не включает в свой состав, в отличие от русского языка, значений с отрицательной оценкой.

Эталоны скромности в русском языке

В ходе исследования было установлено, что скромность, традиционно рассматриваемая как русская культурная ценность, изначально имела и до сих пор во многом сохранила гендерный характер проявления, который существенным образом влияет на её оценку и отражается в использовании эталонов. Скромность, рассматриваемая как стыдливость, стеснительность, робость, как показывают данные текстовых корпусов, преимущественно соотносилась с образом девушки, но не с образом мужчины, молодого человека. Ср. примеры разных лет из НКРЯ¹²: *Кроткий в обращении, скромный, как девица, осторожный в суждениях, он принадлежал к тем людям, коих души имеют нужду в сильных потрясениях* (А.И. Михайловский-Данилевский. Журнал, 1813); *Лидин... собой прекрасный мужчина, храбрый офицер, но тихий и скромный, как красная девушка* (М.Н. Загоскин, Москва и москвичи, 1843–1850); *Парижский студент..., скромный, как барышня...* (Р.Б. Гуль, 1974); *... я буду скромн, как невеста. Я даже покраснею мозу* (М. Дяченко, С. Дяченко. Привратник, 1994).

Эти текстовые примеры показывают ограниченное понимание скромности, выражающейся в стеснительности, робости, кротости, проявляющейся в вежливом, учтивом поведении. В данном случае текстовые иллюстрации демонстрируют, что эталоном скромного мужчины является *девушка* (*девица*, *барышня*, *невеста* и т.п.), и это, как правило, оценивается отрицательно. Гендерный принцип скромности состоит в том, что правила морали предписывали, что скромной должна быть именно девушка, женщина, и это, безусловно, получало высокую оценку: *Всегда и везде первым женским достоинством была скромность* (Н.М. Карамзин)¹³. Скромность, пони-

¹² Здесь и далее, если нет особых ссылок, примеры из НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 25.02.2024).

¹³ Карамзин Н.М. О легкой одежде модных красавиц 19 века // Литмир. Электронная библиотека. URL: <https://litmir.club> (дата обращения: 20.01.2024).

маемая как стыдливость и оцениваемая положительно при характеристике девушки, не может считаться положительным качеством мужчины. Ср.: *Если бы у меня была жена, такая скромная и стыдливая, как ты, я целовал бы ноги ее, но если б с такими же качествами был сын мой, я высек бы его розгами* (Н.А. Дурова. Кавалерист-девица, 1835). В пространстве Интернета, при обсуждении скромности мужчин, популярно ироническое высказывание, приписываемое Я. Гашеку: *Скромность украшает мужчину, но настоящий мужчина украшения не носит*. Отрицательную оценку скромности-стеснительности мужчины содержат и другие высказывания: *А ничего привлекательного, когда мужчина скромн, как девушка* (В. Лихонос, 1983). Скромность-стыдливость нередко сближается с закомплексованностью: *Слишком закомплексованный, слишком тихий, слишком скромный парень почувствовал власть и силу* (Ника Светлая. Неживая, 2022)¹⁴.

Флоронимы, используемые в качестве эталонов при описании скромного мужчины, подтверждают мысль о гендерной ориентированности русской скромности-застенчивости. Сравнение мужчины с цветком, с фиалкой, с гвоздикой, способствует созданию иронического контекста: *Кроме того и лестно для человека, хоть будь он скромн, как полевая гвоздика...* (К.М. Станюкович. Господин с «Настроением», 1902); *В гостиной, в особенности в присутствии женщин, он был застенчив, как фиалка, и неразговорчив, как пустынножитель* (М.Е. Салтыков-Щедрин. Сатиры в прозе, 1859–1862); *Дарьяр за ужином острил насчет барона, говоря, что он скромн, как фиалка* (И.П. Рапгоф, 1904).

При описании скромной девушки, напротив, эталоны-флоронимы способствуют созданию положительной оценки: *Оленька добра, простодушна, приветлива, почти всегда весела; стыдлива и скромна, как застенчивое дитя; <...> она просто — прелестный земной цветок, украшение здешнего мира* (М.Н. Загоскин. Рославлев, или Русские в 1812 году, 1830); *Женская красота для Толстого должна быть непременно скромной, как фиалка, и прятаться под большими полями шляпы* (И.Ф. Анненский. Вторая книга отражений, 1909). В качестве эталонов, представляющих милую, скромную девушку, часто используются образы полевых цветов, которые, в свою очередь, описываются, как девушки: *скромная ромашка, скромный василек*. Ср. *Скромная ромашка, тонкий стебелек. Белый чистый символ, верности цветок* (Н.А. Мигунова); *Скромная ромашка — спутница влюбленных. Сельская девчушка...* (Любовь Эдвардсен)¹⁵. *Скромный*

¹⁴ Карта слов и выражений русского языка: URL: <https://kartaslov.ru> (дата обращения: 25.02.2024).

¹⁵ URL: <https://stihi.ru> (дата обращения: 23.02.2024).

василек может относиться и к девушке, и к юноше, создавая в обоих случаях положительный образ: *Ты мой скромный василек*¹⁶.

Положительный образ скромного мужчины способны создавать эталоны, подчеркивающие его мужество, героизм: *Он скромный, как настоящий герой; Скромный герой труда; Таким и должен быть скромный герой, который спасает мир* и т.п.¹⁷

Когда подчеркивается скромность как человеческое качество, лишенное гендерной характеристики, то оно получает безусловно положительную оценку: *Чехов был скромен, как может быть скромным только подлинно великий человек* (К.Г. Паустовский. Золотая роза, 1955); *Скромнен только сильный, прощает только сильный* (А. Герцен); *В больших людях я люблю скромность, в маленьких — чувство собственного достоинства* (А.Н. Афиногенов)¹⁸. Фоновый признак скромности, связанный с зависимым, подчиненным положением, допускает в качестве эталона образ слуги: *Муж скромен, как слуга, но для жены — король* (Николай Мальцев)¹⁹. В основе этого высказывания — известная восточная мудрость: «Муж скромен, как слуга, а жена к нему, как к королю» (Мухаммад Окар)²⁰. В русском языке существовала формула вежливости для завершения письма: *Ваш покорный слуга*. В этой этикетной формуле явно прослеживается сознательная попытка перевести себя в тень, на второй план, акцентируя при этом внимание на адресате, на его более высоком положении, что безусловно связано с пониманием скромности как подчеркивания своего более низкого положения, что проявляется и в сочетаемости прилагательного *скромный*: ...*скромные няньки, кучера, рыбаки, деревенские охотники и прочие люди тяжелой жизни* влияли на развитие литературного языка (М. Горький)²¹.

В русском языке скромность может описываться как положительное качество и при опоре на зооморфный эталон *агнец*: *Выгнанная сирота, скромная, как агнец, забытый пастырями в лесу, полном всякого хищного зверя, было существо самое любящее* (Н.С. Лесков. Чающие движения воды, 1867). Обращение к эталону *агнец* акцентирует внимание на таких дополнительных признаках скромности, как чистота и невинность [Богданова, 2023]. Ср.: *Наталья имела прелестную душу, была нежна, невинна, как агнец* (Н.М. Карамзин).

Следует отметить, что эталон *овца* придает описанию скромного человека нейтральный или даже отрицательный характер: *<он>*

¹⁶ Там же.

¹⁷ Карта слов.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Stihi.ru.

²⁰ Там же.

²¹ Карта слов.

трудолюбив, как бык, и во вкусах своих скромн, как овца (Д.В. Григорович. Корабль «Ретвизан», 1863); Ср. *скромная овца, скромная овечка*.

В качестве эталона используется и зооним *мышь*, который чаще характеризует девушку, женщину, чем мужчину. Ср.: ... *и будет брак, наверное, счастливый, ибо он добрый и балагур, она скромна, как мышь* (архиепископ Николай Японский (Касаткин). Дневник, 1895)²². Описание скромной девушки с помощью эталона *мышь* (*мышка*) способствует созданию иронического контекста: *Пожалуй, я не буду надевать розовое платье. Лучше серенькое с белым воротничком. Буду скромна, как мышка* (М. Красовская, 2023)²³. При описании скромного мужчины использование эталона *мышь* может усиливать отрицательную оценку: *Серый, как мышь, он скромно заказал кружку пива и присел рядом со мной на краешек стула у окна* (Г. Прашкевич, А. Богдан, 2001)²⁴.

При описании скромной девушки нередко подчеркивается разными языковыми средствами «малый размер», что проявляется, в частности, в выборе эталона *Дюймовочка*, подчеркивающего маленький рост: *Мне нужна девушка тихая, скромная, как Дюймовочка, чтобы три зернышка в день и наперсточек водички, а ты, Арутюновна, обжора...* (Е. Завершнева. Высотка, 2012). Использование диминутивов дополняет описание скромной девушки: *Вот так и живем, была совсем незаметная птичка, скромненькая, робкая, у которой и мнения, казалось бы, нет, а ... превратилась в бесспорную писательницу* (С.Н. Есин. Дневник, 2007).

Русские фразеологизмы могут описывать скромного человека с опорой на образ воды: *Воды не замутит* — так говорят о чистом, скромном человеке; *Тише воды, ниже травы* — характеристика чрезвычайно скромного, тихого, незаметного человека. Положительная оценка этих фразеологизмов в современном употреблении постепенно утрачивается.

Качество скромности в русском языке, характеризуемое с помощью пословиц, во многом сближается с понятием вежливости: *Скромный человек сам своих заслуг не оценивает. Скромность всякому к лицу. Скромнее было бы не требовать, а просить*. В.И. Даль²⁵ приводит также и своего рода анти-пословицу: *Скромность — мать всех пороков* (с пометой шутол.: вместо *праздность*), что демонстрирует возможность проявления иронии (еще в XIX веке!) по отношению к качеству скромности.

²² НКРЯ.

²³ Карта слов.

²⁴ НКРЯ.

²⁵ См.: Даль В.И. Указ. соч.

Итак, обобщенный, собирательный образ скромной девушки в русском языке по текстовым данным с помощью эталонов можно представить так: *Она была скромна, как агнец, как полевой цветок, как ромашка, как василек во ржи, как нежная фиалка, как Дюймовочка, как мышка*. Этот образ в целом положительный. Образ скромного мужчины в основном представлен иронично: *Скромен, как барышня, как красна девица, как полевая гвоздика, как фиалка, как агнец, как мышь*. Положительный образ: *скромен, как герой, как истинно великий человек*. Скромный человек, понимаемый как «тихий», ассоциируется с водной стихией.

Эталоны скромности в китайском языке

Учение Конфуция, оказавшее большое влияние на формирование мировидения китайцев, показывает, что умение придерживаться принципа скромности способствует прогрессу: *всегда полезно учиться у других*). Скромность придает китайцам открытое и терпимое отношение к окружающему миру и достоинствам других людей.

Формирование концепции скромности в китайской культуре прошло процесс развития, начиная с первоначального смиренного благоговения перед Небом и Землей, затем смиренного уважения по отношению к другим и в результате пониманием скромности как своего рода добродетели. Традиционно сложившаяся концепция скромности выполняет социальную функцию, которая отвечает моральным принципам и стимулирует установление гармонии в обществе [Ху Юаньцзян, Хоу Янь, 2007].

«Скромность» в китайской национальной культуре высоко ценится как моральное качество человека, как традиционная высокая нравственность, что получило отражение в китайских пословицах: *«Гордость приносит ущерб, скромность пожинает свои плоды»* (满招损, 谦受益), *«Скромность помогает прогрессу, а высокомерие приводит к отставанию»* (谦虚使人进步, 骄傲使人落后).

Скромность в китайской культуре не считается качеством, присутствующим, в первую очередь, женщинам. Более того, эталоны «высокой» скромности характеризуют, как правило, благородных мужей. В китайской культуре ценятся скромные и благородные люди — «*谦谦君子*»²⁶ (букв. скромный и благородный человек), которые скромны и строги к себе: *这些谦谦君子潜心研究, 不求名利, 不争荣辱, 自然相安无事* (《读者》(1986) — Эти скромные и благородные люди посвящают себя исследованиям, не стремятся к славе и богатству и,

²⁶ Ведет свое начало от «Чжоу И» (周易) — одного из наиболее авторитетных оригинальных произведений китайской канонической и философской литературы.

естественно, живут в мире (журнал «Читатель», 1986)²⁷. Скромных благородных людей часто сравнивают с природными объектами, с растениями, имеющими особое значение в китайской культуре.

Основными эталонами скромности в китайском языке являются *долина* (山谷), *бамбук* (竹子) и *колос пшеницы* (麦穗). Важно понять, каким образом они символизируют «скромность» как качество благородного человека. При анализе эталона *долина* следует обратить внимание на то, что в китайском языке *долина* представляет собой метафору души человека и обозначает в переносном смысле «обширность» души, т.е. душа предстает, как долина, для которой характерны простор и безграничность. Человек с душой, как долина, в китайской культуре концептуализируется как скромный, потому что он в силу особой широты и свободного пространства души охотно принимает мнения других людей. Как учил Конфуций, «из троих всегда найдется один, у кого можно поучиться» (三人行, 必有我师). Открытость к чужому мнению — важный принцип, способствующий пониманию китайской скромности. Ср. «虚怀若谷 xū huái ruò gǔ» (букв. Душа открыта, как долина) — так характеризуют чрезвычайно скромного человека. Текстовые примеры подтверждают эту мысль: 在自我剖析的同时, 还要正确对待各方面的批评意见, 要有善纳忠言的勇气和虚怀若谷的胸襟 (《人民日报》, 2001): *Занимаясь самоанализом, люди должны правильно относиться к критике со всех сторон, иметь смелость принимать добрые советы и быть открытыми, как долина, чтобы выслушать и принять советы других* (газета «Жэньминь жибао», 2001).

Наряду с *долиной*, эталоном скромности выступает и уникальное растение *бамбук*, который в качестве культурного эталона концентрирует в себе много символических значений, в том числе твердость, непоколебимость и скромность. Первые две характеристики связаны с его стойкостью и прямолинейной формой. Причина закрепления в китайской культуре бамбука в качестве эталона скромности заключается в том, что бамбук полый внутри. Так же, как пустую чашу можно наполнить полезной пищей, так и полый бамбук может наполниться, «расти изнутри». Эта красноречивая метафора говорит нам, что только у «полых» людей есть место в голове и душе, чтобы пополнить свои знания, расширить свой опыт. Здесь прилагательное *полый* относится не к пустоте в душе, оцениваемой в русском языке отрицательно, а к потенциальной способности души наполняться новыми впечатлениями. В этом и состоит скромность человека. В китайском языке *пустотелое ядро* (空心) бамбука и ка-

²⁷ Здесь и далее текстовые фрагменты из: CCL — Лингвистический корпус Пекинского университета: 北京大学现代汉语语料库. URL: http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/index.jsp (дата обращения: 23.03. 2024).

чество человека *скромность* (虚心) синонимичны, поскольку иероглифы «空» и «虚» одинаково передают значение «неполноты» в метафорическом смысле, выражающем 'готовность принять всей душой новое знание', что в данном контексте получает положительную оценку. Бамбук служит эталоном человека, обладающего высочайшими моральными качествами:

竹子虚心高节,在中国素有“全德君子”(在文人画中,梅、兰、竹、菊合称为四君子)之美誉(《人民日报》2003: букв. Бамбук «скромен духом» и «высок по честности», известен в Китае как благородный человек высших моральных качеств (на картинах слива, орхидея, бамбук и хризантема представлены как «Четыре благородных человека»)) (газета «Жэньминь жибао», 2003).

Еще одним важным эталоном, раскрывающим суть китайской скромности, является *колос пшеницы*, который характеризует скромного человека также на основе метафоры. Подобно тому, как сгибаются к земле созревающие колосья пшеницы, так же и скромный человек опускает голову перед людьми, прислушиваясь к каждому из них со вниманием и терпением, что считается в китайской культуре важным признаком скромного человека. Текстовый корпус иллюстрирует эту мысль:

有句话说得好,越是成熟的麦穗越懂得低头。各行各业,大凡真正的大家,多谦虚有加(《人民日报》,2015): Бытует поговорка: чем спелее колосья пшеницы, тем больше они опускают головы. Во всех отраслях настоящие большие специалисты очень скромны (газета «Жэньминь жибао», 2015).

Из растительных образов нужно отметить еще и *тростник* 芦苇 (lú wěi), который в некоторых контекстах также может характеризовать скромного человека: о тростнике говорят, что при сильном ветре он мягко изгибается, приспособившись к изменениям внешней среды. Такое гибкое поведение показывает, что смирение и скромность являются признаками мудрости. Но в большинстве случаев *тростник* выступает как эталон непреклонного человека.

Итак, основными культурными эталонами скромности в китайском языке являются *долина* (山谷), *бамбук* (竹子) и *колос пшеницы* (麦穗), которые в концентрированном виде полно отражают суть китайской скромности.

Кроме того, в китайском языке природные стихии также нередко используются для характеристики благородного человека, в частности, это касается образа воды. Высшая добродетель может сравниваться с водой. Ср. фразеологизм: «上善若水 shàngshànruò gǔ» (букв. высшая добродетель подобна воде). Такое сравнение возможно потому, что человек, обладающий высшей добродетелью, так же, как и вода, приносит пользу всем, кто его окружает, и при этом не

вступает в борьбу с ними. Скромный человек в китайской культуре воспринимается как добродетельный, поэтому образ воды встречается и в описании скромного человека. Ср. фразеологизм «从善如流 *cóngshàn rú liú*»²⁸ (букв. Следовать за добротой столь же естественно, сколь естественно течет поток), который используется в значении ‘охотно следовать добрым советам’, что характеризует, как было отмечено ранее, именно скромного человека:

从善如流是指吸取好的有用的意见，不是什么意见都吸取（《人民日报》）：*Быть добрым — значит впитывать хорошие и полезные мнения, а не впитывать все мнения* (газета «Жэньминь жибао», 2000);

所谓“从善如流”，就是指待人虚怀若谷，善于听取各方意见，并及时消化：букв. Так называемое «Следовать за добротой столь же естественно, сколь естественно течет поток» обозначает отношение к людям с чрезвычайной скромностью, умение выслушивать мнения со всех сторон и своевременно их «переваривать» (газета «Жэньминь жибао», 2000).

Как и в русском языке, в китайском языке зооморфизмы могут использоваться как эталоны скромности. Достаточно частотно сравнение скромного человека с ягненком (小羊 *xiǎo yáng*):

像神一样的男子，美丽强壮像狮子，温和谦逊如小羊，是人中模型（《龙朱》，沈从文）— *Богopodobный человек, подобный богу, красивый и сильный, как лев, нежный и скромный, как ягненок, является образцом среди людей* (Лонг Чжу, Шен Конгвен²⁹)

В китайском языке есть специальный эталон нефрит, который характеризует только мужчину, при этом оценивается не его поведение или манеры, а скромность как черта характера и моральное качество: «谦谦君子，温润如玉 (*qiān qiān jūn zǐ, wēn rùn rú yù*)»: букв. Мужчина скромнен и строг к себе и нежен, как нефрит.

Для описания скромной девушки в китайской лингвокультуре используется образ орхидеи (兰花 *lán huā*), форма которой «достойна и элегантна», что ассоциируется с изящной и скромной девушкой. Например, фразеологизм «蕙质兰心 *huì zhì lán xīn*»³⁰ (букв. чистая сердцем и духом) описывает красоту души и помыслов скромной девушки.

Образ лилии (百合 *bǎi hé*) также служит характеристикой чистой и скромной девушки, при этом используется выражение «абсолютно белый, без единого пятнышка»: «洁白无瑕 *jié bái wú xiá*».

²⁸ Фразеологизм ведет свое происхождение от исторического памятника Древнего Китая «Цзочжуань», охватывающего события с 722 до 468 г. до н. э.

²⁹ Шен Конгвен «Лонг Чжу» — произведение современной китайской романтической фантастики.

³⁰ 词海 (Словарь-онлайн). URL: <http://www.cihai123.com/cidian/1008573.html> (дата обращения: 23.03.2024).

Лилия чиста и не запятнана, что символизирует невинность, поэтому подходит для описания невинной скромной девушки:

请允许她们保留心底的隐秘, 一朵朵百合花, 像淑女 (《人民日报》, 2015) — *Пожалуйста, позвольте им хранить тайны в своих сердцах: лилии, как скромные девушки* (газета «Жэньминь жибао», 2015).

Мимоза также может подчеркивать скромность девушки. Листья мимозы свертываются, закрываются при прикосновении, поэтому мимоза подходит для описания застенчивой, чувствительной, вежливой и скромной девушки:

一位年轻的摄影记者激动地把镜头对准了她们, 一个个像含羞草似地忙把脸藏进彩线中。哦, 山里的少女, 深谷的幽兰 (《人民日报》, 1988) — Молодой фотожурналист с волнением навел на них камеру, и каждая, словно мимоза, поспешно спрятала лицо... О, девы гор, орхидеи в глубокой долине (газета «Жэньминь жибао», 1998).

Как видно из анализа примеров, с помощью эталонов скромность в китайском языке оценивается исключительно положительно. В осмыслении скромности, как в зеркале, отражается стремление человека к самосовершенствованию, к установлению гармонии в отношениях между людьми.

Заключение. В работе были рассмотрены такие культурные эталоны человеческого качества, как скромность. Эталоны скромности не в полной мере раскрывают сущность этого понятия в русском языке. В «эталонной» русской скромности акцент в основном делается на робости, стыдливости, нерешительности, что обедняет представление о скромности как ценности, в связи с чем уместно вспомнить высказывание Льва Толстого, который отмечал, что «часто скромность принимается за слабость и нерешительность, но когда опыт докажет людям, что они ошиблись, то скромность придает людям новую прелесть, силу и уважение характеру»³¹. Характеристика русской скромности, основанная на эталонах, включает и положительные, и отрицательные черты.

Эталоны скромности в китайском языке, базирующиеся на конфуцианской морали, более укоренены в китайской культуре, чем в русской. Они способны создать цельный, не противоречивый, положительный образ скромного, благородного человека при опоре на природные стихии и объекты, при этом подчеркивается признак скромности — открытость к чужим мнениям.

Итак, выявление этнокультурной специфики в способе познания мира помогает ответить на вопрос, каким образом человек смотрит на мир, как опознает его объекты и качества, включая их в светлую зону сознания, подвергая их категоризации.

³¹ Лев Толстой о скромности. Лучшие высказывания автора: time365.info.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Апресян Ю.Д.* Избранные труды: В 2 т. Т. 2. М., 1995.
2. *Арутюнова Н.Д.* Метафора и дискурс // Теория метафоры: Сб. статей / Под общей ред. Н.Д. Арутюновой. М., 1990. С. 5–32.
3. *Богданова Л.И.* Оценки и ценности в культурной трансмиссии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 2. С. 9–19.
4. *Богданова Л.И.* Человек в зеркале зооморфной метафоры // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 2. С. 24–40.
5. *Красных В.В.* Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) // Язык, сознание, коммуникация. М., 2001. Вып. 19. С. 5–19.
6. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. М., 2004.
7. *Молчанова Г.Г.* Когнитивная синестезийная метафора и теория напряженности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 4. С. 9–20.
8. *Молчанова Г.Г.* Смыслопреобразующая роль метафоры в контексте радиального расширения концепта // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 2. С. 9–23.
9. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
10. *Телия В.Н., Опарина Е.О.* Культурная коннотация как способ воплощения культуры в языковой знак // Культурология. 2011. №1 (56). С. 145–148.
11. *Толстой Н.И.* Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.
12. *Ху Юаньцзян, Хоу Янь.* Сравнение концепции скромности в китайской и западной культурах. Журнал Университета Цзиси. 2007. Т. 7. № 5. С. 82–88. 胡元江, 候燕. 中西方文化中的谦虚观念之比较. 鸡西大学学报. 2007. № 7(5). С. 82–88.
13. *Barcelona A.* Metaphor and Metonymy at the Crossroads: A Cognitive Perspective. Berlin; N.Y., 2010.
14. *Basso K.H.* 'Wise Words' of the Western Apache: Metaphor and Semantic Theory // Meaning in Anthropology. Albuquerque, 1976. P. 119–146.
15. *Kovecses Z.* Metaphor: A practical introduction. Oxford, 2010.
16. *Lakoff G.* Frame semantic control of the coordinate structure constraint // Papers from the Parasession on Pragmatics and Grammatical Theory. Chicago, 1986. P. 152–167.
17. *Lakoff G.* The Contemporary Theory of Metaphor // Metaphor and Thought / Ortony A. (ed). Cambridge, 1993.
18. *Musolff A.* Creativity in Metaphor Interpretation // Russian Journal of Linguistics. 2019. Vol. 23. № 1. P. 23–39.

Liudmila I. Bogdanova, Xu Liyun

CULTURAL STANDARDS OF MODESTY IN THE RUSSIAN AND CHINESE LANGUAGES

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, libogdanova1@mail.ru;
Nanjing University, Nanjing, China, jsxuliyun@126.com*

Abstract: The article examines cultural standards of modesty in the Russian and Chinese languages. The study is based on dictionaries and text corpora of two lan-

guages. The purpose of the work is to determine universal and nationally specific features in the formation of cultural standards of modesty in the Russian and Chinese languages. The object of the study is modesty as a traditional value of Russian and Chinese linguistic cultures. Modesty is encoded using cultural standards that reflect the essential features of modesty as a sociocultural value that characterizes Russian and Chinese cultures. The study found that in the Russian language, modesty, which is predominantly gender-based, is mainly associated with the image of a girl (woman). Modesty as a universal human quality is realized contradictorily: 1) “the modesty of a hero, a real person” and 2) “the modesty of a quiet, timid, dependent person.” In Chinese linguistic culture, “modesty” occupies a strong position, and its “standard” implementation, determined by the ideas of Confucius, is an integral part not only of etiquette, but also the worldview of the Chinese. In the Chinese language, the “standard” implementation of modesty, defined by the ideas of Confucius, is an integral part of etiquette. The Chinese modesty system is associated with natural objects and plant images that are of great importance to Chinese culture. The results of this study can be used in lexicographic practice and in teaching Russian and Chinese languages.

Keywords: Russian language; Chinese language; cultural standard; cognitive metaphor; national-cultural component; translation of cultural meanings

Funding: This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Preservation of the World Cultural and Historical Heritage”.

For citation: Bogdanova L.I., Xu Liyun (2024). Cultural Standards of Modesty in the Russian and Chinese Languages. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, no 3(27), pp. 43–61. (In Russ.)

About the authors: Liudmila I. Bogdanova — Dr. Habil in Philology, Professor of Department of Comparative Studies of Languages; Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; libogdanova1@mail.ru; Xu Liyun — Teacher of Russian at the Nanjing Vocational Institute of Railway Technology; doctoral student at the Institute of Foreign Languages of Nanjing University; jsxuliyun@126.com.

REFERENCES

1. Apresyan Yu.D. 1995. *Izbrannyye trudy*. V 2-kh t.t. [Selected works. In 2 vol.]. Moscow. Vol. 2. (In Russ.)
2. Arutyunova N.D. 1990. Metafora i diskurs [Metaphor and discourse]. In *Teoriya metafory. Sb. statei* [Theory of metaphor]. Ed. N.D. Arutyunova, Moscow, pp. 5–32. (In Russ.)
3. Bogdanova L.I. 2022. Tsennosti i otsenki v protsesse kulturnoj transmissii [Values and Estimates in Cultural Transmission]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 9–19. (In Russ.)
4. Bogdanova L.I. 2023. Chelovek v zerkale zoomorfnoy metafory [Man in the mirror of zoomorphic metaphor]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 24–40. (In Russ.)

5. Krasnykh V.V. 2001. Kody i ehtalony kul'tury (priglasenie k razgovoru) [Codes and standards of culture (an invitation to talk)]. *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* [Language, consciousness, communication]. Moscow, issue 19, pp. 5–19. (In Russ.)
6. Lakoff G., Johnson M. 2004. *Metaphors we live by*, Moscow. (In Russ.)
7. Molchanova G.G. 2018. Kognitivnaya sinesteziynaya metafora I teoriya napryazhenosti [Cognitive synesthesia metaphor and tension theory]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 9–20. (In Russ.)
8. Molchanova G.G. 2023. Smyslopreobrazuyushchaya rol' metafory v kontekste radial'nogo rasshireniya kontsepta [The meaning-transforming role of metaphor in the context of the radial expansion of the concept]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 9–23. (In Russ.)
9. Teliya V.N. 1996. Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. Moscow. (In Russ.)
10. Teliya V.N., Oparina E.O. 2011. Kul'turnaya konnotatsiya kak sposob voploshcheniya kul'tury v yazykovoi znak [Cultural connotation as a way of translating culture into a linguistic sign]. *Kul'turologiya* [Culturology], no. 1 (56), pp. 145–148. (In Russ.)
11. Tolstoy N.I. 1995. *Yazyk i narodnaya kul'tura. Ocherki po slavyanskoj mifologii i ehtnolingvistike* [Language and folk culture. Essays on Slavic mythology and ethnolinguistics]. Moscow. (In Russ.)
12. Khu Yuan'tszyan, Khou Yan'. 2007. Sravneniye kontseptsii skromnosti v kitayskoy i zapadnoy kul'turakh [Comparing the concept of modesty in Chinese and Western culture]. *Journal of Tszisi University*, vol. 7, no. 5, pp. 82–88. (In Chinese)
13. Barcelona Antonio. 2010. *Metaphor and Metonymy at the Crossroads: A Cognitive Perspective*, Berlin. New York: Mouton de Gruyter.
14. Basso Keith H. 1976. 'Wise Words' of the Western Apache: Metaphor and Semantic Theory. In *Meaning in Anthropology*. Albuquerque: University of New Mexico Press, pp. 119–146.
15. Kovecses Zoltan. 2010. *Metaphor: A practical introduction*, Oxford university press.
16. Lakoff George. 1986. Frame semantic control of the coordinate structure constraint. In *Papers from the Parasession on Pragmatics and Grammatical Theory*. Chicago, pp. 152–167.
17. Lakoff George. 1993. The Contemporary Theory of Metaphor. In *Metaphor and Thought*. Ortony A. (ed). Cambridge.
18. Musolff Andreas 2019. Creativity in Metaphor Interpretation. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 23, no. 1, pp. 23–39.

Статья поступила в редакцию 06.03.2024;
 одобрена после рецензирования 06.04.2024;
 принята к публикации 08.04.2024;

The article was submitted 06.03.2024;
 approved after reviewing 06.04.2024;
 accepted for publication 08.04.2024

О.В. Семаева

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИФИЧЕСКОЙ АНГЛИЙСКОЙ АЛЛИТЕРАЦИИ В РУССКОЯЗЫЧНЫХ ЭРГОНИМАХ И РЕКЛАМНЫХ СЛОГАНАХ

*Финансовый университет при правительстве Российской Федерации,
Москва, Россия; semaewa.olga@yandex.ru*

Аннотация: Статья посвящена анализу эффективности использования специфической англоязычной аллитерации в русскоязычных эргонимах и рекламных слоганах. Цель данной работы состоит в определении степени эмоционального воздействия данного стилистического приема на носителей русского языка и как следствие его эффективности для использования в нейминге. Задачи данного исследования включают в себя анализ различий в подходах к определению стилистического приема «аллитерация» в англоязычной и русскоязычной лингвистических традициях; сбор и анализ русскоязычных эргонимов и рекламных слоганов, построенных на основе специфической английской аллитерации, методом сплошной выборки; анализ функций, выполняемых приемом аллитерации в русскоязычных эргонимах и слоганах, проведение социолингвистического исследования в форме анкетирования среди 125 носителей русского языка в возрасте от 18 до 40 лет, разной профессиональной принадлежности, имеющих высшее образование. В статье приводятся примеры русскоязычных эргонимов и рекламных слоганов, построенных на основе английской аллитерации. Результаты проведенного исследования указывают на то, что специфическая английская аллитерация обеспечивает выполнение эргонимами аттрактивной и эстетической функций. Анализ социолингвистического анкетирования показал, что в пяти из семи предложенных категорий участники анкетирования отдали предпочтение эргонимам и рекламным слоганам с использованием этого приема. Можно заключить, что на сегодняшний день специфическая англоязычная аллитерация активно используется в русскоязычном нейминге и представляет собой эффективный инструмент для формирования лингвистических методик создания эргонимов и рекламных слоганов.

Ключевые слова: аллитерация; стилистический прием; нейминг; эргоним; рекламный слоган; социолингвистический опрос; аттрактивная функция; эстетическая функция

Семаева Ольга Владимировна — кандидат педагогических наук, доцент, доцент департамента иностранных языков и межкультурной коммуникации Финансового университета при правительстве Российской Федерации; ORCID: 0000-0001-7457-1311; semaewa.olga@yandex.ru.

© Семаева О.В., 2024

Для цитирования: Семаева О.В. Эффективность использования специфической английской аллитерации в русскоязычных эргонимах и рекламных слоганах // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 27. № 3. С. 62–74.

Введение

Благодаря международному сотрудничеству происходит взаимообогащение русского и английского языков. Что касается русского языка, мы видим, как происходит обогащение его лексического состава за счет заимствований из английского языка, вот лишь несколько примеров: бигмак, чизбургер, гаджет, фэшн индустрия, челси, липолифтинг, спикер, хромая утка, хеджевые фонды, фьючерсы, более того многие российские бренды носят англоязычные названия — “Baby Boom”, “ActiveCam”, “Dance”, “October-home”, “S&S By S. Zotova”), а собственные имена из англоязычных текстов в русском переводе передаются методом прямого переноса [Семаева, 2019]. Кроме того, происходит заимствование и адаптация англоязычных грамматических моделей. Речь идет о построении словосочетаний по образцу английских субстантивных атрибутивных сочетаний, например «ПандаПарк», «Горбачев фонд», «Суп-кафе». Все эти изменения требуют внимательного изучения, поскольку могут представлять собой новые дополнительные инструменты эмоционального воздействия на русскоязычных реципиентов текстов самых разных жанров, в частности, в такой важной социальной сфере, как нейминг и реклама, поскольку обеспечивают инновационный подход к формированию лингвистических методик создания эргонимов — онимов, обозначающих собственные имена предприятий, учреждений и объектов культуры, различных по сфере деятельности: маркетинговой, общественной и идейной [Захарова-Саровская, 2018: 189].

Нейминг (от англ. naming — имя) — это область маркетинга, занимающаяся поиском названий для товаров, услуг и фирм, которые бы стали коммерчески успешными и были бы призваны выполнять такие функции, как продвижение, защита от подделок и нелегального использования, увеличение дохода [Брюхова, Старцева, 2018: 73].

В данной работе проводится анализ эффективности использования специфической английской аллитерации в сфере нейминга.

Методы

Необходимо отметить, что сама по себе аллитерация существует и в русском языке. В.М. Жирмунский [Жирмунский, 1975: 232] приводит примеры использования данного приема И. Буниным «По-

следнему, девятому кругу была подобна подводная утроба, — там, где гулко гоготали исполинские топки, пожиравшие груды каменного угля, с грохотом ввергаемого в них облитыми едким, грязным потом и по пояс голыми людьми».

В.К. Ланчиков [Ланчиков, 2004: 111] отмечает пример фиксированной аллитерации — повтор согласных в ударном слоге — в произведении А. Белого «Серебряный голубь»: «Жутко тукнула в чуткой тьме колотушка».

На аллитерации построены многие пословицы и поговорки: «Мели, Емеля, твоя неделя», а также скороговорки: «Шла Саша по шоссе и сосала сушку»; «Карл у Клары украл кораллы, а Клара у Карла украла кларнет».

Существуют многочисленные примеры использования аллитерации в народном песенном творчестве, например, в строфе ниже повторяются согласные звуки [т], [п], [м]:

«Захотела меня мать,
Да за пятого отдать,
А тот пятый — пьяница проклятый,
Ой, не отдай меня, мать!»

Современные поэты-песенники также нередко используют этот прием, так, в первой строфе знаменитого стихотворения Ильи Резника повторяется согласный звук [с]:

«Старинные часы еще идут...
Старинные часы — свидетели и судьи.
Когда ты в дом входил, они слагали гимны,
Звоня тебе во все колокола»¹.

Используется данный прием и в современных названиях магазинов, кафе, спортивных клубов и парикмахерских. Повторение звука [ш] в названии кафе «Суши от Япоши» (кафе у метро «Теплый Стан») подчеркивает его экзотическое происхождение. В названии «Мельница-пицца» заметна аллитерация на [ц] (кафе в г. Балашихе), аллитерация на [с] делает более звучными наименования «Руссо Экспрессо» (телевизионное шоу) и «Руссо Туристо» (туристическое агентство в г. Брянске). Название «Куйбышев Бар» (кафе в г. Брянске) становится более выразительным благодаря повторению звука [б], а в названии «Едим дома» (кулинарные шоу) наш слух улавливает повторение согласного [д].

Однако русскоязычная аллитерация отличается от аллитерации англоязычной лингвистической традиции, согласно энциклопедии русского языка под редакцией Караулова — это один из способов

¹ Песняграфия — Карточка песни. URL: <http://www.alla-superstar.ru/content/alla/songs/song/100.html> (дата обращения: 27.07.2023).

звуковой организации речи, относящийся к так называемым звуковым повторам и заключающийся в симметрическом повторении однородных согласных звуков [Ашукин, Ашукина, 1955; Квятковский, 1966; Дмитриев, 1977].

Согласно определению Большой Российской Энциклопедии, под аллитерацией в русском языке понимают «повторение согласных звуков преимущественно в начальных и/или ударных слогах слов» [Гаспаров, 2023]

Оксфордский словарь английского языка дает следующее определение аллитерации: “The commencing of two or more words in close connection, with the same letter, or rather the same sound”, согласно этому определению особенность аллитерации в английском языке заключается в употреблении двух или более слов подряд, начинающихся с одной и той же согласной буквы или точнее согласного звука. Данный стилистический прием широко используется в английском языке в такой сфере, как нейминг, приведем несколько примеров: “Dunkin’ Donuts”, “Best Buy”, “Bed Bath & Beyond”, “Krispy Kreme”, “PayPal”, “Red Robin”. Считается, что аллитерация создает эффект ритма, звучности и эмоциональной выразительности в английском языке.

О.В. Фомушкина [Фомушкина, 2012: 127] указывает на различия в подходах к определению данного приема в англоязычной и русскоязычной лингвистических традициях, подчеркивая, что с точки зрения стилистики английского языка аллитерацию отличают:

1) преимущественно начальная позиция повторяемого звука в слове;

2) не столь жесткое, как в отечественной лингвистике, разграничение аллитерации и ассонанса.

В.К. Ланчиков [Ланчиков, 2004: 111] подчеркивает, что аллитерация, построенная на повторе согласной или групп согласных в начале слов одного высказывания, в самостоятельную группу в русском языке не выделяется.

Результаты

Проведенное практическое исследование показывает, что специфическая англоязычная аллитерация все чаще используется при составлении русскоязычных эргонимов, ниже следуют примеры, собранные методом сплошной выборки в Москве и Балашихе. Всего представлено 37 наименований.

Названия кафе, розничных магазинов, спортивных центров: «Красный карандаш» (метро Сокол), Пивной Профи (Москва, Северное Тушино), «ЗооМагЗдесь» (Москва, Северное Тушино), «Пират Пицца» (метро Некрасовка), «Пекарня the Плюшка» (метро Некрасовка), «ВкусВилл» (сеть магазинов), «Суши Сет» (сеть кафе),

«Тайский Тайрай» (сеть массажных салонов), «Пабл Паб» (кафе в Балашихе), «Фреш Фрост» (сеть розничных магазинов), «Сити Стор» (супермаркет в бизнес-центре «Павелецкий», «Каток Культуры и Отдыха» (парк им. Горького), «Сеть Спортивных Сооружений России» (сеть спортивных клубов).

Названия печатных периодических изданий: «Большая Балашиха», «Бизнес и банки», «Красивые квартиры», «Столичный стиль».

Названия интернет-магазинов и сайтов: «Завод Заборов.ru», «Создай себя», «ДоброДел», «Купи коляску.ru».

Рекламные слоганы, названия брендов: «Мы МТС»; «Сила Сибири» (название газопровода); «Спаси себя и свою семью 104» (слоган Главного управления МЧС России Московской области), «Мы Делаем Добрые Дела» (социальная реклама волонтерского движения в г. Балашихе), «Призы за приветы» (банковская карта «Мир»), «Доктор Дизель» (пивные напитки); «Просто помоги» (благотворительный фонд).

Названия музейных экспозиций и экскурсий: «Сны Сибири» (экспозиция в историческом музее), «Москва масонская. Легенды и предания «Вольных каменщиков»», «Царское Царицыно», «Петровский парк» (экскурсии по Москве).

Названия телевизионных шоу: «Пробный переезд» (шоу о путешествиях), «На ножах», «Поедем, поедим!» (кулинарные шоу), «Студия Союз» (комедийно-музыкальное шоу).

Использование специфической английской аллитерации при составлении русскоязычных эргонимов обусловлено тем, что маркетологи сталкиваются с необходимостью поиска инновационных лингвистических инструментов для сферы нейминга. Удачно составленные наименования обеспечивают значительное конкурентное преимущество своим владельцам, поскольку, по утверждению ряда исследователей, они не только дают информацию потребителям о предприятии, фирме, продукции, но и рекламируют их. Следовательно, названия не только являются продуктом нейминговой деятельности, но и средством рекламы [Лутфуллаева, Сапарниязова, 2020: 48].

Эргонимы можно считать рекламой с основным коротким рекламным текстом [Кафтанджиев, 1995: 70].

Среди основных функций рекламного текста выделяют воздействующую, эмотивную, эстетическую, информирующую, убеждающую, внушающую, напоминающую, аттрактивную, популяризирующую, дифференцирующую, оценочную, аргументативную, регулятивную, моделирующую и другие функции [Ромат, 2008: 208; Феофанов, 2000: 377; Македонцева, 2010: 188; Fuertes-Olivera, Velasco-Sacristán, Arribas-Baño & Samaniego-Fernández, 2001: 129].

В рамках данного исследования анализируются такие функции, как аттрактивная и эстетическая. Поскольку, на наш взгляд, использование специфической англоязычной аллитерации в русскоязычных эргонимах отвечает за выполнение именно этих функций, которые, в свою очередь, обеспечивают коммуникативную результативность рекламы.

Аттрактивная функция реализуется за счет привлечения внимания к продукту, эстетическая напрямую связана с желанием купить, ведь, по утверждению Раймонда Лоуи, «некрасивое не продается» [Феофанов, 2000: 377]. Английская аллитерация помогает привлечь внимание потребителя к эргониму благодаря своей экспрессивной роли — аллитерируемые слова выделяют важнейшие понятия [Арнольд, 2002: 384; Réka Benczes, 2019: 134]; как средство фонетической и интонационной выразительности [Лекова, 2009: 178] обеспечивает реализацию эстетической функции, а повтор одной и той же графемы в начале каждого слова делает наименования визуально более привлекательными, благодаря чему они легче запоминаются.

Хочется подробнее остановиться на анализе представленных эргонимов. Лексемы «Пабл Паб», «Фреш Фрост», «Сити Стор» являются заимствованиями из английского языка, культуронимами. Как известно, экзотизмы придают названиям колорит той местности, из которой они происходят. В данном случае специфическая английская аллитерация воспринимается вполне органично, так как является частью англоязычной языковой традиции. Поскольку английский язык ассоциируется с самыми модными и передовыми тенденциями особенно среди потребительской аудитории, относящейся к возрастной группе от 18 до 40 лет [Семаева, 2019: 3], такие заимствования позволяют маркетологам эффективно выполнять свои задачи.

Наименование «Сеть Спортивных Сооружений России» или «СССР», безусловно, содержит аллюзию на государство, образованное в результате победы революции 1917 года. Таким образом оно обладает мощным прагматическим потенциалом для всех русскоязычных потребителей, другое дело, что ассоциации и эмоциональный отклик, вызываемый данным наименованием далеко не всегда однозначны. У потребителей в возрастной категории от 50 до 65 лет оно может вызвать ностальгию, хотя и среди них не для всех клише «Сделано в СССР» ассоциируется с качественным продуктом, некоторые воспринимают советскую продукцию как «совок», нечто низкопробное. Для аудитории потребителей в возрасте от 18 до 40 лет это наименование также может вызвать как положительные, так и отрицательные эмоции в зависимости от уровня образования, знания истории страны. Однако новая расшифровка старой аббревиатуры (Сеть Спортивных Сооружений России) является, на наш

взгляд, очень удачной, поскольку обеспечивает эффект неожиданности, за счет чего привлекает внимание потенциальных потребителей продукта, трехкратный повтор звука [с] также обеспечивает выполнение аттрактивной функции. Кроме того, сопоставление некогда мощного государства с сетью спортивных центров создает юмористический эффект, что ведет к возникновению положительных эмоций у реципиента, связанных с именуемым продуктом.

Многократный повтор согласного звука [с] в слогане Главного управления МЧС России Московской области «Спаси себя и свою семью 104» захватывает внимание реципиента, заставляя его еще раз задуматься о безопасном поведении в быту, а сам слоган, как речевая единица, становится более выразительным и гармоничным с точки зрения не только звукового, но и визуального восприятия.

Помимо английской аллитерации в названиях «Завод Заборов.ru», «Купи коляску.ru» используется прием языковой игры, добавляются графемы «.ru», которые не только сообщают координаты, по которым можно найти продукцию этих торговых марок, но и делают их более привлекательными для молодого поколения потребителей, так называемых «digital natives».

Эргоним «Пекарня the Плюшка» также построен на комбинации стилистических приемов — аллитерации и игры с иноязычием, здесь используется англоязычная речевая единица “the”. Вероятно, по замыслу авторов данного наименования, такое сочетание делает его более модным и актуальным, а значит, привлекательным для потребителей возрастной группы до сорока лет.

Эргоним «ДоброДел» образован методом контаминации, объединения основы имени прилагательного «добрый» с основой имени существительного «дело». Благодаря графическому выделению каждой основы название становится визуально более заметным, а аллитерация при этом привлекает внимание к основной миссии сайта.

Аллитерация на [д] и [п] в рекламных слоганах «Мы Делаем Добрые Дела» и «Просто помоги», соответственно, также обеспечивает концентрацию внимания реципиента на основной миссии данных организаций.

Использование специфической английской аллитерации в названиях периодических изданий «Большая Балашиха», «Красивые квартиры», «Столичный стиль», «Пробный переезд» делает их интонационно и визуально выразительнее.

Данный анализ показывает, что использование специфической английской аллитерации в эргонимах и рекламных слоганах обеспечивает выполнение ими аттрактивной и эстетической функций.

С целью выяснить степень эффективности использования данного стилистического приема в русскоязычных эргонимах и, как следствие,

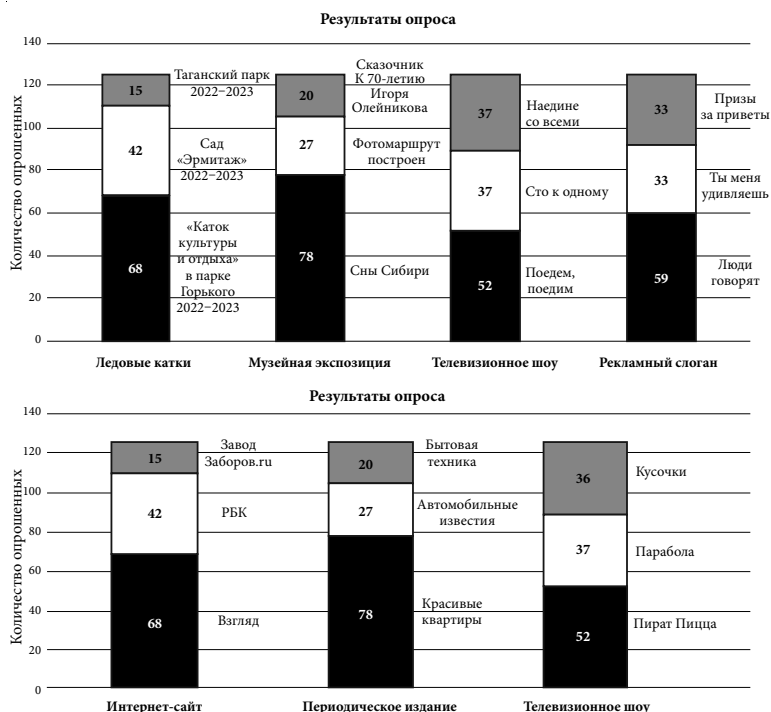
его ценности в качестве стилистического инструмента в русскоязычном нейминге, нами также было проведено социолингвистическое исследование в форме анкетирования. Участниками анкетирования стали 125 носителей русского языка в возрасте от 18 до 40 лет, разной профессиональной принадлежности, имеющие высшее образование.

Участникам опроса было предложено выбрать самое интересное и легко запоминающееся наименование в семи категориях: катки города Москвы, музейные экспозиции, телевизионные шоу, рекламные слоганы, интернет-сайты, периодические издания, кафе. Одно из наименований в каждой категории было построено на основе специфической англоязычной аллитерации, два других были стилистически нейтральными. В вопросах анкеты использовались наименования и слоганы, реально существующих предприятий. Гипотеза исследования состояла в том, что выбор большинством участников эргонимов и рекламных слоганов с аллитерацией будет означать, что они выполняют аттрактивную функцию, поскольку привлекают внимание и интерес респондентов.

В табл. 1 приведены результаты анкетирования.

Таблица 1

Результаты анкетирования

Обсуждение

Анализ проведенного анкетирования показал, что в пяти из семи категорий респонденты выбрали эргонимы, созданные с использованием специфической англоязычной аллитерации: «Каток культуры и отдыха» в парке Горького 2022-2023 — 54,4% (68 голосов); «Сны Сибири» (музейная экспозиция) — 62,4% (78 голосов); «Поедем поедим» (телевизионное шоу) — 41,6% (52 голоса); «Красивые квартиры» (периодическое издание) — 62,4% (78 голосов); «Пират Пицца» (кафе) — 41,6% (52 голоса). Таким образом, данное распределение голосов подтверждает гипотезу о том, что специфическая англоязычная аллитерация в русскоязычных названиях выполняет аттрактивную функцию, поскольку реципиенты действительно обратили внимание на эти названия и с высокой степенью вероятности запомнят их благодаря появившемуся у них интересу.

Однако необходимо отметить, что наиболее успешными оказались названия, сочетающие несколько стилистических приемов и имеют прагматический потенциал для русскоязычных реципиентов. Так, наименование «Каток культуры и отдыха», набравшее больше половины голосов опрошенных, содержит аллюзию на хорошо известное носителям русского языка название «Парк культуры и отдыха», которое широко использовалось в советские времена.

Повтор звука [с] в наименовании «Сны Сибири» (62,4% голосов) придает ему особую выразительность и привлекает дополнительное внимание к топониму «Сибирь», который вызывает ассоциации с богатым малоизученным краем.

Успех названия «Поедем поедим» также может быть связан с использованием не только приема аллитерации, но и обиходностью и привычностью самой фразы «Поедем поедим», которую произносят большинство носителей русского языка, когда они голодны и приглашают приятелей присоединиться к ним, чтобы съездить пообедать, что создает эффект сближения между отправителем и реципиентом данной информации.

Наименование «Пират Пицца» содержит целый комплекс выразительных средств: во-первых, аллитерацию; во-вторых, оно построено по англоязычной грамматической модели английских атрибутивных сочетаний, что делает его свежим и модным в глазах российских потребителей в возрасте от 18 до 40 лет; в-третьих, лексема «пират» вызывает ассоциации с захватывающими приключениями.

В двух категориях названия с использованием аллитерации набрали меньше всего голосов респондентов. «Завод Заборов.ru» (название интернет-сайта) — 12% (15 голосов), против телепрограммы «Взгляд» — 54,4% (68 голосов) и «РБК» — 33,6% (42 голоса). Причина такого распределения голосов, возможно, кроется в том, что

общественно-политическая телевизионная программа «Взгляд» являлась культовой в России в 90-е годы, а наименование медиахолдинга «РБК», также зародившегося в 90-е, и сегодня у всех на слуху, поскольку представляет крупнейшего поставщика новостей в российском медийном пространстве. Таким образом, прагматическая ценность данных эргонимов оказалась более эффективным средством, чем аллитерация, несмотря на то что само по себе название «Завод Заборов.ru», безусловно, привлекает внимание. Данный факт говорит о необходимости осуществления комплексного подхода к созданию эргонимов.

Слоган «Призы за приветы» уступил 26,4% (33 голоса) лидеру категории «Люди говорят» (47,2% — 59 голосов), вполне вероятно, это обусловлено его низкой информативностью, не совсем понятно, за какие приветы пользователи банковской карты получают призы, т.е. данный рекламный слоган, на наш взгляд, не выполняет первичную функцию — информативную. В то же время словарная единица «привет» может вызывать не только положительные, но и негативные ассоциации у носителей русского языка, всем известно выражение «с приветом», обозначающее неадекватное, психически неуравновешенное поведение человека. Таким образом, при составлении наименований и рекламных слоганов необходимо анализировать и принимать во внимание всевозможные ассоциации, связанные с ними.

Заключение

Согласно проведенному исследованию, специфическая английская аллитерация является эффективным лингвистическим инструментом для создания русскоязычных эргонимов, поскольку обеспечивает их коммуникативную результативность за счет привлечения внимания потребителей к именуемому продукту и формирования у них положительных эмоций, связанных с ним.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аникина Т.В.* Фоностилистические особенности англо- и русскоязычной интернет-рекламы // *Филология: научные исследования.* 2021. № 1. С. 41–56.
2. *Арнольд И.В.* Стилистика. Современный английский язык: Учебник для вузов. М., 2002.
3. *Брюхова О.Ю., Старцева Н.Н.* Особенности нейминга в сфере общественного питания (на примере кафе города Екатеринбурга) // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* 2018. № 1-1 (79). С. 73–77.
4. *Гаспаров М.Л.* Аллитерация. М., 2004-2017. URL: <https://bigenc.ru/c/alliteratsiia-b52377> (дата обращения: 23.07.2023).
5. *Жирмунский В.М.* Теория стиха. Л., 1975.
6. *Захарова-Саровская М.В.* К вопросу об эргономии // *Вестник Кемеровского государственного университета.* 2018. № 3. С. 187–191.
7. *Кафтанджиев Х.* Тексты печатной рекламы. М., 1995.

8. *Ланчиков В.К.* К вопросу об аллитерации в английской прозе // Тетради переводчика. Вып. 25. М., 2004. С. 111–122
9. *Лекова М.В.* Средства фонетической выразительности в печатной рекламе // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2009. № 11. С. 178–180.
10. *Лутфуллаева Д.Э., Сапарниязова М.* Нейминговая технология: функции информативности, коммуникативной результативности и речевого воздействия неймов // Вестник науки и образования. 2020. № 11-3 (89). С. 46–51.
11. *Македонцева А.М.* Функции рекламных текстов // Система ценностей современного общества. 2010. № 10-1. С. 186–190.
12. *Мощева С.В.* Фонетические особенности оформления печатных рекламных текстов (на материале английского и русского языков) // Вестник гуманитарного факультета Ивановского государственного химико-технологического университета. 2008. № 3. С. 288–295.
13. *Ромат Е.В.* Реклама: Краткий курс. СПб., 2008. С. 208.
14. *Русский язык. Энциклопедия* / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. М., 1997. С. 27.
15. *Семаева О.В.* Лингвистические процессы и современные социальные тенденции // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2019. № 4. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/19FLSK419.pdf> (доступ свободный).
16. *Феофанов О.А.* Реклама. Новые технологии в России. СПб., 2000. С. 377.
17. *Фомушкина О.В.* Аллитерация как средство усиления семантического единства (на материале древне и среднеанглийских поэтических текстов // Научно-информационный журнал армия и общество. 2012. № 3 (31). С. 127–130.
18. *Fernandez E.* Persuasion and advertising in English: Metadiscourse in slogans and headlines. *Journal of Pragmatics*, 2001. № 33. P. 1291–1307.
19. *Fuertes-Olivera P.A., Velasco-Sacristán M., Arribas-Baño A. & Samaniego-Harte J.* Love, Silver and the Devil: Alliteration in English Place-Names // Roper, J. (eds) *Alliteration in Culture*. Palgrave Macmillan, L., 2011. P. 21–33. URL: https://doi.org/10.1057/9780230305878_2 (дата обращения: 19.05.2023).
20. *Oxford English Dictionary on CD-ROM, Version 1.02.* Oxford, 1992.
21. *Réka Benczes* The name of the game: Rhyme and alliteration in multi-word expressions. *Argumentum*. 2019. № 15. P. 133–144.

Olga V. Semaeva

THE EFFECTIVENESS OF USING SPECIFIC ENGLISH ALLITERATION IN RUSSIAN-LANGUAGE NAMES AND ADVERTISING SLOGANS

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia; semaewa.olga@yandex.ru

Abstract: The article is devoted to the analysis of the effectiveness of the use of specific English-language alliteration in Russian-language ergonyms and advertising slogans. The purpose of this work is to determine the degree of emotional impact of this stylistic device on native Russian speakers and, as a result, its effectiveness for use in creating ergonyms and advertising slogans in the Russian language. The objectives of this study include the analysis of differences in approaches to the definition of the stylistic device “alliteration” in the English-speaking and Russian-speaking linguistic traditions; collection and analysis of Russian-language ergonyms and advertising slogans, built on the basis of specific English alliteration, by the

method of continuous sampling. The research also looks into the functions of alliteration techniques in the Russian-language ergonyms and slogans, includes a sociolinguistic survey in the form of a questionnaire among 125 native speakers of the Russian language aged 18 to 40, of different professions, with University degrees.

The paper provides examples of Russian-language names and advertising slogans created using specific English alliteration. The results of the study indicate that specific English alliteration plays a role in promoting the attractive and aesthetic functions through ergonyms. The analysis of the sociolinguistic questionnaire showed that in five out of the seven proposed categories, the survey participants preferred ergonyms and advertising slogans created using this technique. Taking into account the results of the study it can be concluded, that today a specific English alliteration is an effective linguistic technique used in the Russian language for creating ergonyms and advertising slogans.

Keywords: alliteration; stylistic device; naming; ergonym; advertising slogan; sociolinguistic survey; attractive function; aesthetic function

For citation: Semaeva O.V. (2024). The effectiveness of using specific English alliteration in Russian-language names and advertising slogans. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, no 3(27), pp. 63–74. (In Russ.)

About the author: Olga V. Semaeva — PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Intercultural Communication, Financial University under the Government of the Russian Federation; ORCID: 0000-0001-7457-1314; semaeva.olga@yandex.ru.

REFERENCES

1. Anikina T.V. 2021. Fonostilisticheskie osobennosti anglo- i russkoyazychnoi internet-reklamy [Phonostylistic features of English- and Russian-language Internet advertising]. *Filologiya: nauchnye issledovaniya* [Philology: scientific research], no. 1, pp. 41–56. (In Russ.)
2. Arnold I.V. 2002. *Stilistika. Sovremenniy angliiskiy yazyk: uchebnik dlya vuzov* [Stylistics. Modern English: textbook for universities], Moscow, Nauka. (In Russ.)
3. Bryukhova O.Yu., Startseva N.N. 2018. Osobennosti neiminga v sfere obshchestvennogo pitaniya (na primere kafe goroda Ekaterinburga) [Features of naming in the field of public catering (on the example of a cafe in Yekaterinburg)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philologic sciences. Questions of theory and practice], no. 1-1 (79), pp. 73–77. (In Russ.)
4. Gasparov M.L. 2004–2017. *Alliteratsiya* [Alliteration]. Moscow: The Great Russian Encyclopedia. (In Russ.) URL: <https://bigenc.ru/c/alliteratsiia-b52377> (accessed: 23.07.2023)
5. Zhirmunsky V.M. 1975. *Teoriya stikha* [Theory of verse], Leningrad. The Soviet Writer. (In Russ.)
6. Zakharaeva-Sarovskaya M.V. 2018. K voprosu ob ergonomii [On the ergonomics]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 3, pp. 187–191. (In Russ.)
7. Kaftandzhiev Kh. 1995. *Teksty pechatnoi reklamy* [Texts of printed advertising], M.: Izd-vo Smysl. (In Russ.)
8. Lanchikov V.K. 2004. K voprosu ob alliteratsii v angliiskoi proze [On the question of alliteration in English Prose], *Tetrad perevodchika* [Translator's notebooks], issue

- 25, Moscow: Publishing House of the Moscow State Linguistic University, pp. 111–122. (In Russ.)
9. Lekova M.V. 2009. Sredstva foneticheskoi vyrazitel'nosti v pechatnoi reklame [Means of phonetic expressiveness in print advertising], *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki* [Actual problems of philology and pedagogical linguistics], no. 11, pp. 178–180. (In Russ.)
 10. Lutfullaeva D.E., Saparniyazova M. 2020. Neimingovaya tekhnologiya: funktsii informativnosti, kommunikativnoi rezul'tativnosti i rechevogo vozdeistviya neimov [Rating technology: functions of informativeness, communicative effectiveness and speech impact of names]. *Bulletin of Science and Education*, no. 11-3 (89), pp. 46–51. (In Russ.)
 11. Makedontseva A.M. 2010. Funktsii reklamnykh tekstov [Functions of advertising texts]. *Sistema tsennostei sovremennogo obshchestva* [System of values of modern society], no. 10-1, pp. 186–190. (In Russ.)
 12. Mosheva S.V. 2008. Foneticheskie osobennosti oformleniya pechatnykh reklamnykh tekstov (na materiale angliiskogo i russkogo yazykov) [Phonetic features of the design of printed advertising texts (based on the material of English and Russian languages)], *Bulletin of the Faculty of Humanities of the Ivanovo State University of Chemical Technology*, no. 3, pp. 288–295. (In Russ.)
 13. Romat E.V. 2008. *Reklama. Kratkii kurs* [Advertising. A short course]. St. Petersburg Publishing House (In Russ.)
 14. *Russkii yazyk. Entsiklopediya* [Russian language. Encyclopedia]. 1997. Editor-in-chief Yu.N. Karaulov. M.: The Great Russian Encyclopedia; Drofa, p. 27 (In Russ.)
 15. Semaeva O.V. 2019. Lingvisticheskie protsessy i sovremennyye sotsial'nye tendentsii [Linguistic processes and modern social trends], *Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kul'turologiya* [The world of science. Sociology, Philology, Cultural Studies], no.4. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/19FLSK419.pdf> (access is free). (In Russ.)
 16. Feofanov O.A. 2000. *Reklama. Novye tekhnologii v Rossii* [Advertising. New technologies in Russia], St. Petersburg, St. Petersburg Publishing House. (In Russ.)
 17. Fomushkina O.V. 2012. Alliteratsiya kak sredstvo usileniya semanticheskogo edinstva (na materiale drevne i sredneangliiskikh poeticheskikh tekstov) [Alliteration as a means of strengthening semantic unity (based on the material of Ancient and Middle English poetic texts)], *Nauchno-informatsionnyi zhurnal armiya i obshchestvo* [Scientific and informational journal Army and Society], no.3 (31), pp. 127–130. (In Russ.)
 18. Fernandez E. 2001. Persuasion and advertising in English: Metadiscourse in slogans and headlines. *Journal of Pragmatics*, no. 33, pp. 1291–1307.
 19. Fuertes-Olivera P.A., Velasco-Sacristán, M., Arribas-Baño, A. & Samaniego-Galperin I.R. 1958. *Essays on the style of English*. Moscow, lit. in foreign language. URL: https://doi.org/10.1057/9780230305878_2 (accessed: 19.05.2023) (In Russ.)
 20. *Oxford English Dictionary on CD-ROM, Version 1.02*. Oxford University Press, 1992.
 21. Réka Benczes. 2019. *The name of the game: Rhyme and alliteration in multi-word expressions*. *Argumentum*, no. 15, pp. 133–144.

Статья поступила в редакцию 18.11.2023;
 одобрена после рецензирования 18.12.2023;
 принята к публикации 08.04.2024;

The article was submitted 18.11.2023;
 approved after reviewing 18.12.2023;
 accepted for publication 08.04.2024

Ю.О. Соловьева

**СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
МОДЕЛИРОВАНИЯ ИМИДЖА СОВРЕМЕННОГО
АДВОКАТА**

(НА МАТЕРИАЛЕ ЖУРНАЛА «РОССИЙСКИЙ АДВОКАТ»)

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; solovieva-julia2009@yandex.ru*

Аннотация: Статья представляет исследование в области лингвопрагматики и посвящена анализу эксплицитных и имплицитных средств, служащих конструированию положительного образа современного российского адвоката в текстах печатных изданий правовой тематики. По наблюдениям автора, в настоящее время в России ощущается необходимость замещения отрицательных стереотипов о правозащитниках, функционирующих в коллективном сознании, так как именно представители закона формируют паттерны правового поведения. Средства массовой информации играют значительную роль в создании образов представителей закона, «внедряя» необходимые конструкты в обыденное сознание граждан, большая часть которых не имела личного опыта общения с юристами. Такие гибридные жанры популярно-юридического дискурса как «интервью с юристом» и «биографический очерк о юристе» демонстрируют большой потенциал в плане моделирования желаемого образа юриста/адвоката, так как позволяют адресату получить представление не только о профессиональной деятельности, но и личной жизни и внутреннем мире представителей закона. В статье выделяются и анализируются три аспекта, которые, по мнению автора, имеют наибольшее значение для создания положительного имиджа адвоката в современном российском обществе.

Ключевые слова: адвокат/юрист; имидж; конструирование; стереотип; эксплицитные/имплицитные средства; популярно-юридический дискурс

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-27-3-5

Для цитирования: Соловьева Ю.О. Семантико-прагматический аспект моделирования имиджа современного адвоката (на материале журнала «Российский адвокат») // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 27. № 3. С. 75–84.

Соловьева Юлия Олеговна — кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; solovieva-julia2009@yandex.ru.

Профессиональная деятельность и частная жизнь правоприменителей (судей, прокуроров, следователей, адвокатов и др.) всегда вызвали повышенный общественный интерес, так как именно представители закона прежде всего задают модель поведения в правовом обществе. От их деятельности зависит эффективная защита прав граждан, и, как следствие, уровень доверия власти. Т.И. Снегова приходит к выводу о том, что реформирование правовой системы в России повлекло существенные изменения как в профессиональном облике представителей института права, так и в восприятии их деятельности гражданами, что находит свое отражение в публицистических, научно-популярных и художественных текстах [Снегова, 2005: 1]. Так, исследователь отмечает, что, если в начале XX века образ юриста представлял собой только образ профессионала в суде, то современный юрист предстает перед читателем и как «частное лицо, как семьянин» [Снегова, 2005: 20]. Т.И. Снегова высказывает мысль о том, что выявление и описание характеристик образа современного юриста будет не только способствовать совершенствованию профессиональной деятельности представителей закона, но и косвенно способствовать построению правового общества в России [Снегова, 2005: 1].

К сожалению, как показывают многочисленные исследования в данной области (Васильева, 2017; Возженикова, 2017; Дубнякова, 2013; Золотайко, 2022; Нестерова, 2022; Снегова, 2005; Соловьева, 2023 и др.), образ юриста/адвоката прочно стереотипизирован в сознании российских граждан и на протяжении многих лет неизменно остается отрицательным. Большую роль в формировании и поддержании данного стереотипа играют как недостаточная информированность граждан о деятельности представителей юридической профессии, так и акцентирование внимания на негативных ситуациях с их участием в средствах массовой информации [Соловьева, 2023: 220]. По наблюдениям В.И. Карасика и О.А. Дмитриевой, в основе стереотипа лежит дефицит информации и личный опыт индивида, в результате чего стереотипы нередко оказываются ложными [Карасик, Дмитриева, 2005: 12].

Стереотипы, функционирующие в обыденном сознании, отличаются наибольшей шаблонностью и устойчивостью. Как следствие, негативные стереотипы, прочно укоренившиеся в коллективном сознании, мешают адресату сформировать объективное мнение о представителях закона. Э.С. Камалетдинов в данной связи приходит к выводу о том, что в российском обществе назрела необходимость культивирования «идеального типа» юриста «как профессионала, примера для подражания, духовного авторитета» [Камалетдинов, 2012: 1859]. Мы полностью разделяем мнение уче-

ного о том, что «идеальный образ» юриста не может быть навязан адресату [Камалетдинов, 2012: 1859]. Более эффективным, на наш взгляд, представляется путь поэтапного и последовательного конструирования у целевого адресата позитивного имиджа представителя закона, поведение которого будет служить моделью законопослушного образа жизни.

Для решения задачи по искоренению сложившихся стереотипов журналисты прибегают к широкому арсеналу языковых средств, которые мы попытаемся выявить и описать в данной статье. Таким образом, цель проводимого исследования — рассмотреть эксплицитные и имплицитные средства, используемые журналистами корпоративных СМИ для конструирования положительного имиджа современного российского адвоката. В качестве материала исследования послужили публикации корпоративного правового журнала «Российский адвокат» за 2023 г. Общий объем анализируемого материала составил 200 страниц. Методом сплошной выборки были отобраны все текстовые фрагменты, служащие цели создания имиджа современного российского адвоката. Далее они рассматривались в качестве единиц исследования. Для достижения цели исследования использовались методы контент-анализа, лингвостилистического и лингвопрагматического анализа.

Прежде всего считаем важным указать, что модель реальности, создаваемая СМИ, не может считаться ни полностью объективной, ни даже нейтральной. Тексты СМИ оказывают значительное суггестивное воздействие, легко «внедряя» необходимые конструкты в обыденное сознание граждан, большая часть которых не имела личного опыта общения с юристами. В таком случае общественное мнение формируется преимущественно именно на основе текстов СМИ, в частности, биографических очерков и интервью с известными представителями профессии.

«Интервью с юристом» и «биографический очерк о юристе» мы относим к гибридным жанрам популярно-юридического дискурса, являющегося производным от юридического дискурса. Посредством популярно-юридического дискурса, как правило, в адаптированной форме происходит передача адресату-неспециалисту субстанциональных и процедурных правовых знаний. Таким образом, к основным функциям популярно-юридического дискурса мы относим не только разъяснительную, но и просветительскую (в данном случае, создание положительного имиджа представителя института права), реализации которой, в частности, служат тексты указанных жанров.

Имидж — это образ человека, создаваемый для чужих [Карасик, Дмитриева, 2005: 18]. Г.Г. Почепцов полагает, что значение имиджа в наши дни резко возрастает в связи с необходимостью обработки

огромного информационного контента. Поскольку человеческий мозг не в силах хранить весь этот объем информации, люди начинают пользоваться «ярлычками, отсылающими на стоящие за ними ситуации» [Почепцов, 2009: 21]. Имидж как раз и является таким «ярлычком», позволяющим заменить портрет человека, отражая либо его основные черты, либо те черты, которые имиджмейкеры хотят спроецировать на адресата. На наш взгляд, успешное конструирование положительного имиджа адвоката в массовом сознании заключается прежде всего в выделении тех черт его личности, которые наиболее значимы для современного российского общества и коррелируют с его национально-специфическими ценностями. Акцентируя выделенные характеристики при помощи вербальных и невербальных средств, адресант сможет скорректировать и со временем даже полностью заменить сложившиеся в сознании адресата представления.

Анализ эмпирического материала позволил нам выделить три аспекта создаваемого образа адвоката, которые так или иначе присутствовали во всех рассматриваемых текстах, в связи с чем мы полагаем, что адресанты считают их наиболее важными для конструирования положительного образа адвоката. Остановимся подробнее на каждом из них и проиллюстрируем их примерами.

1. Адвокат — человек с закаленным характером, не боящийся трудностей.

Вот что рассказывает корреспонденту журнала о детских годах своей жизни президент Палаты адвокатов Нижегородской области Николай Рогачев:

Моя судьба неразрывно связана с суровым Архангельским краем, где я родился в военном 1942 г. в деревне Целенская, и где прошло мое детство [Румянцева-Томашевич, 2023: 16].

Выбор лексики «суровый» для описания места рождения эксплицирует для читателя информацию о том, что адвокат с юных лет столкнулся с трудностями и испытаниями, связанными с географическими особенностями положения Архангельской области. Из данного сообщения адресат самостоятельно может вывести некоторые инференции, способствующие возникновению чувства эмпатии. По наблюдению Д.В. Антошиной, «умозаключения, сделанные слушающим на основе высказывания говорящего, называются инференциями, при этом не все инференции, выведенные слушающим, являются импликатурами» [Антошина, 2018: 98]. В данном случае читатель понимает, что адвокат вырос в месте со сложными климатическими условиями (в частности, долгими холодными зимами), и, как следствие, с детства привык преодолевать трудности, имеет закаленный характер.

Выводимая инференция подкрепляется упоминанием о «военном 1942 г.», на который пришлось появление на свет Николая Рогачева. Большое значение в данном предложении имеет его прагматический контекст. Е.Ю. Калташкина считает, что прагматический контекст, «включает в себя как лингвистические, так и экстралингвистические компоненты, сопровождающие ситуацию общения: социальные, этнические, биологические характеристики участников коммуникации, их отношения и т.д.» [Калташкина, 2012: 28]. Мы солидарны с исследователем в том, что анализ компонентов прагматического контекста способствует пониманию механизмов порождения и бытования языковых единиц в дискурсе. Е.Ю. Калташкина также полагает, что прагматический контекст определяет выбор используемых социокультурно маркированных единиц, адаптированных к когнитивной базе определенного лингвокультурного сообщества [Калташкина, 2012: 30]. Таким образом, можно утверждать, что успех коммуникации непосредственно зависит от совпадения или несовпадения фоновых знаний адресанта и адресата (культурных, профессиональных и др.). Отсутствие необходимых фоновых знаний лишает адресата возможности правильно воспринимать и интерпретировать имплицитную информацию, заложенную адресантом в высказывании. Возвращаясь к анализируемому фрагменту, заметим, что и адвокат, и интервьюер убеждены в правильном «считывании» смысла сообщения читателями. Совершенно очевидно, что любой представитель русской лингвокультуры понимает, какие угрозы и испытания были связаны с рождением в годы Великой Отечественной войны (в особенности, в ее начале).

Далее адвокат Николай Рогачев описывает годы военной службы на подводном флоте:

*В учебном отряде все было суперсекретно, оттого дисциплина была жесткая, а правила **спартанские** <...> Оттого, наверное, служба укрепила во мне силу воли, способность к преодолению страха* [Румянцева-Томашевич, 2023: 18].

Помимо эксплицитной оценки дисциплины («жесткая»), в данном текстовом примере содержится импликатура, рассчитанная на фоновые знания адресата сообщения: «правила спартанские». Термин «импликатура» (implicature) был предложен П.Г. Грайсом в его работе «Логика и речевое общение» [Грайс, 1985]. Ученый отмечал, что из одного и того же высказывания может быть выведено несколько импликатур или смыслов. П.Г. Грайс выделял *конвенциональные* импликатуры, выводимые, собственно, из значений слов, и *коммуникативные или конверсационные* импликатуры, выводимые адресатом непосредственно из контекста высказывания [Грайс, 1985: 223]. Согласно теории П.Г. Грайса, информация, передаваемая в ре-

чевом сообщении (акте), делится на две части: «что сказано» и «что имелось в виду», а внутри этой оппозиции находится импликатура. ИмPLICITная информация, даже не будучи выраженной вербально, является частью общего смысла высказывания. Возвращаясь к анализу вышеупомянутого текстового фрагмента, отметим, что знакомый с мировой историей адресат понимает, что «спартанские» условия связаны с определенными лишениями, испытаниями и отказом от привычного образа жизни, как правило, ради служения своей стране. ИмPLICITный смысл, вкладываемый адвокатом при выборе данной аллюзии, на наш взгляд, заключается в том, что адвокатская деятельность, как и воинская служба — это осознанный выбор, предполагающий отказ от личных интересов ради служения обществу, а адвокат — это сильный, волевой человек, готовый бесстрашно отстаивать права своих подзащитных.

В отличие от эксплицитной информации, которая выражена с помощью конкретных языковых средств и вызывает более или менее прогнозируемую реакцию адресата, имPLICITная информация в меньшей степени контролируется его сознанием. Как полагает Е.Ю. Калташкина, данное свойство имPLICITной информации может использоваться адресантом с целью манипулирования сознанием адресата. Особое место, по мнению ученого, данный прием занимает в массмедийном дискурсе, где «формирование определенного взгляда на тот или иной вопрос нередко является непосредственной задачей автора и служит для воплощения идеологической стратегии издания» [Калташкина, 2012: 30]. Залогом успеха коммуникации в таком случае является способность адресата проникнуть в коммуникативный замысел адресанта.

2. Адвокат безвозмездно помогает людям.

ЖУРНАЛИСТ: *Вы также участвовали в подготовке адвокатов, оказывающих бесплатную юридическую помощь. А вы сами как часто оказываете помощь по системе БЮП или берете дела по принципу pro bono?*

СЕРГЕЙ КРАЗУЗЕ: *В делах по системе БЮП я не участвовал. А насчет дел pro bono — доводится, но редко. Помню, ко мне обратилась одна пожилая женщина, пенсионерка, которая никак не могла добиться возбуждения гражданского дела — судья откровенно придиралась к ее исковому заявлению. Я пытался ограничиться консультацией, объяснить, что такое бывает на практике, нужно лишь исправить то, что хочет судья. Оплатить помощь по подготовке процессуальных документов доверитель не смогла бы. В итоге решил помочь безвозмездно, подготовил необходимые документы, сделал копии, объяснил, что и как нужно подать. Она поблагодарила и заплакала [Сидоренко, 2023: 50].*

Отвечая на вопросы журналиста, советник Федеральной палаты адвокатов РФ Сергей Краузе достаточно скромно оценивает свое участие в программах оказания бесплатной юридической помощи (БЮП) населению. Однако из его рассказа читатель все равно приходит к выводу о том, что адвокат не может равнодушно пройти мимо нуждающегося в помощи, но неспособного оплатить юридические услуги человека (*«решил помочь безвозмездно, подготовил необходимые документы, сделал копии, объяснил, что и как нужно подать»*). Данный эпизод из жизни Краузе призван разрушить стереотип о том, что все адвокаты — меркантильные люди, которых интересует только личная выгода.

Обратим внимание на использование адресантами профессионального юридического жаргона (*«оказываете помощь по системе БЮП»*, *«по принципу pro bono»*, *«насчет дел pro bono»*, *«в делах по системе БЮП»*) и юридической терминологии (*«возбуждение гражданского дела»*, *«исковое заявление»*, *«процессуальные документы»*, *«доверитель»*). Их презентация в тексте без дополнительных объяснений предполагает совпадение фоновых знаний адресантов и адресатов, либо практикующих, либо интересующихся правом. В случае расхождения этих знаний необходимые пробелы восполняются контекстом. В качестве имплицатуры отмечаем противопоставление адвокатом себя судье несмотря на принадлежность к одной юридической профессии (*«судья откровенно придиралась к ее исковому заявлению»*). Выводимая адресатом инференция в данном случае — восприятие адвоката как «своего», а судьи — как «чужого» с формированием соответствующих образов.

3. Адвокат выбирает профессию по зову сердца, а не из корыстных соображений.

ЖУРНАЛИСТ: Почему Вы выбрали именно эту профессию?

НАРИНЕ АЙРАПЕТЯН: <...> все произошло как-то **по науку**. Выбрала профессию адвоката, потому что она **свободная**, полностью **соответствует моему духу**, я в ней просто растворяюсь [Сидоренко, 2023: 22].

ЖУРНАЛИСТ: В какой момент Вы решили, что хотите обучиться юриспруденции и стать адвокатом? Как к Вам пришло это решение?

СЕРГЕЙ КРАУЗЕ: Может показаться странным, но **право мне нравилось всегда** <...> Адвокатом стал, потому что **мне всегда хотелось быть юристом**, который выступает в суде [Сидоренко, 2023: 46–47].

Ни один из интервьюируемых не упоминает о материальном достатке как одном из факторов выбора профессии. Особенно интересна метафора в первом примере. Идея свободы не только экспли-

цируется соответствующей лексемой («свободная»), но и получает дальнейшее смысловое развитие посредством глагола «растворяюсь», вызывая ассоциации с воздухом как символом свободы. Импликатура данной метафоры состоит в том, что адвокат — это человек, отличающийся свободой мысли, которую невозможно ограничить извне.

Подведем некоторые итоги. Современные средства массовой информации вносят большой вклад в формирование как положительных, так и отрицательных представлений граждан о служителях Фемиды. При этом имплицитные средства, используемые адресантами (как журналистами, так и самими юристами), играют не меньшую, если не большую роль в создании желаемого образа. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что современный российский адвокат репрезентируется как человек, готовый преодолевать трудности, возникающие на жизненном, в том числе профессиональном, пути, способный к самопожертвованию ради интересов доверителя и искренне любящий свою профессию. Выделяемые адресантами аспекты образа адвоката, на наш взгляд, коррелируют с аксиологическими доминантами русской культуры, такими как верность долгу, служение обществу, трудолюбие, бескорыстие и т.д. Мы полагаем, что, обладая большим кумулятивным потенциалом, СМИ посредством повторяющихся публикаций, содержащих положительную репрезентацию юристов, могут коренным образом изменить доминирующие в обществе негативные представления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антошина Д.В. Термин «импликация» и его аналоги в прагматике // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 7 (85). Ч. 1. С. 97–102.
2. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая прагматика. 1985. Вып. 16. С. 217–237.
3. Калташкина Е.Ю. Прагматические аспекты изучения политического медиа-дискурса // Известия Саратовского университета. 2012. Т. 12. С. 27–32.
4. Камалетдинов Э.С. «Идеальный тип» юриста в современном российском обществе: сущность и качественные характеристики // Вестник Башкирского университета. 2012. Т. 17. № 4. С. 1859–1861.
5. Карасик В.И., Дмитриева О.А. Лингвокультурный типаж: к определению понятия // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажы. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 5–23.
6. Павловская А.В. «Ученые образует ум, воспитанье — нравы»: Исторические традиции российского образования // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 3. С. 29–40.
7. Почепцов Г.Г. Имиджелогия. М.: Смартбук, 2009.
8. Румянцева-Томашевич Ю. Романтик адвокатуры // Российский адвокат. 2023. № 1. С. 15–24.

9. *Сидоренко Е.* Адвокат, преподаватель, яхтсмен // Российский адвокат. 2023. № 1. С. 45–53.
10. *Сидоренко Е.* Спортсменка, комсомолка... и так далее // Российский адвокат. 2023. № 1. С. 45–29.
11. *Снегова Т.И.* Стереотипный образ юриста в языковом сознании россиян XX столетия: Автореф. дисс...канд. филол. наук. М., 2005.
12. *Соловьёва Ю.О.* Герой или злодей: образ адвоката в современной американской популярной культуре // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 1. С. 81–89.
13. *Соловьёва Ю.О.* Образ полиции в современном российском дискурсе правового просвещения // Современная российская аксиосфера: семантика и прагматика идентичности. 2023. С. 220–225.

Yulia O. Solovyeva

**SEMANTIC AND PRAGMATIC ASPECTS OF MODELING
THE IMAGE OF A RUSSIAN ADVOCATE (BASED ON THE
JOURNAL “RUSSIAN ADVOCATE”)**

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;
solovieva-julia2009@yandex.ru*

Abstract: The article presents the results of a linguopragmatic study of explicit and implicit means used by journalists of law-related corporate mass media to model the positive image of a modern Russian lawyer. The author observes that at present there is a social need to replace deeply rooted negative stereotypes about lawyers/advocates in the collective consciousness, since it is the representatives of the law who form patterns of law-abiding behavior. Mass media play a significant role in forming images of lawyers whom many Russian citizens rarely meet in person. Analyzed interviews with lawyers and lawyer biographies enable the recipients to learn more not only about the professional activities but also about personal life and inner world of lawyers, thus, demonstrating a great potential in modeling their images. The article highlights and analyzes three aspects that, in the author’s opinion, are of greatest importance for creating a positive image of a lawyer in modern Russian society.

Keywords: advocate/lawyer; image; modeling; stereotype; explicit/implicit means; popular legal discourse

For citation: Solovyeva Yu.O. (2024). Semantic and pragmatic aspects of modeling the image of a Russian advocate (based on the journal “Russian advocate”). *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, no 3(27), pp. 75–84. (In Russ.)

About the author: Yuliya O. Solovyeva — PhD, Associate Professor, Department of Linguistics, Translation and Intercultural Communication, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; solovieva-julia2009@yandex.ru.

REFERENCES

1. Antoshina D.V. 2018. Termin «implikatsiya» i ego analogi v pragmatike [The Term “Implication” and its Analogues in Pragmatics]. *Philology. Theory and Practice*, no. 7 (85), pp. 97–102. (In Russ.)
2. Grice H.P. 1985. Logika i recevoe obshchenie [Logic and Conversation]. *New in foreign linguistics. Linguistic pragmatics*, pp. 217–237. (In Russ.)
3. Kaltashkina E.Yu. 2012. Pragmaticheskie aspekty izucheniya politicheskogo mediadiskursa [Pragmatic Aspects of Political Media Discourse]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta*, no. 12. pp. 27–32. (In Russ.)
4. Kamaletdinov Eh.S. 2012. “Ideal’nyi Tip” yurista v sovremennom rossiiskom obshchestve: sushchnost’ i kachestvennye kharakteristiki [The “Ideal Type” of a Lawyer in Modern Russian Society: Essence and Qualitative Characteristics]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, no. 4, pp. 1859–1861. (In Russ.)
5. Karasik, V.I., Dmitrieva O.A. 2005. Lingvokul’turnyi tipazh: k opredeleniyu ponyatiya [Linguistic and Cultural type: to the Definition of the Concept]. *Aksiologicheskaya lingvistika: lingvokul’turnye tipazh*. Volgograd: Paradigma. (In Russ.)
6. Pavlovskaya A.V. 2022. Uchen’e obrazuet um, vospitan’e — nrayu: Istoricheskie traditsii rossiiskogo obrazovaniya [“Studying Feeds Intellect, while Upbringing provides Morals”. The Main traditions of education in Russia]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 29–40. (In Russ.)
7. Pocheptsov G.G. 2009. Imidzhelogiya [Imagelogy]. Moscow: Smartbook. (In Russ.)
8. Rumyantseva-Tomashevich YU. 2023. Romantik advokatury [Romantic of the Bar]. *Rossiiskii advokat*, no. 1, pp. 15–24. (In Russ.)
9. Sidorenko E. 2023. Advokat, prepodavatel’, yachtsmen [Lawyer, Teacher, Yachtsman]. *Rossiiskii advokat*, no. 1, pp. 45–53. (In Russ.)
10. Sidorenko E. 2023. Sportsmenka, komsomolka... i tak dalee [Athlete, Komsomol Member ... and so on]. *Rossiiskii advokat*, no. 1, pp. 45–29. (In Russ.)
11. Snegova T.I. 2005. Stereotipnyi obraz yurista v yazykovom soznanii rossiyan XX stoletiya. Avtoreferat diss...kandidata fil.n. [Stereotypical Image of a Lawyer in the Linguistic Consciousness of Russians in the 20th Century]. Author. dis. ... cand. philol. sci. Moscow. (In Russ.)
12. Solovyeva Yu.O. 2020. Geroi ili zlodei: obraz advokata v sovremennoi amerikanskoj populyarnoi kul’ture [A Hero or a Villain: the Image of a lawyer in contemporary American Pop Culture]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 81–89. (In Russ.)
13. Solovyeva Yu.O. 2023. Obraz polititsii v sovremennom rossiiskom diskurse pravovogo prosveshcheniya [The Image of the Police in Modern Russian Discourse of Public Legal Education]. *Sovremennaya rossiiskaya aksiosfera: semantika i pragmatika identichnosti*, pp. 220–225. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 04.03.2024;
одобрена после рецензирования 26.03.2024;
принята к публикации 08.04.2024;

The article was submitted 04.03.2024;
approved after reviewing 26.03.2024;
accepted for publication 08.04.2024

ПЕРЕВОД И ПЕРЕВОДОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Е.Н. Булина, М.И. Солнышкина

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ВЯЙНЯМЕЙНЕНА В АНГЛИЙСКИХ ПЕРЕВОДАХ ЭПОСА «КАЛЕВАЛА»

*Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия;
evgeniya-bulina@yandex.ru; mesoln@yandex.ru*

Аннотация: В статье представлен сопоставительный анализ семантических портретов песнопевца и культурного героя-первопредка Вайнямейнена в двух английских переводах эпоса «Калевала»: в переводе У. Керби и Дж. Кроуфорда. Следуя определенному алгоритму, разноструктурные номинации героя классифицируются и подвергаются компонентному анализу, посредством которого фиксируется инвентарь сем и семных конкретизаторов, позволяющий выявить изоморфные и алломорфные характеристики в портретах героя. Исследование показывает, что доминантой семантического портрета является песенное пространство героя в связи с тем, что пение — основной вид деятельности Вайнямейнена, с помощью которого он влияет на окружающий его мир. В работе показано, что семантический портрет Вайнямейнена представляет собой четырехуровневую структуру, включающую номинации, (1) характеризующие Вайнямейнена как певца, (2) характеризующие его пение, (3) характеризующие процесс пения и (4) характеризующие функции его пения. Исследование также демонстрирует особую важность номинаций со структурой предложения и сверхфразового единства, позволяющих зафиксировать дополнительные семы в составе лексических номинаций. В статье делается вывод о том, что семантический алломорфизм портретных характеристик Вайнямейнена обусловлен как лингвистическими причинами: выбор источника перевода (оригинальный текст на финском языке и подстрочник с немецкого языка), так и экстралингвистическими причинами: различия британской и американской лингвокультур и личные предпочтения переводчиков.

Ключевые слова: Вайнямейнен; эпос «Калевала»; семантический портрет; песенное пространство; номинация; сема; функции пения

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 24-28-01355.

Булина Евгения Николаевна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры теории и практики преподавания иностранных языков Казанского (Приволжского) федерального университета; evgeniya-bulina@yandex.ru.

Солнышкина Марина Ивановна — профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики преподавания иностранных языков Казанского (Приволжского) федерального университета; mesoln@yandex.ru.

Для цитирования: Булина Е.Н., Солнышкина М.И. Семантический портрет Вайянемейнена в английских переводах эпоса «Калевала» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 27. № 3. С. 85–96.

Карело-финский эпос «Калевала» не раз становился объектом исследования языковедов, литературоведов, искусствоведов и историков. Спектр исследовательских вопросов всегда был достаточно широким: от проблемы авторства (народ или Элиас Лённрот) и переводческих трансформаций [Ракин, 2014] до вопросов мировосприятия древних финнов [Петрухин, 2023]. Основной исследовательский вопрос, к которому обращались ученые 19 и 20 вв. — это вопрос историчности/мифологичности «Калевалы» [Евсеев, 1957: 16–18]. Например, в 1844 г. в «Германской мифологии» и годом позднее в докладе Берлинской Академии наук Якоб Гримм указывает на сходство «Калевалы» с древнегреческой, немецкой и скандинавской мифологиями (в русском переводе см. [Гримм, 2019]). В 1847 г. в рецензии на книгу Морица Эмана «Главные черты из древней эпопеи Калевалы» карело-финский эпос упоминает В.Г. Белинский¹: критик называет «Калевалу» «великим творением» и ставит его в один ряд с другими «монументальными» эпосами. Р.Б. Мюллер выступала за мифологическое содержание рун «Калевалы», указывая на ее сходство с Нибелунгами, Шах-Наме, Махабхаратой и Илиадой [Мюллер, 1947]. Историческую концепцию о происхождении карело-финского эпоса пытались развивать первые переводчики «Калевалы».

Тема историчности/мифологичности «Калевалы» по-прежнему остается в спектре современной научной парадигмы [Мелетинский, 2004], однако ее границы во многом расширены не только за счет введения новых тем, но и современной методологии. В монографии З.К. Тарланова [Тарланов, 2002] представлено широкое многообразие имен героев «Калевалы», именуемое автором «текстовой индексацией наименований».

Целью представленного исследования является выявление специфики семантического портрета Вайянемейнена в двух параллельных английских переводах эпоса «Калевала» У. Керби² и Дж. Кроуфорда³.

¹ Белинский В.Г. Главные черты из древней финской эпопеи Калевалы Морица Эмана. URL: http://dugward.ru/library/belinsky/belinskiy_glavnye_cherty.html (дата обращения: 20.03.2024).

² Kalevala: The land of heroes: in two volumes / Translated by W.F. Kirby. London: J.M. Dent & Co.; New York: E.P. Dutton & Co., 1956.

³ Crawford J.M. The Kalevala: The Epic Poem of Finland into English: in two volumes / J.M. Crawford. N.Y.: J.B. Alden; L., 1889. URL: <http://finntimes.com/wp-content/uploads/2011/07/kalevala-crawford.pdf> (accessed: 07.12.2015).

Современный интерес к переводам данного произведения продиктован как нерешенностью проблемы переводческих трансформаций поэтических произведений, так и значимостью восприятия главного героя — Вяйнямейнена — в различных этнокультурных и национальных традициях. Очевидно, что переводческие предпочтения способны изменять образы и характеры героев произведений и таким образом влиять на читателя. Особую значимость такого рода влияние имеет при восприятии сложных текстов неподготовленными читателями. Именно поэтому переводы «Калевалы» У. Керби и Дж. Кроуфорда представляют особый интерес, поскольку У. Керби перевел «Калевалу» с языка оригинала, а Дж. Кроуфорд использовал немецкий подстрочник.

Выбор двух указанных переводов из всех существующих на данный момент продиктован рядом причин. Мы не привлекали к исследованию неполные переводы: первый перевод «Калевалы» Дж.А. Портера “Selection from the Kalevala” (букв. «Избранное из Калевалы») 1868 г., представлявший собой переложение отдельных рун эпоса с немецкого (пер. А. Шифнера) на английский язык, а также прозаические переводы, например, перевод Ф.П. Магоуна “The Kalevala or Poems of Kalevala District” 1963 г. (букв. «Калевала или поэмы из края Калевалы»), Э. Фриберга “The Kalevala. Epic of the Finnish people” 1988 г. (букв. «Калевала. Эпос финнов»). Все другие переводы «Калевалы» на английский язык суть переводы отдельных рун или упрощенные переложения для детей.

Таким образом, материалом исследования послужили разноструктурные номинации Вяйнямейнена в двух английских переводах «Калевалы»: 272 — в переводе У. Керби (далее — УК) и 470 — в переводе Д. Кроуфорда (далее — ДК). Однословные номинации зафиксированы в следующем количестве: 148 (УК) и 224 (ДК), номинации со структурой словосочетания: 52 (УК) и 155 (ДК), номинации со структурой предложения: 53 (УК) и 71 (ДК), номинации со структурой сверхфразового единства (далее СФЕ): 19 (УК) и 20 (ДК).

Сложность перевода «Калевалы» на другие языки всегда состояла в том, что она содержит сложную для перевода лексику не только финского, но и карельского, и вепсского языков, а также их диалектов [Хурмеваара, 1972]. Дополнительную трудность создают внутриязыковая полисемия и омонимия, поскольку эпическая лексика в тексте «Калевалы» может иметь значения отличные от современных [Карху, 1978].

Исследователи указывают и еще на одну из особенностей «Калевалы» как эпического произведения — ее тяготение к повторяемости лексики, в том числе описательной. «Стиль эпических рун величествен в своей простоте, красочен без украшений. И в перево-

де следует остерегаться нарушений этой весомой простоты, остерегаться неоправданных отклонений в лексике, синтаксисе, эпитетах, параллелизмах» [Карху, 1978: 125].

Особую значимость имеет исследование Эйно Карху, позволяющее глубже понять центральный образ «Калевалы» — образ Вяйнямейнена, для понимания которого необходимо обращение к мифическим представлениям древних финнов о пространстве и времени, в которых не разграничены понятия «теперь», «потом» и «тогда». А поскольку события всегда разворачиваются здесь и сейчас, мы не находим в «Калевале» описания детства и юности Вяйнямейнена — он всегда старый [Карху, 1978].

Исследования, нацеленные на синтез главного героя Калевалы — Вяйнямейнена — немногочисленны. Трактовки и подходы к описанию Вяйнямейнена и его роли в культуре в различных научных школах в значительной степени отличаются. Одной из ключевых работ, посвященных Вяйнямейнену, является монография Мартти Хаавио “Vainamoinen Eternal Sage” [Haavio, 1952], в которой автор в качестве источников использует аутентичные финские руны. Вяйнямейнен в работе М. Хаавио представлен как «идеализированный шаман», действующий преимущественно при помощи колдовства [Haavio, 1952: 5]. Е.М. Мелетинский, характеризуя такое представление Вяйнямейнена как весьма одностороннее, трактует образ карело-финского бога как культурного героя, в котором «воплощены народные идеалы» и архаичность [Мелетинский, 2008: 64]. Своеобразие Вяйнямейнена, по мнению ученого, состоит в том, что он не молод и жизнерадостен, как большая часть героев, но стар, мудр и рассудителен. Элиас Лённрот, по мнению В.Я. Евсеева [Евсеев, 1957], был склонен считать образ Вяйнямейнена собирательным.

В последнее десятилетие появились работы по семантическому анализу персонажей культурно-значимых текстов, в основе которых лежит понятие семантического портрета. Методология составления семантического портрета персонажа произведения была впервые представлена в диссертации С.В. Первухиной «Семантический портрет Иисуса Христа в переводе библии New International Version» в 2003 г. на материале перевода Библии на английский язык [Первухина, 2003], а в 2009 г. расширена и дополнена в диссертации Е.О. Заляевой «Изоморфизм и алломорфизм вариантов модели семантического портрета Одина в «Эдде» на материале параллельных переводов «Старшей Эдды» и «Младшей Эдды» на русский и английский языки [Заляева, 2009]. В представленной работе мы используем разработанную в указанных работах методологию синтезирования семантического портрета героя, демонстрируя возможности ее применения и преимущества для сопоставления. Вслед за С.В. Первухиной,

под *семантическим портретом* персонажа мы понимаем структуру, составленную из мельчайших единиц метаязыка — сем или семантических признаков, — которые входят в разноуровневые номинации этого персонажа в данном тексте и которые упорядочены в этой структуре по тематическому признаку [Первухина, 2003: 6].

Социальная роль Вяйнямейнена в «Калевале» определяется достаточно просто: он позиционируется как певец, основное занятие которого песнопение [Тарланов, 2002: 165]. Известно, что Вяйнямейнен, подобно другим певцам в мифопоэтической традиции (Браги, Боян, филиды и др.), пением воздействует на окружающий мир, а также строит лодку с помощью пения, колдует, изобретает музыкальный инструмент. Данное обстоятельство позволяет осуществлять моделирование семантического портрета Вяйнямейнена как певца и его песенного пространства, трактуемого в работе как группа единиц языка и речи, номинирующих действия певца, их характеристику, а также самого певца. Актуальным для современной филологической науки представляется выявление особенностей восприятия образа героя-певца «Калевалы» как культурно-значимого текста.

Алгоритм исследования включал: (1) каталогизацию разноструктурных номинаций Вяйнямейнена, характеризующих его как певца, в двух переводах эпоса; (2) выявление семного состава данных номинаций посредством процедуры компонентного анализа; (3) осуществление тематической классификации выявленных сем; (4) формирование метаязыка описания номинаций; (5) моделирование семантических портретов Вяйнямейнена в двух переводах и (6) выявление изоморфных и алломорфных характеристик в семантических портретах Вяйнямейнена в двух параллельных переводах.

Английские варианты модели семантического портрета Вяйнямейнена объективированы различными в структурно-языковом отношении единицами: однословными номинациями, представленными именами собственными (*Vainamoinen, Wainamoinen, Kalevainen, Osmoinen* и др.) и именами нарицательными (*singer, bard, minstrel*); словосочетаниями (*of the song the lifelong pillar, song's eternal wise supporter* и др.); предложениями (“*By my art a boat I fashioned, / By my songs a boat I builded, / <...> (XVI: 250–260⁴) (УК) / “I was building me a vessel, / At my craft was working, singing (XVI) (ДК) и СФЕ (Then the aged Vainamoinen, / Spoke aloud his songs of magic, / And a flower-crowned birch grew upward, / <...> / Then he sang his songs of magic, / And he sang a moon all shining, / On the pine-tree's golden summit; / And the Great Bear in the branches (X: 30–40) (УК) /*

⁴ Здесь и далее по тексту указывается источник, римскими цифрами обозначен номер руны, арабскими — номера столбцов.

“*Sang aloft a wondrous pine-tree, / <...> / Sings the Moon to shine forever / <...> / In its top he sings the Great Bear*” (X) (ДК). Среди английских номинаций с грамматической структурой словосочетания были выделены метафорические (напр., *song-deliverer of Northland*) и неметафорические номинации (напр., *famous bard of Suomi*).

Все номинации были классифицированы на следующие группы: 1) номинации, характеризующие Вяйнямейнена как певца; 2) номинации, характеризующие его песнопения; 3) номинации, характеризующие процесс пения и 4) номинации, характеризующие функции пения.

Продемонстрируем логику исследования на примере наименований *minstrel, singer, bard*. Для выявления денотативных сем макрокомпонента значение выделенных лексем мы пользовались словарем английского языка OALD⁵, в котором представлены следующие значения: *minstrel*, “*a musician or singer in the Middle Ages*” (букв. ‘музыкант или певец в Средние века’); *singer*, “*a person who sings, or whose job is singing, especially in public*” (букв. ‘человек, который поет или чья работа — петь, особенно на публике’); *bard*, “*(literary) a person who writes poems*” (букв. ‘человек, который пишет стихи’). В составе значений лексем *minstrel, singer, bard* выделяем семы *to sing, to write poems, a musician*. Обратим внимание, что лексема *bard* не содержит семы *to sing*, однако данная сема является для лексемы *bard* потенциальной. В переводе ДК зафиксированы также существительные композиты: *wisdom-singer, water-minstrel, wizard-singer, wonder-singer, bard-magician*.

Структурная классификация номинаций Вяйнямейнена, подробно рассмотренная нами в [Булина, 2018], позволила зафиксировать следующие словосочетания: *great primeval minstrel, minstrel most illustrious, best of minstrels, of the song the lifelong pillar* и др. (УК), *ancient minstrel, mighty bard, Minstrel of Wainola, best of boasted singers* и др. (ДК). Структурный анализ показал, что общим для двух переводов является подтип $A^{adj} + K^n$ (*great primeval minstrel, ancient minstrel* и др.) и $A + pr + K$, содержащий превосходную степень прилагательных (*best of minstrels, best of boasted singers*). Структура $K^n + A^{adj}$ зафиксирована в переводе УК (*bard immortal*), структура $K + pr + A$ зафиксирована в переводе ДК (*bard of Kalevala*).

По результатам КА в номинациях со структурой словосочетания, характеризующих Вяйнямейнена как певца, были выделены интегральные семы: *временная точка отсчета существования* (12 : 59⁶), *вечное существование* (2 : 13), *известность* (5 : 14), *вызывает по-*

⁵ OALD / Hornby A.S. Oxford Advanced Learner’s Dictionary of Current English / A.S. Hornby. sixth edition. Oxford, 2000.

⁶ В скобках указано количественное соотношение сем в указанных переводах УК: ДК соответственно.

ложительные эмоции (14 : 8) и дифференциальные семы: *превосходство среди певцов (3), статус самого старого певца (2) (УК), могущество (3), магическая сила (3), соперник в пении (2), заслуживает уважения и внимания, статус певца в родной земле (10), ум + знания + жизненный опыт (20) (ДК).*

Особую значимость для моделирования семантического портрета Вяйнэмейнена имеют номинации со структурой предложения и СФЕ, представляющие собой контекст, позволяющий зафиксировать дополнительные семы и семные конкретизаторы, которые не были обнаружены в однословных номинациях и номинациях со структурой словосочетания. Например, номинация предложением “*Sang a song, and sang a second, / But, as he the third was singing, / <...> / And the sledge broke off his chanting*” (УК) позволила зафиксировать в составе лексемы to sing окказиональную сему *разрушительная магическая сила*. В СФЕ “*Straightway sings old Wainamoinen, / Sings to life a purple forest, / In the forest, slender birches, / And beside them, mighty oak-trees, / Shapes them into shafts and runners, / Moulds them by his will and power, / Makes anew his sledge of magic*” [XXV] (ДК) в составе лексемы to sing фиксируем окказиональную сему *созидательная магическая сила*.

Номинации песен Вяйнэмейнена были классифицированы по следующим семантическим признакам: 1) номинации с семой *интеллектуальная деятельность*: words of wisdom, wisdom-songs, garnered store of wisdom, the wisest thoughts и др. По результатам КА выделены следующие интегральные семы: *содержат информацию (а) интеллектуальную, (б) соответствующую действительности, сочиненные лицом на основе (а) знаний, (б) опыта, существующую очень долгое время* и дифференциальные семы: *не известную другим лицам (УК); интеллектуальную (в высокой степени), забавную, доставляющую удовольствие, важную, хранящуюся как запас (ДК).*

2) номинации с темпоральной архисемой *время* (songs primeval, legends of creation и др.) и интегральной семой *прошлое* (tales of times primeval, songs of old tradition и др.). В результате КА зафиксированы дифференциальные семы: *о начале / возникновении вещей, соответствующие / не соответствующие действительности, о лицах, совершающих подвиги, принадлежащие традиции (ДК).*

3) номинации с эмотивной семой: songs of sweetness, songs so pleasing, joyous songs, songs melodious (УК); wondrous legends, wonder-tales, songs of ancient wit, songs of pleasure, songs of joy and gladness, songs of joyance, plaintive song (ДК). В результате КА выделены интегральные семы: (песни) *вызывают положительные эмоции (радость / счастье), доставляют удовольствие* и дифференциаль-

ные семы вызывают (а) удивление, (б) восхищение, приятные для слуха, вызывают состояние эмоционального спада (ДК).

4) номинации с семой *магия*: songs of magic, words of magic, magic songs, spells of magic (УК), incantations, wizard sayings, enchantment, charms (ДК). По результатам КА в лексемах magic, spell, incantation, charms были выявлены интегральные семы *слова, магические свойства*, в лексеме incantation зафиксирована дифференциальная сема *слова + произносятся или поются*.

Подобным образом были классифицированы и проанализированы номинации пения и функций пения Вяйнямейнена (подробный анализ описан в [Булина, 2019а], [Булина, 2019б]).

Таким образом, разработанный на основе КА метаязык описания позволил представить семантический портрет Вяйнямейнена в каждом из сопоставляемых переводов как упорядоченную структуру, состоящую из сем и семных конкретизаторов. Изоморфизм синтезированных двух английских моделей семантического портрета Вяйнямейнена определяется набором сем, вербализующих функциональные и физические характеристики персонажа, а также его действия. В переводах УК и ДК Вяйнямейнен характеризуется преимущественно при помощи спектра выполняемых им при помощи песнопений магических действий.

Количественный алломорфизм зафиксирован в однословных номинациях, характеризующих Вяйнямейнена как певца: 36 (УК) и 198 (ДК), в номинациях со структурой словосочетания, характеризующих Вяйнямейнена как певца: 24 (УК) и 108 (ДК). Следовательно, количественный алломорфизм однословных номинаций и номинаций со структурой словосочетания влияет на семантический портрет Вяйнямейнена, характеризуя его как great primeval (10) minstrel (28) (УК); ancient (41), eternal (11) singer (68), wisdom-singer (13) (ДК).

Семантический изоморфизм характеристики Вяйнямейнена как певца детерминирован интегральными семами, выявленными в сопоставляемых переводах: *вечное существование, временная точка отсчета существования, известность, имеет статус (а) опоры пения, (б) соперника в пении, вызывает положительные эмоции, превосходство по способностям среди певцов*. Семантический алломорфизм характеристики Вяйнямейнена как певца детерминирован следующими дифференциальными семами: *интеллектуальная деятельность, имеет статус певца в родной земле, имеет статус (а) водяного певца, (б) доставляющего песни, могущество, магическая сила* (ДК), *бессмертие* (УК).

В характеристике песнопений, производимых Вяйнямейненом, также доминируют следующие высокочастотные интегральные

семы: интеллектуальная деятельность, время, эмотивные семы, сема магия. Семантический алломорфизм обусловлен присутствием в переводе ДК дифференциальных сем: *вызывают печаль, содержат информацию, (а) хранящуюся как запас, (б) важную (ДК).*

В характеристике процесса пения доминирует семантический изоморфизм, обусловленный интегральными семами *длительность звучания, сила звучания, эмоция, сравнение, магия*, эксплицированными из текстов двух переводов. Характеристика функций пения также семантически изоморфна и объективируется в следующих интегральных семах: *физическое и эмоциональное воздействие, передача знаний о прошлом, прославление.*

Таким образом, сопоставительное исследование двух английских переводов «Калевалы» выявило, что в портретных характеристиках Вьяйнямейнена доминирует изоморфизм, обусловленный структурой английского языка. Алломорфизм двух портретов Вьяйнямейнена детерминирован как лингвистическими (выбор текста-подстрочника), так и экстралингвистическими причинами: различиями сопоставляемых лингвокультур (британской и американской) и личными предпочтениями переводчиков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Булина Е.Н. Асимметрия лексических номинаций главного персонажа эпоса «Калевала» в параллельных переводах на русский и английский языки // Филология и культура. 2018. № 4 (54). С. 7–11.
2. Булина Е.Н., Андреева М.И., Солнышкина М.И. Специфика номинаций песнопений Вьяйнямейнена в текстах перевода эпоса «Калевала» на русский и английский языки // Вестник Томского государственного университета. 2019а. № 445. С. 12–21.
3. Булина Е.Н., Гайнутдинова Д.З., Солнышкина М.И. Семантические особенности функциональных характеристик пения Вьяйнямейнена в переводах «Калевалы» на русский и английский языки // Современные исследования социальных проблем. Т. 11. № 4-2. 2019б. С. 20–35.
4. Гримм Я. Германская мифология: В 3 т. / Пер., коммент. Д.С. Колчигина / Под ред. Ф.Б. Успенского. М., 2019.
5. Евсеев В.Я. Исторические основы карело-финского эпоса. М.; Л., 1957–1960. 2 т.: кн. 1. 1957.
6. Залаева Е.О. Изоморфизм и алломорфизм вариантов модели семантического портрета Одина в «Эдде» (на материале параллельных переводов «Старшей Эдды» и «Младшей Эдды» на русский и английский языки): Дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 2009.
7. Карху Э.Г. Перевод, не модернизация (О поэтических переводах рун «Калевалы») // От рун к роману. Статьи о карело-финском фольклоре, «Калевале», финской литературе. Петрозаводск, 1978. С. 118–137.
8. Мелетинский Е.М. Предки Прометея (Культурный герой в мифе и эпосе) // Мелетинский Е.М. Избр. статьи. Воспоминания / Отв. ред. Е.С. Новик. М., 2008. С. 319–343.

9. *Мелетинский Е.М.* Происхождение героического эпоса: ранние формы и архаические памятники. 2-е изд., испр. М., 2004.
10. *Мюллер Р.Б.* Очерки по истории Карелии XVI–XVII вв. / Под ред. и с предисл. А.И. Андреева; Ин-т истории, языка и литературы Карело-Финской базы Акад. наук СССР. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1947.
11. *Первухина С.В.* Семантический портрет Иисуса Христа в переводе Библии New International Version: Дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2003.
12. *Петрухин В.Я.* Карело-финские мифы. От «Калевалы» и птицы-демиурга до чуди и саамов. М., 2023.
13. *Ракин Н.А.* «Калевала» на коми языке в контексте некоторых аспектов теории и практики художественного перевода. Tartu, 2014.
14. *Тарланов З.К.* Герои и эпическая география былин и «Калевалы». Петрозаводск, 2002.
15. *Хурмеваара А.Г.* «Калевала» в России: К истории перевода / Ин-т яз., литературы и истории Карельск. филиала АН СССР. Петрозаводск, 1972.
16. *Naavio M.* Vainamoinen Eternal Sage. Helsinki, 1952.

Evgenija N. Bulina, Marina I. Solnyshkina

SEMANTIC PORTRAIT OF WAINAMOINEN IN ENGLISH TRANSLATIONS OF “KALEVALA”

Kazan Federal University, Kazan, Russia; evgeniya-bulina@yandex.ru; mesoln@yandex.ru

Abstract: The article presents a comparative analysis of the semantic portraits of the singer and the cultural hero Wainamoinen in two English translations of the epic “Kalevala” made by William Forsell Kirby and John Martin Crawford. Following a certain algorithm, the different-structured nominations of the hero are classified and subjected to component analysis, through which an inventory of semes and semes’ specifiers is fixed, which allows to identify isomorphic and allomorphic characteristics in the portraits of the hero. The study shows that the dominant position in the semantic portrait of Wainamoinen is occupied by the so-called song space of the hero, since singing is the main activity of Wainamoinen by means of which he influences the surrounding world. The semantic portrait of Wainamoinen is a four-level structure, including nominations (1) characterizing him as a singer, (2) characterizing his singing, (3) characterizing the process of his singing and (4) characterizing functions of his singing. The study also demonstrates an importance of nominations which have the structure of a sentence and super-phrasal unity. They allow to fix additional semes in lexical nominations. The article concludes that the semantic allomorphs of Wainamoinen’s portrait characteristics are determined by both linguistic aspects (the choice of the source text for translation: original text in the Finnish language and the interlinear translation in German) and extralinguistic aspects: differences between British and American lingua cultures and personal preferences of each translator.

Key words: Wainamoinen; the epic Kalevala; semantic portrait; song space; nomination; sema; functions of singing

Funding: This research has been supported by the Russian Science Foundation, Project № 24-28-01355.

For citation: Bulina E.N., Solnyshkina M.I. (2024) Semantic portrait of Wainamoinen in English translations of “Kalevala”. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, no 3(27), pp. 85–96. (In Russ.)

About the authors: Evgeniya N. Bulina — PhD in Philology, Assistant Professor of the Department of Theory and Practice of Teaching Foreign Languages, Kazan Federal University; evgeniya-bulina@yandex.ru; Marina I. Solnyshkina — Dr. Habil in Philology, Professor of the Department of Theory and Practice of Teaching Foreign Languages, Kazan Federal University; mesoln@yandex.ru.

REFERENCES

1. Bulina E.N. 2018. Asimetrija leksicheskikh nominacij glavnogo personazha jeposa “Kalevala” v parallel’nyh perevodah na russkij i anglijskij jazyki [Asymmetry of lexical nominations of the main character of the epic “Kalevala” in parallel translations into Russian and English]. *Philology and culture*, no. 4 (54), pp. 7–11. (In Russ.)
2. Bulina E.N., Andreeva M.I., Solnyshkina M.I. 2019a. Specifika nominacij pesnopenij Vjajnjamejnena v tekstah perevoda jeposa «Kalevala» na russkij i anglijskij jazyki [The specifics of the nominations of Wainamoinen’s chants in translations of the epic “Kalevala” into Russian and English]. *Tomsk State University Journal*, no. 445, pp. 12–21. (In Russ.)
3. Bulina E.N., Gajnutdinova D.Z., Solnyshkina M.I. 2019b. Semanticheskie osobennosti funkcional’nyh harakteristik penija Vjajnjamejnena v perevodah “Kalevaly” na russkij i anglijskij jazyki [Semantic features of the functional characteristics of Wainamoinen’s singing in translations of “Kalevala” into Russian and English]. *Russian Journal of Humanities*, vol. 11, no. 4-2, pp. 20–35. (In Russ.)
4. Grimm J. 2019. *Germanic mythology*. In III vols. Moscow. (In Russ.)
5. Evseev V.Ja. 1957. *Istoricheskie osnovy karelo-finskogo jeposa* [Historical foundations of the Karelo-Finnish epic]. Moscow; Leningrad: Izd-vo Akad. nauk. Book 1. (In Russ.)
6. Zaljaeva E.O. 2009. *Izomorfizm i allomorfizm variantov modeli semanticheskogo portreta Odina v “Jedde” (na materiale parallel’nyh perevodov “Starshej Jeddy” i “Mladshej Jeddy” na russkij i anglijskij jazyki)* [Isomorphism and allomorphy of variants of the semantic portrait model of Odin in the Edda (based on the parallel translations of the Elder Edda and the Younger Edda into Russian and English)]. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.20. Kazan. (In Russ.)
7. Karhu J.G. 1978. *Perevod, ne modernizacija (O pojeticheskikh perevodah run “Kalevaly”)* [Translation, not modernization (About poetic translations of the Kalevala runes)]. Ot run k romanu. Stat’i o karelo-finskom fol’klore, «Kalevale», finskoj literature. Petrozavodsk: Karelija, pp. 118–137. (In Russ.)
8. Meletinskij E.M. 2008. *Predki Prometeja (Kul’turnyj gerov v mife i jepose)* [Ancestors of Prometheus (Cultural hero in myth and epic)]. Moscow, RGGU, pp. 319–343. (In Russ.)
9. Meletinskij E.M. 2004. *Proishozhdenie geroicheskogo jeposa: rannie formy i arhaicheskie pamjatniki* [The Origin of the heroic epic: early forms and archaic monuments]. Moscow, Vost. lit. (In Russ.)

10. Mjuller R.B. 1947. *Očerki po istorii Karelii XVI–XVII vv.* [Essays on the history of Karelia of the XVI–XVII centuries]. Petrozavodsk: Gos. izd-vo Karelo-Finskoi SSR. (In Russ.)
11. Pervuhina S.V. 2003. *Semanticheskij portret Iisusa Hrista v perevode Biblii New International Version* [Semantic portrait of Jesus Christ in the Bible Translation New International Version].: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. Volgograd. (In Russ.)
12. Petruhin V.Ja. 2023. *Karelo-finskie mify. Ot «Kalevaly» i pticy-demiurga do chudi i saamov* [Karelo-Finnish myths. From the Kalevala and the demiurge bird to the Chudis and the Sami]. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber. (In Russ.)
13. Rakin N.A. 2014. “Kalevala” na komi jazyke v kontekste nekotoryh aspektov teorii i praktiki hudozhestvennogo perevoda [“Kalevala” in the Komi language in the context of some aspects of the theory and practice of literary translation]. Tartu: University of Tartu Press. (In Russ.)
14. Tarlanov Z.K. 2002. *Geroi i jepicheskaja geografija bylin i “Kalevaly”* [Heroes and epic geography of epics and “Kalevala”]. Petrozavodsk: PetrGU. (In Russ.)
15. Hurmevaara A.G. 1972. “Kalevala” v Rossii: K istorii perevoda [Kalevala in Russia: Back to the translation history]. In-t jaz., literatury i istorii Karel’sk. filiala AN SSSR. Petrozavodsk: Karelija. (In Russ.)
16. Haavio M. 1952. *Vainamoinen Eternal Sage*. Helsinki: Academia Scientarum Fennica.

Статья поступила в редакцию 24.03.2024;
одобрена после рецензирования 30.03.2024;
принята к публикации 08.04.2024;

The article was submitted 24.03.2024;
approved after reviewing 30.03.2024;
accepted for publication 08.04.2024

ВОПРОСЫ ЛЕКСИКОЛОГИИ И ЛЕКСИКОГРАФИИ

Л.В. Полубиченко, З.Р. Алхастова

АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ В ЭЛЕКТРОННО-ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия; lpolubichenko@mail.ru; behoizalina@mail.ru*

Аннотация: На примере паремиологических словарей рассматриваются новые подходы и тенденции, формирующиеся в современной англоязычной лексикографии в связи с ее цифровизацией. От первоначальных отсканированных вариантов авторитетных бумажных изданий электронная лексикография все больше переходит к разработке продуктов, специально предназначенных для использования на компьютерах и мобильных устройствах, и первым шагом здесь является обращение к ресурсам национальных лингвистических корпусов, а затем и создание самостоятельных паремиологических корпусов. Разработка электронных словарей постепенно оформляется в отдельное лексикографическое направление со своим предметом и объектом изучения. Выявлен ряд тенденций, характерных для англоязычных электронных паремиологических словарей, в частности: крепнущая связь с лингводидактикой; нарастающий непрофессионализм составителей справочных интернет-ресурсов, ведущий к их ненадежности; усиливающееся влияние на английский язык так называемых «неносителей языка»; расширяющийся спектр невербальных средств электронной лексикографии, которые способны решать некоторые научные задачи, непосильные для традиционных бумажных словарей, как, например, словарная фиксация триединого структурно-содержательно-функционального топологического инварианта часто воспроизводимых памятных речений. Лексикографам-профессионалам необходимо учиться использовать возможности современной электронно-цифровой эпохи, соединяя на профессиональном, а не любительском уровне необходимые лингвистические, цифровые и дизайнерские компетенции.

Полубиченко Лидия Валериановна — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой английского языка для естественных факультетов факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; lpolubichenko@mail.ru.

Алхастова Залина Рамзановна — кандидат филологических наук, преподаватель кафедры английского языка для естественных факультетов факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; behoizalina@mail.ru.

Ключевые слова: электронная лексикография; компьютерная лексикография; электронный словарь; паремиография; паремиологический словарь; паремия; пословица; поговорка; крылатые слова; филологическая топология; топологический инвариант

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-27-3-7

Для цитирования: Полубиченко Л.В., Алхастова З.Р. Англоязычные паремиологические словари в электронно-цифровую эпоху: проблемы и перспективы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 27. № 3. С. 97–112.

Термин «паремиологический словарь», нечасто встречающийся в названиях реальных лексикографических изданий, будет использоваться в данном исследовании в качестве родового понятия, своеобразного гиперонима по отношению к конкретным словарям пословиц, поговорок, памятных речений, максим, мудрых мыслей, крылатых слов, афоризмов, идиом, фразеологизмов и пр., которые нередко включают как данные, так и иные разновидности «чужого слова» без особых попыток их дифференциации¹ (см., например: [Пермяков, 1988: 80–106; Бредис, Ломакина, Мокиенко, 2019; Бредис, Димогло, Ломакина, 2020; Меньшакова, 2020]). И дело здесь отнюдь не только в нежелании или, возможно, неспособности отдельных составителей пособий такого рода провести необходимое разграничение между близкими, но все же не полностью тождественными понятиями, а в объективной трудности — вплоть до невозможности — без остатка расклассифицировать, аккуратно разложив по полочкам, плавно перетекающую из одной категории в другую языковую материю «чужого слова», склонного к тому же к различным смысловым сдвигам, обобщению, метафорическим переносам, а также к постепенной утрате авторства и превращению в слово ничейное, а значит — во всеобщее достояние культурного мира. В подтверждение сказанного достаточно сослаться на мнение выдающегося российского паремиолога-слависта В.М. Мокиенко, отмечавшего, что хотя лингвистами уже немало сделано для определения статуса и разграничения паремий, их терминологическая и классификационная интерпретация остается «вечной темой, поскольку теоретически возможен самый широкий взгляд на определение паремии — от образной лексики до законченного воспроизводимого текста» [Мокиенко, 2015: 8–9].

¹ В англоязычной традиции дело обстоит аналогичным образом, и соответствующая лексико-семантическая группа также объединяет немало близких по значению наименований, каждое из которых легко может оказаться в заголовке паремиологического словаря: proverb, saying, adage, aphorism, maxim, witticism, phrase, idiom, quotation и т.д.

Такой взгляд на содержание понятия «паремия» необходим нам для анализа новых подходов электронной лексикографии к созданию словарей разнообразных памятных речений, так как появляющиеся в этой области материалы демонстрируют широкое и при этом нередко разное понимание того, о каких именно единицах должна идти речь, а нам не хотелось упустить что-либо стоящее внимания только потому, что автор электронного ресурса назвал его словарем не пословиц, а, например, максим или поговорок. Иными словами, к изучению и лексикографированию паремий мы подходим с позиций *филологической топологии*, сосредоточенной на вопросах инвариантности и варьирования и установившей, что часто воспроизводимые в речи высказывания претерпевают в ходе своего освоения языковым сообществом постепенный переход с этического на эмический уровень с естественным изменением при этом своей природы: от прямой цитаты — через крылатые слова — к утрачивающему авторство фразеологизму (идиоме / пословице / поговорке) [Полубиченко, 2016; 2017: 48–74; и др.]. Прошедшие весь этот путь паремии обретают в конечном итоге достаточно стабильную форму, устойчивое содержание и определенную функционально-стилистическую направленность, чаще всего не совпадающие с формой, значением и функцией исходной сентенции в первоисточнике. Таким образом, при топологическом подходе фокус исследовательского внимания переносится на сферу естественного современного функционирования памятных речений в разных типах дискурса с целью понять, что именно воспроизводится в разных видах и у разных авторов (включая рядовых носителей языка) и что при этом является структурно-содержательно-функциональным инвариантом часто воспроизводимых речений в сознании данного языкового коллектива. Как раз об этом триедином инварианте паремиологических единиц и должен давать представление пользователю паремиологический словарь, чтобы сориентировать его в их стилистически уместном, естественном с точки зрения культуры речи употреблении. Такая информация необходима не только изучающим английский язык иностранцам, но и носителям языка, которым на сегодняшний день ее просто негде почерпнуть.

Достаточно трудно, однако, оказывается обеспечить в бумажных словарях традиционного типа, на обычной полиграфической базе, наглядное и понятное пользователю представление о содержательной (семантической), а тем более — структурной сторонах инварианта памятного речения², что побуждает обратить взгляд на бурно

² Предлагалось, в частности, в гномических цитатах выделять шрифтом или цветом те слова, которые регулярно воспроизводятся при их использовании в речи (известный шекспиризм мог бы, например, выглядеть следующим образом: *I must*

развивающуюся сегодня электронную лексикографию и внимательно присмотреться к тем новым возможностям, которые она открывает перед лингвистами.

Современная англоязычная лексикография, обладающая долгой и богатой традицией создания словарей различных типов, активно осваивает огромный потенциал быстро развивающихся информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Это приводит к изменению научной лексикографической парадигмы, выдвигая на первый план новые типы словарей на различных носителях. Наряду с традиционными печатными словарями в начале XXI в. на лексикографической арене появились цифровые двойники словарей ведущих мировых издательств и справочные издания словарного типа на мобильных устройствах: карманных персональных компьютерах, смартфонах, планшетах, ноутбуках и нетбуках. Все эти портативные средства связи в XXI в. все больше начинают использоваться составителями словарей в качестве носителей англоязычного фонда памятных речений разного типа.

Важнейшим для лексикографии достижением эпохи цифровизации стало создание филологически выверенных корпусов текстов, на основе которых легко получать различные виды словарей: конкордансы, частотные, обратные, авторские и др. В этой сфере науки сформировались и стали интенсивно развиваться новые разделы, такие как корпусная лексикография (*corpus lexicography*) и киберлексикография (*cyberlexicography*). К прежнему функционалу корпусов добавились возможности хранения информации на разнообразных устройствах внешней памяти (USB-накопителях, уходящих в прошлое компакт-дисках), быстрый и удобный доступ к информации, расширенный информационный поиск (включающий гиперссылки), неограниченное пространство для размещения информации, перенос акцента на невербальную составляющую. Неслучайно в сфере составления паремиологических словарей возможности корпусной и киберлексикографии привлекают к себе все больше внимания.

Прежде всего корпусные данные способны дать объективное представление о востребованности лексических единиц в реальном

be CRUEL, only to be KIND). Речения с доминирующим структурным инвариантом полезно снабжать структурной схемой, и тогда шекспиризм *To be, or not to be: that is the question* имел бы в словаре следующий вид: *To ___ or not to ___: [that is the question]*, где нижним подчеркиванием обозначены пропуски, заполняемые нужными по контексту глаголами, а в квадратные скобки заключены часто опускаемые фрагменты цитируемого речения. Наконец, для высказываний, использование которых в речи определяется функциональной стороной их инварианта, полезны функционально-стилистические словарные пометы, такие как *iron. / ирон., humor. / юмор., jocular / шутл., obs. / уст.* и пр. [Полубиченко, 2018: 45].

речепотреблении, что важно для принятия решения о включении их в словарь. Исследованию англоязычных паремий в различных корпусах посвящено немало работ [Khakimzyanova, Shamsutdinova, 2016]. В частности, изучение английских паремий в Британском национальном корпусе английского языка (British National Corpus), проведенное в 2005 Л. Грант в Оклендском технологическом университете в Новой Зеландии, показало, что из 104 идиом из выборки, составленной на основе 10 словарей идиом авторитетных издательств Кембриджского и Оксфордского университетов, Penguin, Wordsworth и Longman, ни одна не используется в корпусе достаточно часто, чтобы быть включенной в список 5000 самых частотных лексических единиц английского языка [Grant, 2005: 446].

Активно составляются и самостоятельные паремиологические корпуса, один из которых, например, создан в Германии в Вестфальском университете имени Вильгельма в 2019 и называется *Corpus of American English Proverbs (CAEP) and Experimental Study*³. Он содержит 4164 идиомы и пословицы на английском и немецком языках, отобранные из нескольких известных бумажных и электронных словарей. Для скачивания доступен пакет excel-файлов, содержащий паремии, а иногда и их варианты, с указанием количества случаев их использования и частотности употребления на один миллион входных единиц в COCA (Corpus of Contemporary American English) и в коллекции текстов, собранной в Google Books Ngram Viewer. Переводные эквиваленты паремий не предоставляются, а дополнительная информация по их употреблению (тип документа, источник в Интернете и пр.) достаточно бессистемно предлагается то на немецком, то на английском языках. Корпус *Proverbs Annotated with Metaphors*, созданный базирующейся во Франции Европейской ассоциацией языковых ресурсов в 2016, доступен пока лишь в демоверсии. Он включает 1054 разнесенные по тематическим категориям единицы, позаимствованные из словаря The Oxford Dictionary of Proverbs и переведенные на итальянский язык [Özbal, 2016]. С 2011 в Турции ведется работа над проектом *TS Corpus Project*, где одним из 14 подкорпусов является *TS Idioms & Proverbs Corpus*⁴.

Анализ этих и еще нескольких общедоступных электронных корпусов паремий английского языка показал, что этот способ регистрации и изучения памятных речений находится все еще в начале своего становления и многое в данной области делается пока достаточно бессистемно, так что отсутствие паремии в электронном

³ URL: <https://miami.uni-muenster.de/Record/5d77ba8d-2bc6-47ff-b4ab-cfdb47712b11>.

⁴ URL: <https://tscorpus.com/corpora/>.

корпусе не обязательно является следствием ее неупотребительности в речи.

Накопленный за последние десятилетия опыт применения ИКТ в лексикографии был подытожен в настольной книге современного лексикографа *The Routledge Handbook of Lexicography* [*The Routledge Handbook of Lexicography*, 2018], предлагающей известную типологизацию электронных словарей С. Тарпа, который расклассифицировал их по степени использования ИКТ, метафорически обозначив выделенные разновидности как *scrapcats* и *faster horses*, *model T Fords* и *Rolls Royces*. Не проводя принципиального различия между двумя первыми категориями, Тарп обозначает ими бесплатные для пользователя примитивные формы электронных словарей — сфотографированные или отсканированные версии бумажных. *Model T Fords* предоставляют возможность поиска материала по ключевому слову, языку, регистру, частеречной принадлежности входной единицы, дате ее ввода в словарь, снабжены фонетическими пометами, коллокациями, ссылками на примеры в иных лексикографических источниках, размещенных в Интернете в свободном доступе (внешние ресурсы), а также обеспечивают обратную связь с пользователями. Названием *Rolls Royces* Тарп определяет словари нового поколения с еще более широким функционалом, которые еще только предстоит создать [Dziemianko, 2016: 666–667].

Надо признать, что пока большая часть паремиологических словарей мировых издательств в сети Интернет представляет собой отсканированные варианты печатных изданий, но электронная лексикография быстро развивается, и в 2012 одно из ведущих мировых издательств лексикографической продукции Macmillan вообще отказалось от выпуска печатных словарей. Однако цифровая эпоха лексикографии, при всех открываемых ею широких возможностях, оказывается не свободной от рисков. Если в XX в. основным критерием при выборе лексикографического пособия являлась авторитетность и надежность словаря, опубликованного известным издательством, то сегодня пользователи все чаще обращают внимание на его оформление, прежде всего — наличие различных дополнений к основному, вербальному компоненту, делающих текст поликодовым, или креолизованным (использование рисунков, фотографий, аудио- и видеосопровождения, манипуляций с гарнитурами и размером шрифта, с цветами текста и фона и пр., и пр.), а также возможность обмениваться мнениями, общаться в мессенджерах, отмечать интересное содержание, перенося его в поле «избранное». Все это, к сожалению, во все больших количествах выводит на лексикографическую интернет-арену преисполненных стремления к самовыражению и самореализации лексикографов-любителей,

ориентирующихся на свои вкусы, интересы и эрудицию и не имеющих ни малейшего представления о характере и ответственности лексикографического труда.

Электронный ресурс энциклопедического типа *Hall of People*⁵, разработанный в 2014 в Греции, является ярким представителем работы дилетантов. Сайт составлен крайне непрофессионально, непонятной остается даже базовая информация вплоть до года его разработки: 2014–2334 (!?). Толкования входных единиц полны грубых лексических и грамматических ошибок в английском языке, например:

- USE IT OR LOSE IT.
*expression meaning that: If you don't use your skills or abilities, **there** will be lost over time.*
- WHY BUY A COW WHEN MILK IS SO CHEAP
***Supposes** that: Why **to** invest **for** something that you can obtain **it** easily and much cheaper; one should choose **the** less troublesome alternative.*

Другим примером может послужить электронный ресурс энциклопедического типа *RightWords*⁶, разработанный в Румынии в 2023 и содержащий цитаты, пословицы, загадки, песни, описание национальных традиций и пр. разных народов. Данный ресурс отражает тенденцию к включению в справочник экстралингвистической информации, которая должна помочь читателю расширить знания о стране изучаемого языка. Описание ресурса дается на безграмотном английском языке с орфографическими, лексическими и грамматическими ошибками: *The site holds in **his** structure two big sides of **the** universal and national literature: famous quotes section, famous words spoken and written by **well known** authors all over the world, words which are always true and folklore section, created **like** a folklore collection, meant to remind us **which** are **ours** roots.* Аналогичным образом подаются и паремии.

Вьетнамский разработчик Трун Нгуен в 2023 представил широкой общественности справочник *Proverbs, Maxims and Phrases*⁷, включающий паремии разных народов, организованные по тематическим рубрикам и снабженные переводом на английский язык, но без толкований. Источник и происхождение входных единиц указываются в бессистемном порядке: упоминается то язык, из которого заимствовано выражение, то автор памятного речения, постепенно превращающегося во фразеологизм. Справочник наделен опцией

⁵ URL: <https://hallofpeople.com>.

⁶ URL: <https://rightwords.eu/>.

⁷ URL: <https://appagg.com/ios/reference/proverbs-maxims-and-phrases-27426055.html?hl=ru&ysclid=lqx6oc6jpc62111>.

включения входных единиц в избранные и возможностью пополнения словника. Заметим, что для таких электронных ресурсов типично, что эта возможность предоставляется всем желающим, причем без проверки профессиональными лингвистами и лексикографами (то же наблюдаем и в приложении *Proverbs and Sayings*⁸, выпущенном в 2015 и обновленном в 2023, и в ряде других ресурсов). Такого рода инновации являются частью волонтерской лексикографии, которая сегодня активно развивается и определяет состояние лексикографии в целом и англоязычной электронной паремиографии в частности. Этот подход, кроме ряда достоинств (оперативное внесение в словарь новой лексики, быстрый учет изменяющихся пользовательских запросов, популяризация в обществе словарного дела), имеет и важный недостаток, катализируя распространение непрофессионально сделанных и ненадежных справочников словарного типа.

Расширение спектра словарных ресурсов в электронном пространстве и их яркое, привлекательное оформление затмевают в глазах потребителя необходимость учитывать при выборе словаря такие параметры, как надежность издательства и квалификация авторов. Если удастся отыскать информацию о создателях электронного ресурса, они обычно оказываются любителями, совершенно не подготовленными к лексикографической работе, а сайт, где ресурс размещен, — принадлежащим какому-нибудь ООО из числа тех, что начали в последнее время активно издавать электронные словари и в России, и за рубежом⁹. Составители часто сами указывают на развлекательную цель своего словаря и все больше опираются на требования и запросы пользователей, регулярно проводя их анкетирование. Впрочем, вклад пользователей в создание словарей уже не ограничивается участием в опросах: из пассивного потребителя тщательно отредактированного контента пользователь переходит в разряд активного просьюмера — человека, участвующего в развитии веб-сайта или электронного словаря.

Еще одной яркой особенностью современной англоязычной лексикографии является ее неразрывная связь с лингводидактикой, что объясняется острой необходимостью изучения английского языка, превратившегося в основное средство международного общения практически во всех сферах жизни. Сегодня лексикография стимулируется внедрением в педагогическую практику ИКТ, что с 1980-х годов обозначается в англоязычной научной литературе термином CALL (Computer-Assisted Language Learning). CALL-методы про-

⁸ URL: <https://appagg.com/developer/bouwman/?hl=ru&ysclid=lx7naoyfk589690969>.

⁹ См., например: *Григорович Л.А.* ООО «Словари.ру» (URL: <https://slovari.ru/>), Sigma Sky, LLC, США, штат Техас (URL: <https://www.sigmaskyllc.com>).

ли путь развития от традиционных тренировочных текстовых упражнений (drill-and-practice) до коммуникативных методов обучения в обучающих средах и на мобильных устройствах — Mobile-Assisted Language Learning (MALL). Наиболее быстро растущим сегментом CALL-ресурсов являются игры с возможностью отслеживания достижений студентов при их использовании, специальные учебные программы для расширения словарного запаса, программы обучения на основе аудирования, включающие аудио- и видеоматериалы и набор аудитивных упражнений для прослушивания на мобильных устройствах, грамматические упражнения, загружающиеся с веб-сайтов издательств [Розина, 2017: 356]. Все эти методы наложили отпечаток и на подходы к составлению новых сборников паремий для мобильных устройств.

Учебная цель паремиологических словарей традиционно состояла в том, чтобы расширять кругозор читателей, знакомя их с пословичным фондом языка и воплощенной в нем народной мудростью, с богатым культурным наследием народа. В электронно-цифровую эпоху собрания пословиц и поговорок все чаще начинают мыслиться их создателями как инструмент повышения уровня владения английским языком через систему специально разрабатываемых заданий на подстановку, множественный выбор, ассоциативный ряд, паремиологическую догадку, проверяющих освоение как языковой формы, так и прямого и переносного значений паремиологического материала.

Так, разработчик *Smart learning solutions* в 2023 обновил выпущенное четырьмя годами ранее приложение «Английские идиомы и сленг»¹⁰, направленное на «увеличение словарного запаса по эффективной методике» и предназначенное для тех, «кто хочет найти хорошую работу или получить высшее образование в США, Великобритании, Австралии и подготовиться к успешной сдаче экзаменов по TOEFL, IELTS и других тестов». Приложение разбивает паремии по уровням сложности (Basic, Intermediate, Advanced) и сначала знакомит с каждой (значением, переводом, произношением), а потом предлагает упражнения и тесты для усвоения этой информации, закрепления и проверки. Сходным функционалом обладают и ряд других приложений¹¹, многие из которых явно ориентированы на новое направление lexicography for fun, сочетающее учебные и раз-

¹⁰ URL: <https://www.gameloop.com/ru/game/education/english-idioms-&-slang-phrases-on-pc>.

¹¹ См., например: URL: <https://apkpure.com/ru/english-idioms-and-phrases/com.sevenlynx.idioms?ysclid=lqx7du7zav591402810>; URL: <https://apkfab.com/all-english-idioms-phrases/com.app.englishidioms>; URL: <https://appagg.com/ios/reference/proverbs-21068083.html?hl=ru&ysclid=lqx79xl7af915956838#gallery-2>; URL: <https://apkpure.com/ru/proverb-master-word-puzzle/proverb.word.games.offline/download?ysclid=lqx7bdii2184283281>; URL: <https://appagg.com/ios/education/preposition-builder-master-pro>

влекательные цели в духе популярного подхода эдьютейнмент (edutainment), что проявляется в заданиях типа собрать паремию из отдельных слов, а слова в ней — из букв, подобрать к паремии подходящее изображение, выбрать шрифт и пр.

Создатели электронных паремиологических ресурсов нередко ограничивают себя тематически. Так, например, разработанное японской компанией *Neutre* приложение *World Wise Words for Women*¹² содержит лишь четыре тематические категории японских пословиц с переводом на английский язык (*Courage, Worry, Life* и *Happiness*), подбор которых был обусловлен желанием ободрить население после сильнейшего за всю историю страны землетрясения, унесшего в 2011 жизни 20 тыс. человек. Стремление уберечь от криминала детей, чьи родители оказались в тюрьме, определило выбор пословиц для сборника *Proverbs 22:6*¹³, выпущенного в 2020 в Великобритании. Разработчик Phuc Ngo¹⁴ собирает идиомы семантических полей *Love, Food, Clothing, Sports, Health*, тогда как Кевин Фам¹⁵ создал и в 2023 обновил приложение *Body & Medical Idioms*.

Появляются паремиологические ресурсы, дополненные аудиосопровождением лингводидактической направленности (в редких случаях в заданиях используются также и видеоматериалы, как, например, в обновленном в 2023 справочнике *ProverbIdioms*¹⁶), что особенно полезно носителям языка, так как помогает скорректировать произношение. Типичными примерами могут служить приложение *Idioms, Phrases and Expressions*¹⁷ или справочник *Proverbs and Phrases Collection*¹⁸, где к тому же интерфейс дополнен режимом слайд-шоу и имеется рубрика *Daily Saying*, приобретающая большую популярность в электронных паремиологических словарях. Интересным ресурсом такого рода является *The Book of Proverbs — Audio*¹⁹, основанный на аудиокниге, текст которой воспроизводит 31 главу изданной в XVI в. книги мудрости «Притчи Соломона» (*Proverbs of Solomon*). Функционал этого справочника, допускающего загрузку на смартфон, включает также возможность аноним-

28897546.html?hl=ru&ysclid=lqx6sqnpt9956711586; URL: <https://apps.apple.com/ua/app/игра-пословиц/id1500185269?l=ru> и др.

¹² URL: <https://apps.apple.com/hk/app/world-wise-words-for-women/id488717894>.

¹³ URL: <https://apps.apple.com/ru/app/proverbs226/id1528402986>.

¹⁴ URL: <https://appagg.com/developer/phuc-ngo/?hl=ru&ysclid=lqx7md8uze472038819>.

¹⁵ URL: <https://apps.apple.com/ru/app/body-medical-idioms/id1173297752>.

¹⁶ URL: <https://apps.apple.com/us/app/proverbidioms/id6466177859>.

¹⁷ URL: <https://apkfn.com/english.idioms.english.phrases>.

¹⁸ URL: <https://apkpure.com/ru/proverbs-phrases-collection/com.permadi.proverbs.collection.dictionary.reference?ysclid=lqx7oumbxs479050014>.

¹⁹ URL: <https://www.dfast.ru/the-book-of-proverbs-audio/com.johntibell.proverbs/>.

ного публичного комментирования памятных речений в специальном поле после каждой главы, что стимулирует коммуникацию.

Представляется, что именно обеспечение коммуникативных потребностей потенциальных пользователей электронных паремиологических ресурсов нередко выходит у лексикографов-любителей на первый план, побуждая к привлечению в том числе и невербальных семиотических систем. Так, сборник из 50 пословиц под названием *Proverb Pumpkin*²⁰, составленный в 2023 компанией *Sigma Sky, LLC* из США, можно считать скорее мессенджером: приложение предоставляет пользователям чат для обмена информацией, помеченный стикером в виде тыквы (*pumpkin*), который вместе с одной из паремий прикрепляется и к каждому сообщению. Подобный же мини-ресурс *Proverbs — Words of Wisdom*²¹ был создан ООО *Aekkarin Rojvongpaisal*, информация о котором вообще отсутствует в Интернете. Сборник включает всего 24 паремии, зато каждая проиллюстрирована забавной цветной картинкой, прикрепляемой к сообщению в виде стикера. Для мини-ресурсов такого рода материал обычно подбирается совершенно бессистемно, и каждая следующая поговорка является для пользователя сюрпризом.

На фоне многочисленных, но по большей части довольно беспомощных попыток электронного лексикографирования паремиологического фонда английского языка, предпринимаемых лексикографами-любителями, выделяются отдельные высоко профессиональные ресурсы, создаваемые известными специалистами словарного дела. Наиболее значительный вклад в развитие электронной англоязычной паремиографии внесло авторитетное издательство Йельского университета, создавшее в 2012 словарь паремий для мобильных устройств, объединив такие известные словари, как *The Yale Book of Quotations* и *The Dictionary of Modern Proverbs*. Он по праву считается лучшим из существующих на сегодняшний день, что подтверждается участием в его разработке одного из ведущих мировых специалистов в области паремиологии В. Мидера. В словаре собрано 13 тыс. американских цитат и пословиц из разных областей жизни, предоставляются информация об источнике паремии, удобный поиск по фамилии автора или ключевому слову, система гиперссылок, возможность поделиться понравившейся поговоркой или цитатой по электронной почте и в социальных сетях, организовать расположение материала в удобном для себя виде, а также использовать словарь в формате офлайн с неограниченным по времени доступом к собранным в нем материалам.

²⁰ URL: <https://apps.apple.com/ru/app/proverb-pumpkin/id1535268020>.

²¹ URL: <https://apps.apple.com/ru/app/proverbs-words-of-wisdom/id1459916620>.

Проведенный анализ представленных в Интернете форм англоязычных паремиологических справочников позволил выявить ряд новых тенденций и научных проблем, требующих серьезного осмысления.

Прежде всего обращает на себя внимание крепнущая связь англоязычной электронной паремиографии с лингводидактикой, проявляющаяся в использовании словаря не просто для расширения кругозора пользователей благодаря знакомству с воплощенной в паремиологическом фонде языка мудростью, а в качестве инструмента для повышения уровня владения английским языком через систему специально разрабатываемых упражнений. При этом задания на освоение материала обычно носят хаотичный характер и, как правило, вводятся в словники бессистемно, что обусловлено нарастающим непрофессионализмом их составителей и быстрым распространением волонтерской лексикографии, приводящими к ненадежности многих электронных паремиологических справочников.

Некоторые из реализованных лексикографами-любителями идей, однако, заслуживают внимания. Это относится, в частности, к широкому использованию невербальных средств электронной лексикографии, которые, кроме выполнения очевидной функции привлечения внимания пользователей, способны успешно решить и некоторые научные задачи, непосильные для традиционных бумажных словарей (например, способствовать правильному употреблению паремий в речи, обеспечив словарную фиксацию триединого структурно-содержательно-функционального топологического инварианта часто воспроизводимых памятных речений). Лексикографам-профессионалам необходимо учитывать реалии и возможности современной электронно-цифровой эпохи и учиться их использовать, соединяя на профессиональном, а не любительском уровне необходимые лингвистические, цифровые и дизайнерские компетенции.

На качество англоязычных электронных паремиологических ресурсов влияет и тот факт, что они в подавляющем большинстве создаются отнюдь не в англоязычных странах внутреннего круга (в известной терминологии трех концентрических кругов Б. Качру) и не естественными носителями английского языка, а в странах внешнего и даже расширяющегося кругов (Италии, Японии, Вьетнаме, Франции, Арабских Эмиратах, России, Швеции, Китае и др.), причем создаются людьми, для которых английский явно не является родным языком. Это приводит, с одной стороны, к многочисленным отступлениям в текстах словарей от норм английского языка стран внутреннего круга (проще выражаясь, к языковым ошибкам) и даже к неверному пониманию и толкованию паремий,

зато с другой — побуждает авторов такого рода ресурсов истолковывать англоязычные поговорки через подбор эквивалентных им речений в родном языке, что, несомненно, способствует взаимопониманию и взаимообогащению культур.

Отметим также тенденцию к унификации форм электронных паремиологических справочников. Если в течение долгого времени в англоязычной лексикографии наблюдалась все большая дифференциация форм словарей (прежде всего на лингвистические и энциклопедические), то сегодня при составлении электронных англоязычных сборников поговорок прослеживается прямо противоположная ориентация на сочетание лингвистической и энциклопедической информации в стремлении к просвещению общества как в языковом, так и в культурном плане.

На конец 2023 насчитывалось около 300 англоязычных электронных справочников поговорок, цитат и идиом, доступных на системах Android и iOS. Однако надо учитывать, что эта отрасль лексикографии развивается очень быстро, поэтому не исключено, что в самое ближайшее время их число заметно увеличится.

Как отмечают многие работающие в этой сфере ученые, в настоящее время происходит настолько бурное развитие лингвистической паремиологии [Мокиенко, 2015: 18], что его уже называют паремиологическим бумом, превзошедшим все ожидания фразеологов [Меньшакова, 2020: 28]. Формирование электронной англоязычной паремиологии предоставляет пользователю новые справочные ресурсы, простые в использовании, с удобной навигацией, дружественным интерфейсом и быстрым — безотносительно ко времени и пространству — доступом к языковому материалу, тем самым отвечая потребностям человека XXI в. Ясно, что компьютерная лексикография — это не простое продолжение лексикографии печатной, а новая ветвь в развитии словарной науки и практики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бредис М.А., Димогло М.С., Ломакина О.В.* Поговорки в современной лингвистике: подходы к изучению, текстообразующий и лингвокультурологический потенциал // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. № 2. С. 265–284.
2. *Бредис М.А., Ломакина О.В., Мокиенко В.М.* Поговорка в современной лингвистике: определение, статус, функционирование // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 3. С. 34–43.
3. *Меньшакова Н.Н.* Проблемы таксономии в паремиологии // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2020. Т. 6. № 2. С. 26–37.
4. *Мокиенко В.М.* Аспекты исследования славянской паремиологии // Паремиология в дискурсе. Общие и прикладные вопросы паремиологии. Поговорка в дискурсе и в тексте. Поговорка и языковая картина мира / Под ред. О.В. Ломакиной. М., 2015. С. 4–25.

5. *Пермяков Г.Л.* Основы структурной паремиологии. М., 1988.
6. *Полубиченко Л.В.* К вопросу о сфере фиксации цитат // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 1. С. 42–52.
7. *Полубиченко Л.В.* Топология цитатной речи: от сферы функционирования к сфере фиксации // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 4. С. 37–47.
8. *Полубиченко Л.В.* Филологическая топология: теория и практика: Монография. М., 2017.
9. *Розина И.Н.* Эволюция CALL-методов обучения английскому языку // Образовательные технологии и общество. Т. 20. 2017. № 3. С. 353–363.
10. *Dziemiątko A.* Electronic dictionaries // *The Routledge Handbook of Lexicography*. London, 2018. P. 663–683.
11. *Grant L.E.* Frequency of ‘core idioms’ in the British National Corpus (BNC) // *International Journal of Corpus Linguistics*, 2005. Vol. 10. Issue 4. P. 429–451.
12. *Khakimzyanova D., Shamsutdinova E.* Corpus Linguistics in Proverbs and Sayings Study: Evidence from Different Languages // *Social Sciences*. 2016. Vol. 11. № 16. P. 3770–3773. URL: <https://dspace.kpfu.ru/xmlui/handle/net/144373?show=full> (accessed: 02.01.2024).
13. *Özbal, Gözde et al.* PROMETHEUS: A Corpus of Proverbs Annotated with Metaphors // *International Conference on Language Resources and Evaluation*, 2016. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/PROMETHEUS%3A-A-Corpus-of-Proverbs-Annotated-with-%C3%96zbal-Strapparava/55cc17d32cc001a2c36b3156bfa0748daf5d0fb4> (accessed: 02.03.2024).
14. *The Routledge Handbook of Lexicography* / Ed. By Pedro A. Fuertes-Olivera. L.; N.Y., 2017.

Lydia V. Polubichenko, Zalina R. Alkhasova

**ENGLISH-LANGUAGE PAREMIOLOGICAL DICTIONARIES
IN THE ELECTRONIC AND DIGITAL AGE:
PROBLEMS AND PROSPECTS**

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; lpolubichenko@mail.ru; behoizalina@mail.ru

Abstract: Using paremiological dictionaries as an example, the article considers new approaches and trends emerging in modern English lexicography in connection with its digitalisation. From the initial scanned versions of authoritative paper dictionaries, e-lexicography is increasingly moving towards the development of products specifically designed for use on computers and mobile devices, a frequent first step in this process being the use of the resources of national linguistic corpora, followed by the creation of independent paremiological corpora. The creation of e-dictionaries is gradually becoming a separate lexicographic trend with its own subject and object of research. The present study has revealed a number of characteristics of English-language electronic paremiological dictionaries, such as: growing connection with language teaching; increasing unprofessionalism of compilers of Internet reference resources, leading to their unreliability; extending influence of the so-called “non-native speakers” of English; expanding range of non-verbal resources of e-lexicography, which are capable of performing some scientific tasks that are beyond

the reach of traditional paper dictionaries (for example, dictionary fixation of the threefold structural-content-functional topological invariant of frequently reproduced memorable phrases). Professional lexicographers need to learn how to use the new possibilities of the modern electronic and digital era to the best advantage, combining the necessary linguistic, digital and design competences at a professional rather than amateur level.

Keywords: electronic lexicography; computer lexicography; electronic dictionary; paremiography; paremiological dictionary; paremia; proverb; saying; winged words; philological topology; topological invariant

For citation: Polubichenko L.V., Alkhastova Z.R. (2024). English-language paremiological dictionaries in the electronic and digital age: problems and prospects. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, no 3(27), pp. 97–112. (In Russ.)

About the authors: Lydia V. Polubichenko — Dr. Habil in Philology, Professor, Head of English Department for Science Students, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; lpolubichenko@mail.ru; Zalina R. Alkhastova — PhD in Philology, Lecturer, English Department for Science Students, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; behoizalina@mail.ru.

REFERENCES

1. Bredis M.A., Dimoglo M.S., Lomakina O.V. 2020. Paremii v sovremennoi lingvistike: podkhody k izucheniyu, tekstoobrazuyushchii i lingvokul'turologicheskii potentsial [Paremiology in Modern Linguistics: Approaches to Study, Text-Forming and Linguocultural Potential]. *RUDN Journal of Language Studies Semiotics and Semantics*, vol. 11, no 2, pp. 265–284. (In Russ.)
2. Bredis M.A., Lomakina O.V., Mokienko V.M. 2019. Poslovitsa v sovremennoi lingvistike: opredelenie, status, funktsionirovanie [Proverb in Modern Linguistics; definition, status, functioning]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 34–43. (In Russ.)
3. Men'shakova N.N. 2020. Problemy taksonomii v paremiologii [Problems of taxonomy in paremiology]. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, no. 2, pp. 26–37. (In Russ.)
4. Mokienko V.M. 2015. *Aspekty issledovaniya slavyanskoi paremiologii* [Aspects of the study of Slavic paremiology]. In Lomakina O.V. (ed.) *Paremiologiya v diskurse. Obshchie i prikladnye voprosy paremiologii. Poslovitsa v diskurse i v tekste. Poslovitsa i yazykovaya kartina mira* [Paremiology in discourse: Common and application matters of paremiology. Proverb in discourse and text. Proverb and linguistic view of the world]. Moscow, pp. 4–24.
5. Permyakov G.L. 1988. *Osnovy strukturnoi paremiologii* [Basics of structural paremiology]. M.
6. Polubichenko L.V. 2016. K voprosu o sfere fiksatsii tsitat [Concerning quotations and their fixation sphere]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 42–52.
7. Polubichenko L.V. 2018. Topologiya tsitatnoi rechi: ot sfery funktsionirovaniya k sfere fiksatsii [The Topology of Quotation: from the Sphere of Functioning to the Sphere of Fixation]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 37–47. (In Russ.)

8. Polubichenko L.V. 2017. *Filologicheskaya topologiya: teoriya i praktika* [Philological Topology: theory and practice]. Moscow, FLINTA, Nauka. (In Russ.)
9. Rozina I.N. 2017. Evolyutsiya CALL-metodov obucheniya angliiskomu yazyku [Evolution of Call-methods of teaching English]. *Educational Technology & Society*, vol. 20, no. 3, pp. 353–363. (In Russ.)
10. Dziemianko A. 2018. Electronic dictionaries. *The Routledge Handbook of Lexicography*. London, pp. 663–683.
11. Grant L.E. 2005. Frequency of ‘core idioms’ in the British National Corpus (BNC). *International Journal of Corpus Linguistics*, vol. 10, issue 4, pp. 429–451.
12. Khakimzyanova D., Shamsutdinova E. 2016. Corpus Linguistics in Proverbs and Sayings Study: Evidence from Different Languages. *Social Sciences*, vol. 11, no. 16, pp. 3770–3773. URL: <https://dspace.kpfu.ru/xmlui/handle/net/144373?show=full> (accessed: 02.01.2024)
13. Özbal, Gözde et al. PROMETHEUS: 2016. A Corpus of Proverbs Annotated with Metaphors. *International Conference on Language Resources and Evaluation* URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/PROMETHEUS%3A-A-Corpus-of-Proverbs-Annotated-with-%C3%96zbal-Strapparava/55cc17d32cc001a2c36b3156bfa0748daf5d0fb4> (accessed: 02.03.2024)
14. *The Routledge Handbook of Lexicography* / Ed. by Pedro A. Fuertes-Olivera. London, New York: Routledge, 2017.

Статья поступила в редакцию 13.02.2024;
одобрена после рецензирования 13.03.2024;
принята к публикации 08.04.2024;

The article was submitted 13.02.2024;
approved after reviewing 13.03.2024;
accepted for publication 08.04.2024

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ И РКИ

А.И. Едличко, А.В. Мишнова

УЧЕБНИК И.А. ГЕЙМА ПО РУССКОЙ ГРАММАТИКЕ «RUSSISCHE SPRACHLEHRE FÜR DEUTSCHE»: МЕТАТЕКСТОВЫЕ ПРИНЦИПЫ ОПИСАНИЯ

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия; ang299@yandex.ru; mishnovaa@mail.ru*

Аннотация: Статья посвящена периоду зарождения отечественного учебниковедения по иностранным языкам, весомый вклад в формирование которого внес профессор Московского Императорского университета Иван Андреевич Гейм (1759–1821) — ученый-энциклопедист, педагог, общественный деятель. В статье дается краткое описание профессиональной научно-педагогической биографии И.А. Гейма, который являлся в разные периоды своей академической деятельности профессором, первым деканом словесного факультета и ректором университета. Особое внимание уделяется анализу структурно-содержательных характеристик первого издания учебника И.А. Гейма «Русская грамматика для немцев» 1789 г. (нем. «Russische Sprachlehre für Deutsche»). Выявляются варианты особенности метаязыка книги в области перевода терминов, а также единиц на графическом, орфографическом, морфологическом и лексическом уровнях. Содержание книги, с одной стороны, включает теоретическое описание структуры русского языка (на немецком языке), с другой стороны, носит практический характер, что проявляется в отсутствии большого количества дефиниций, наличии разделов по обучению фонетике, мини-словаря и двуязычных диалогов на бытовые темы. Анализ учебника позволяет получить некоторые представления о формировании учебниковедения конца XVIII в. и дает возможность говорить о становлении прототипов современного самоучителя и разговорника иностранных языков.

Ключевые слова: И.А. Гейм; Московский Императорский университет; XVIII в.; немецкий язык; русский язык как иностранный; учебниковедение; учебник грамматики

Едличко Анжела Игоревна — кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка и культуры факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; ang299@yandex.ru.

Мишнова Анна Викторовна — преподаватель кафедры немецкого языка и культуры факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; mishnovaa@mail.ru.

Для цитирования: Едличко А.И., Мишинова А.В. Учебник И.А. Гейма по русской грамматике “Russische Sprachlehre für Deutsche”: метатекстовые принципы описания // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 27. № 3. С. 113–124.

Партнерство России и Германии в образовательной и научной областях насчитывает длительную историю, в которой XVIII в. имеет особое значение. Именно в это время, в 1755 г., состоялась инаугурация Императорского Московского Университета (ИМУ) — первого самостоятельного академического высшего учебного заведения в России, «построенного по немецкому образцу» [Павловская, 2022: 32]. В связи с нехваткой отечественных преподавателей во второй половине XVIII — первой трети XIX в. приблизительно 40% всех профессоров в России составляли иностранцы [Иностранные профессора, 2011: 12]. При этом в Московский университет приглашались прежде всего ученые из Германии [Петров, 2002: 243; Edlichko, Mishnova, 2019], многие из которых начали работать в учебном заведении в первые десятилетия после его основания.

Немецкие педагоги играли важную роль в жизни Московского университета: они были не только преподавателями, исследователями и общественными деятелями, но и создателями учебных материалов для студентов и гимназистов. Одним из выдающихся просветителей, который внес значительный вклад в развитие языкового образования как в университете, так и в России в целом, был профессор немецкого происхождения Иван Андреевич Гейм (нем. Johann / Bernhard Andreas von Heim, тж. Neum; 1759 г., Брауншвейг — 1821 г., Москва). И.А. Гейм, хорошо владевший разными языками, в том числе и русским, создал ряд учебников по грамматике русского языка, таким образом формируя лингводидактическую традицию конца XVIII — начала XIX в.

Начав свой путь в ИМУ как лектор немецкого языка, И.А. Гейм стал первым деканом словесного факультета (1805), четырежды избирался ректором университета (1808–1819), был надворным советником, после 1781 г. — коллежским асессором и действительным статским советником [Русский биографический словарь, 1914: 350]. Научная деятельность ученого была разноплановой: из-под его пера вышло большое количество не только методических трудов по немецкому и русскому языкам (азбук, учебников, книг для чтения), двуязычных и многоязычных словарей на материале немецкого, русского, французского языков, но и научных произведений по географии, коммерческой науке, статистике, он выступал с речами,

а также был переводчиком с французского языка и цензором¹. Список научных работ (учебников, словарей и т.д.) Гейма насчитывает несколько десятков. Профессор относился к «элите московских учителей немецкого языка» [Koch, 2002: 199], положительно выделялся на фоне других преподавателей-иностранцев, которые зачастую не обладали необходимой профессиональной квалификацией и достаточными знаниями в области педагогики, языкознания, русского языка и служили в Московском университете в связи с отсутствием более подходящих кандидатов [Ibid.: 201].

И.А. Гейм обращал внимание на незнание многими преподавателями-иностранцами русского языка и призывал к решению данной проблемы: «сколь великабъ была польза для наукъ, когда бы наше Дворянство (...) старалося болѣе о томъ, чтобъ учитель изъяснялъ дѣтямъ главнѣйшія вещи на Россійскомъ языкѣ!» [Heym, 1784: XIII]. Эта причина стала толчком для создания И.А. Геймом учебника русской грамматики для немцев “*Rußische Sprachlehre für Deutsche*”², впервые выпущенного в 1789 г. в Москве. Работа несколько раз переиздавалась как в Москве (1798), так и в Риге (1794, 1804) и была переведена на другие языки (в 1931 г. — на финский, а в 1819 г. — на польский) [Гейм: URL; Русский биографический словарь, 1914: 351], что свидетельствует о популярности и востребованности книги.

В предисловии к учебнику И.А. Гейм приводит причины, побудившие его создать подобный труд: «Я бы никогда не осмелился предпринять работу, сравнимую с созданием учения русскому языку, если бы не просьба некоторых русских и немецких друзей, и тем более многие ошибки и слишком большое количество недочетов изданной в Риге русской грамматики, которые побудили меня не бояться сложностей, связанных с такой работой, чтобы тем самым удовлетворить потребности моих друзей, и всем любителям русского языка дать более правильное представление об оном»³ (перевод наш. — *А.Е., А.М.*). Под выпущенной в Риге книгой имеется в виду

¹ Цензор в современном понимании — это рецензент научных и учебно-методических работ.

² *Heym J. Rußische Sprachlehre für Deutsche. Von Johann Heym, Rußisch-Kayserlichem Collegien-Aßeßor und Profeßor bey der Moskowischen Universität. Moskwa: in der Universitäts Buchdruckerey. bey N. v. Nowikow. 1789. XII, 248.*

³ “Ich würde es nie gewagt haben, eine Arbeit, vergleichen wie Verfertigung einer Rußischen Sprachlehre ist, zu unternehmen, wenn mich nicht die Aufforderung einiger Rußischen sowohl, als Deutschen Freunde, und noch mehr die vielen Fehler und gar zu große Unvollständigkeit der in Riga herausgekommenen Rußischen Grammatik bewegen hätten, die mit einer solchen Arbeit verknüpften Schwierigkeiten nicht zu scheuen, um dadurch das Verlangen meiner Freunde zu befriedigen, und den Liebhabern der Rußischen Sprache, einige richtigere Begriffe von derselben zu geben” [*Heym J. Rußische ... Op cit. S. V.*].

учебник русской грамматики Якова Матвеевича Родде (нем. Jakob Rodde)⁴. Гейм подвергал критике как саму грамматику Родде, так и его сборник «Домашних разговоров», состоявший из двуязычных диалогов⁵. Тем не менее, как отмечают С.В. Власов и Л.В. Московкин, «при написании первого варианта учебника (1789) И.А. Гейм опирался на грамматику М.В. Ломоносова, хотя в некоторых случаях и на грамматику Я. Родде» [Власов, Московкин, 2022: 71].

В данной статье мы рассмотрим некоторые метатекстовые особенности, характеризующие структуру и содержание первого издания грамматики Гейма. В примерах сохранена орфография и графика, используемая в анализируемом учебнике.

Учебник Гейма содержит несколько разделов: собственно грамматическую часть; титулы чиновников (*Von den Titulaturen*); слова посвящения Фридриху фон Ангальту⁶ (*Gr. Erlaucht dem hochgebohrnen Grafen und Herrn Friedrich von Anhalt*); введение (*Vorrede*); содержание (*Inhalt*); тематический словарь (*Wörter*); разговоры (*Gespräche*); опечатки (*Druckfehler*). Книга написана на немецком языке, однако снабжена многочисленными примерами из русского языка.

Грамматическая часть состоит из трех крупных разделов, включающих информацию об алфавите, графике, орфографии, морфологии и синтаксисе русского языка: 1) *Von den Buchstaben*; 2) *Von den Redetheilen*; 3) *Von dem Syntaxi oder der Wortfügung*.

Грамматический материал систематизирован, информация предлагается от общих явлений к более частным, в большинстве случаев к примерам на русском языке приводится перевод на немецкий. Внимание И.А. Гейма к переводу терминов можно объяснить его особым отношением к языку преподавания. Педагог подчеркивал важность использования родного языка обучающихся, как это было распространено у него на родине: «Франція и Германія требуютъ отъ учителей обучающихъ иностраннымъ языкамъ, чтобъ они могли изъясняться на языкѣ той земли, въ которой они обучаютъ» [Неум, 1784: XI].

Язык написания грамматики (немецкий) обнаруживает различные виды вариативности. Так, орфографическая вариативность проявляется в передаче одних и тех же лингвистических терминов

⁴ Rodde J. Russische Sprachlehre, zum Besten der deutschen Jugend eingerichtet von Jacob Rodde, Secretair und Translateur des Magistrats in Riga. Riga: Bey Johann Friedrich Hartknoch, 1773.

⁵ Heym J. Op. cit. S. VII–VIII.

⁶ Федор Евстафьевич Ангальт (Фридрих фон Ангальт, нем. Friedrich von Anhalt; 1732–1794) — граф, генерал-лейтенант, генерал-адъютант Екатерины II, российский военный педагог.

с прописной и строчной букв, например: «*Generis⁷ Communis sind...*» и «*Einige Benennungen von Thieren sind generis communis*»⁸. Вариативность в наличии артикля перед существительным в немецком языке — использование определенного, неопределенного, нулевого артиклей — имеет место как в грамматической части (*erste Declination*, однако *die zweyte Declination*), так и в словаре (*Gesundbrunnen, цѣлительныя воды; ein Edelstein, драгоценный камень; ein Diamant, алмазь; das Blech, жесть; der Draht, проволока; Spangrün, венецѣйская ярь*).

При объяснении теоретического материала дается перевод большинства лингвистических терминов с немецкого на русский, что, безусловно, является большим преимуществом учебника: *Die Zahlwörter* (имена числительныя), *Numeros Cardinales* (основательныя), *Numeros Ordinales* (порядочныя).

Поскольку в немецкой лингвистической терминологии активно использовались латинские термины, в то время как немецкие аналоги находились на этапе формирования, достаточно частотным явлением было терминологическое варьирование. Например, в одной и той же грамматической позиции лексема *Substantivum* употребляется как с флексией *-is* (*die von solchen Substantivis*) по правилам образования мн.ч. д.п. латинских существительных II склонения, так и с флексией *-en* (*die von solchen Substantiven*), типичной для немецкого языка. Такая тенденция проявляется и при использовании других терминов из латинского языка, ср.: *von den Gerundiis* (окончание, свойственное латыни)⁹ и *von den Participien* (окончание, свойственное немецкому языку)¹⁰. Прослеживается варьирование терминов в одинаковой позиции, например *Singularis*¹¹ и *Singular*¹², а также синонимичное использование латинских и немецких терминов, например, на одной странице в рамках двух параграфов: “*Die Verkleinerungswörter endigen sich auf *vamъ* oder *некъ*” и “*Einige **Deminitiva** werden als **Adjectiva** gebraucht*”¹³. Варьирование проявляется и в переводах, среди которых можно выделить три группы: 1) латинский — русский: *concreta существенныя и abstracta отвлеченныя*; 2) немецкий — русский: *Vergrößerungsnahmen* (увеличительныя); 3) латинский — русский — немецкий: *Appelativa* (нарицатель-*

⁷ Здесь и далее выделено нами. — А.Е., А.М.

⁸ *Heut J.* Op. cit. S. 27, 29.

⁹ *Ibid.* S. 105.

¹⁰ *Ibid.* S. 103.

¹¹ *Ibid.* S. 74.

¹² *Ibid.* S. 73.

¹³ *Ibid.* S. 22.

ных *Gattungsnamen*)¹⁴. В связи с этим нельзя не согласиться с К.А. Филипповым, который отмечает, что «научный стиль грамматических описаний в Германии и России XVIII в. дает наглядную картину терминологических разночтений» [Филиппов, 2019: 340].

При объяснении грамматического материала в некоторых случаях обнаруживается отсутствие унификации, что можно проследить в следующем контексте: *Doch machen folgende Wörter eine Ausnahme: nebo der Himmel, das im Nom. небеса, und чудо, das чудеса und im Gen. чудесь, око das Auge, welches очи und im Gen. очей, ухо das Ohr, welches уши, und im Genitiv ушей*¹⁵. Как показывает пример, в рамках одного объяснения используются полная и сокращенная формы лингвистического термина (*im Gen. — im Genitiv*); перевод на немецкий язык приводится для слов *небо, око, ухо*, но отсутствует для слова *чудо*.

И.А. Гейм пытается раскрыть особенности русской грамматики через сопоставление с немецкой языковой системой, ср. описание произносительной специфики русского звука [л]: *Л wenn es vom Anfange stehet oder ein ь hinter sich hat, wird wie das einfache l der Deutschen ausgesprochen*¹⁶. Предполагается, что изучение грамматики русского языка не сводится к механическому заучиванию слов и их переводов, автор учебника делает попытку систематизировать значения приставок русских глаголов, чтобы представить грамматику более логично, например: *Do bedeuten den schlechten Ausgang einer Sache, доплатить до послѣдней копѣйки ich habe bis zum letzten Kopeken bezahlet*¹⁷.

Как уже отмечалось, в книге содержится небольшой раздел, который включает перечисление титулов чиновников¹⁸, отражающих социальную иерархию в Российской империи конца XVIII в., ср.: *ваше величество, ваша свѣтлость, ваше графское сіятельство, ваше преподобіе, ваше здоровье, милостивѣишій Государь* и др. В книге также представлена информация о диалектах русского языка (*Von den Dialekten oder Mundarten der Russischen Sprache*), их произносительных особенностях (например, аканье и оканье в московском и северном диалектах) и лексической специфике (например, использовании разных вариантов значений для слова *Schnupftuch*: в мо-

¹⁴ Heym J. Op cit. S. 16–17.

¹⁵ Ibid. S. 48.

¹⁶ Ibid. S. 8.

¹⁷ Ibid. S. 143.

¹⁸ Ibid. S. 246–248.

сковском диалекте — ‘носовой платокъ’, в северном диалекте — ‘рушникъ’) ¹⁹.

Помимо названного, учебник снабжен небольшим двуязычным словарем идеографического типа ²⁰, который включает более 30 тематических блоков: религия; времена года; праздники; флора и фауна; гастрономия; обустройство дома; одежда; строение человека; профессии; национальности; болезни; город и сельская местность; верховая езда; военные выражения; музыка; преступления и наказания и др. Данный раздел также содержит «некоторые нужные глаголы» (например, *abgeben* — *отдать*, *abbauen* — *отрубить*, *abmahlen* — *спускать*, *antworten* — *отвечать* и т.д.) и «некоторые собственные имена» (*Ambrosius* — *Амвросій*, *Andreas* — *Андрей*, *Barbe, Barbara* — *Барвара*, *Basilius* — *Василей* и др.).

Слова, словосочетания и их переводы расположены в каждом тематическом подразделе не в алфавитном порядке, а в иерархической последовательности. Например, в разделе «*O Богъ и о вещахъ касающихся до закона*» в качестве первого предлагается слово *Gott* — *Богъ*, затем следуют *die heilige Dreieinigkeit* — *Святая Троица*, *der Heiland* — *Спаситель*; *die Schöpfung* — *созданіе, сотвореніе*; *die Engel* — *Ангели*, *Gen. овъ* и т.д.

Этот же принцип используется при репрезентации наименований продуктов питания — первые позиции занимают названия жизненно необходимых продуктов (злаков): *der Weizen* — *пшеница*, *der Gersten* — *ячень*, *der Roggen, das Korn* — *рожь*; в конце списка приведены названия грибов и овощей: *Pilze, Schwämme* — *грибы*, *Morcheln* — *сморчки*, *ein Kürbiß* — *тыква*. В данной части учебника читатель может найти разнообразную лексику, именующую хлеб и процесс его приготовления, что говорит о важности данного продукта в российском быту: *das Mehl* — *мука*, *der Teig* — *тесто*, *der Sauerteig* — *дрожжи*, *der Teig aufgehen lassen* — *тесто квасить*, *das Brodt* — *хлѣбъ*, *Weißbrodt* — *бѣлой хлѣбъ*, *Roggenbrodt* — *ржаный хлѣбъ*, *Frisches Brodt* — *мягкий хлѣбъ*, *Altes Brodt* — *черствый хлѣбъ*, *das Brodt ist abgebacken* — *хлѣбъ отмякъ*, *ein Brodt anschneiden* — *почать хлѣбъ* и т.д. Иерархичность также наблюдается в репрезентации этнонимов: *ein Ruße* — *Россіянинъ*, *ein Deutscher* — *Нѣмецъ*, *ein Engländer* — *Англичанинъ*, *ein Franzose* — *Французъ*, <...>, *ein Neger* — *Нигритянинъ*. Некоторые описания в разделе «*Vom Menschen*» (*О человекѣ*) сегодня можно было бы расценить как непо-

¹⁹ Ibid. S. 219–220.

²⁰ Ibid. S. 1–31.

литкорректные, например: *ein Schieläugiger* — *косо́й*, *ein Zwerg* — *карла* и др.

Обращает на себя внимание непоследовательность использования прописной и/или строчной букв названий некоторых слов на русском языке, например: *Weihnachten* — *рождество Христово*, *der Mai* — *май*, *der September* — *Сентябрь*.

Учебник содержит не только грамматику русского языка и тематический словарь, но и «Разговоры» — двуязычные диалоги, служившие наглядным примером употребления грамматических правил и лексики на текстовом уровне. Включение именно диалогов на бытовые темы можно объяснить основной целью И.А. Гейма — научить пользователя книги актуальному русскому языку для повседневного общения.

Участниками диалогов являются как представители благородного сословия, так и их слуги, гувернеры, извозчики и т.д. В зависимости от сословной принадлежности варьируется использование языковых структур, например, императива по отношению к слуге (1), извозчику (2) или представителю высшего класса (3):

(1) *Peter geh' er zum Schneider und sag' er ihm* <...>. — *Петръ, поди къ портному и скажи ему* <...>²¹.

(2) *Fuhrmann, fñhret mich nach der Pokrowka*. — *Извозчикъ, свези меня на Покровку*²².

(3) *Geben Sie mir doch einen Bogen Papier* <...>. — *Пожалуйте мнѣ листь бумаги* <...>²³.

Разговоры отражают такие бытовые темы, как торговля, гастрономия, одежда, учеба, почтовое дело, болезни и др. Характерной чертой их содержания является использование культурологического материала, типичного для России, в том числе в сопоставлении с немецкими реалиями:

(4) *Есть ли бы здѣсь плоды, которыхъ въ Германіи нѣтъ? Есть, на примѣръ: яблоки которыя называются наливными и почти прозрачны, морошка, клюква и костеника*²⁴.

В диалогах не раз подчеркиваются особенности сурового российского климата, а именно холод:

(5) *Wollen sie nicht mit in die Comoedie fahren? Nein, ich habe keine Lust, weil es zu kalt ist, und ich wollte ihnen auch rathen, lieber hier zu bleiben*. — *Не угодно ли вамъ ѣхать со мною въ театрѣ? Нѣтъ, мнѣ*

²¹ Гейм J. Op. cit. S. 36.

²² Ibid. S. 53.

²³ Ibid. S. 50.

²⁴ Ibid. S. 66.

не хочется, для того, что **очень холодно**, я бы советовал и вам лучше остаться здесь²⁵.

Внимание уделяется также иностранным реалиям в России, что было обусловлено экстралингвистической ситуацией и, прежде всего, галломанией:

(6) *Was für Waaren haben sie verschrieben? Meistens Französische Modewaaren und eingemachte Früchte, weil diese artikel am besten abgehen.* — *Какие выписали вы товары? По большей части французскія галантерейныя вещи, (конфекты) сушеные плоды, потому что такія вещи лучше всего съ рукъ сходятъ*²⁶.

Интегрирование не только языковой, но и нелингвистической — страноведческой — информации в содержание учебника относится, на наш взгляд, к его преимуществам. Учебник формирует образ страны изучаемого языка [Ершова, 2010: 97], в нем прослеживаются истоки становления лингвострановедческой традиции в методике обучения иностранным языкам.

В заключение отметим, что необходимость изучения русского языка иностранцами в России в XVIII в. влекла за собой потребность в составлении учебных материалов. И.А. Гейм — ученый-энциклопедист, педагог, общественный деятель, приглашенный на работу в Московский Императорский университет, оказал большое влияние на формирование и развитие высшего образования в целом и на формирование традиций учебниковедения, а именно, создание учебной литературы по русскому языку как иностранному.

Содержание учебника И.А. Гейма «Russische Sprachlehre für Deutsche», с одной стороны, включает теоретическое описание структуры русского языка, с другой стороны, носит практико-ориентированный характер, что проявляется в композиционно-содержательной специфике книги: отсутствии большого количества дефиниций, наличии раздела по обучению чтению и фонетике, переводного мини-словаря и двуязычных диалогов на бытовые темы. Можно сказать, что «Русская грамматика для немцев» стала одним из прототипов современного самоучителя иностранных языков. «Разговоры», или диалоги на немецком и русском языках на бытовые темы, в свою очередь, послужили идеей для создания двуязычных разговорников в XIX и в XX вв.

Книга И.А. Гейма характеризуется системностью подачи грамматического материала и наличием перевода лингвистических терминов и примеров, в то же время имеют место (орфо)графическая, морфологическая и терминологическая вариативность, а также не-

²⁵ Ibid. S. 42.

²⁶ Ibid. S. 43–44.

систематичность перевода. Все эти черты указывают на процесс формирования метаязыка учебников по иностранным языкам в конце XVIII в. В пособии отражены такие лингводидактические принципы, как системность (подачи грамматического материала), доступность (благодаря наличию большого количества переводов), учет родного языка (при сопоставлении систем русского и немецкого языков) и лингвокультурность (знакомство читателя со страноведческими реалиями), которые в целом свидетельствуют о процессе формирования традиций по составлению российских учебников иностранных языков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Власов С.В., Московкин Л.В. Три издания грамматики русского языка И.А. Гейма и их источники в истории педагогики // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2022. Т. 8. № 3. С. 71–81.
2. Гейм И.А. // Большая биографическая энциклопедия. URL: https://dic.academich.ru/dic.nsf/enc_biography/32804/Гейм (дата обращения: 09.02.2024).
3. Еришова Е.О. Учебники русского языка для немцев XVIII в. как лингводидактический феномен: грамматический аспект // Наука и современность. 2010. № 4-2. С. 95–104.
4. Иностранные профессора российских университетов (вторая половина XVIII — первая треть XIX в.). Биографический словарь / Под общ. ред. А.Ю. Андреева; сост. А.М. Феофанов. М., 2011.
5. Павловская А.В. «Ученье образует ум, воспитанье — нравы»: Исторические традиции российского образования // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 3. С. 29–39.
6. Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. Т. 2: Становление системы университетского образования в России в первые десятилетия XIX века. М., 2002.
7. Русский биографический словарь / Изд. под наблюдением пред. Имп. Рус. ист. о-ва А.А. Половцова. СПб.: Имп. Рус. ист. о-во, 1896–1913. Т. 4: Гааг — Гербель. М., 1914.
8. Филиппов К.А. Метатекстовые особенности немецких грамматик в России XVIII в. // Вестник Моск. гос. лингв. ун-та. Гуманитарные науки. 2019. № 1 (817). С. 328–341.
9. Edlichko A.I., Mishnova A.V. Beitrag deutscher Professoren zur Entwicklung der Philologie an der Moskauer Universität im 18. und 19. Jahrhundert // Schmidt E. (Hg.) Erlebtes Erbe — Deutsche Kultur im östlichen Europa. Berlin: Deutsche Gesellschaft e.V, 2018. P. 42–48.
10. Heym J. *Deutsches Lesebuch zum Gebrauch der obern Deutschen Klassen in den Kaiserlich-Moskowschen Gymnasien* / Hrsg. von Jo. Heym, Professor u. Unterbibliothecarius bey der Kayserl. Moskowschen Universität, Inspector der dasigen adelichen Pension, Lehrer der Geschichte bey dem Demidowschen Handlungs-Institut, u. Mitglied der freyen Russischen Gesellschaft in Moskwa. Moskwa: In der Universitäts-Buchdruckerey; Bey N. von Nowikow, 1784.
11. Koch K. Deutsch als Fremdsprache im Rußland des 18. Jahrhunderts. Ein Beitrag zur Geschichte des Fremdsprachenlernens in Europa und zu den deutsch-russischen Beziehungen. Berlin; N.Y., 2002.

Anzhela I. Edlichko, Anna V. Mishnova

J.A. HEYM'S TEXTBOOK "RUSSISCHE SPRACHLEHRE FÜR DEUTSCHE": METATEXTUAL PRINCIPLES OF DESCRIPTION

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; ang299@yandex.ru; mishnovaa@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the period of the origin of Russian textbook studies in foreign languages, a significant contribution to the formation of which was made by Professor of Imperial Moscow University Ivan Andreevich Heim (1759–1821), an encyclopedic scholar, teacher, and public figure. The article provides a brief description of the professional scientific and pedagogical biography of I.A. Heim, who was at different periods of his academic activity not only a professor, but also the first Dean of the Faculty of Philology and the Rector of the University. Special attention is paid to the analysis of the structural and substantive characteristics of the first edition of the textbook by I.A. Heim "Russian Grammar for Germans" in 1789 (German: "Russische Sprachlehre für Deutsche"). Variant features of the metalanguage of the book in the field of translation of terms, as well as units at the graphical, orthographic, morphological and lexical levels are revealed. The content of the book, on the one hand, includes a theoretical description of the structure of the Russian language (in German), on the other hand, it is practical in nature, which is manifested in the absence of a large number of definitions, the presence of sections on teaching phonetics, a mini-dictionary and bilingual dialogues on everyday topics. The analysis of the textbook provides us with insights into the formation of textbook studies at the end of the 18th century and enables us to discuss the creation and development of prototypes of a modern tutorial book and phrase book of foreign languages.

Keywords: J.A. Heym; Imperial Moscow University; 18th century; German; Russian as a foreign language; textbook studies; grammar textbook

For citation: Edlichko A.I., Mishnova A.V. (2024). J.A. Heim's Textbook „Russische Sprachlehre für Deutsche“: Metatextual Principles of Description. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, no 3(2è), pp. 114–125. (In Russ.)

About the authors: Anzhela I. Edlichko — PhD in Philology, Associate Professor, Department of the German Language and Culture, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; ang299@yandex.ru; Anna V. Mishnova — Lecturer, Department of the German Language and Culture, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; mishnovaa@mail.ru.

REFERENCES

1. Vlasov S.V., Moskovkin L.V. 2022. Tri izdaniya grammatiki russkogo yazy'ka I.A. Gejma i ix istochniki v istorii pedagogiki [Three editions of I.A. Heym's Russian grammar and their sources in the history of pedagogy]. *Nauchny`j rezul'tat. Pedagogika*

- gogika i psixologiya obrazovaniya* [Research Result. Pedagogy and Psychology of Education], no. 8 (3), pp. 71–81. (In Russ.)
2. Heym, Ivan Andreevich // *Bol'shaya biograficheskaya e'nciklopediya* [Big Biographical Encyclopedia]. (In Russ.) URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/32804/Gejm (accessed: 09.02.2024).
 3. Ershova E.O. 2010. Uchebniki russkogo yazy'ka dlya nemcev XVIII v. kak lingvodakticheskij fenomen: grammaticheskij aspekt [Russian language textbooks for Germans of the XVIII century as a language teaching phenomenon: grammatical aspect]. *Nauka i sovremennost'* [Science and Modernity], no. 4-2, pp. 95–104. (In Russ.)
 4. Andreev A.Yu. (eds.) 2011. *Inostranny'e professora rossijskix universitetov (vtoraya polovina XVIII — pervaya tret' XIX v.). Biograficheskij slovar'* [Foreign Professors of Russian Universities (second half of the 18th — first third of the 19th century). Biographical dictionary]. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
 5. Pavlovskaya A.P. 2022. “Uchen'e obrazuet um, vospitan'e — nrawy'”: istoricheskie tradicii rossijskogo obrazovaniya [“Studying feeds intellect, while upbringing provides morals”. The main traditions of education in Russia]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 29–39. (In Russ.)
 6. Petrov F.A. 2002. *Formirovanie sistemy' universitetskogo obrazovaniya v Rossii. T. 2: Stanovlenie sistemy' universitetskogo obrazovaniya v Rossii v pervy'e desyatiletiya XIX veka* [Formation of the university education system in Russia. V. 2: Formation of the university education system in Russia in the first decades of the XIX century]. Moscow: Moscow State University Publ. (In Russ.)
 7. *Russkij biograficheskij slovar'* [Russian Biographical Dictionary]. 1914. Izd. pod nablyudeniem pred. Vol. 4: Gaag — Gerbel'. Sankt-Petersburg: Imperatorskoe russkoe istoricheskoe obshchestvo. (In Russ.)
 8. Filippov K.A. 2019. Metatekstovy'e osobennosti nemeckix grammatik v Rossii XVIII v. [Metatextual peculiarities of German grammars in 18th century Russia]. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, no. 1 (817), pp. 328–341. (In Russ.)
 9. Edlichko A.I., Mishnova A.V. 2019. Beitrag deutscher Professoren zur Entwicklung der Philologie an der Moskauer Universität im 18. und 19. Jahrhundert. In Schmidt E. (Hg.): *Erlebtes Erbe — Deutsche Kultur im östlichen Europa*. Berlin: Deutsche Gesellschaft e.V., pp. 42–48. (In Germ.)
 10. Heym J. 1784. *Deutsches Lesebuch zum Gebrauch der obern Deutschen Klassen in den Kaiserlich-Moskowschen Gymnasien*. Hrsg. von Jo. Heym, Professor u. Unterbibliothecarius bey der Kayserl. Moskowschen Universität, Inspector der dasigen adelichen Pension, Lehrer der Geschichte bey dem Demidowschen Handlungs-Institut, u. Mitglied der freyen Russischen Gesellschaft in Moskwa. Moscow: In der Universitäts-Buchdruckerey: Bey N. von Nowikow. (In Germ.)
 11. Koch K. 2002. *Deutsch als Fremdsprache im Rußland des 18. Jahrhunderts. Ein Beitrag zur Geschichte des Fremdsprachenlernens in Europa und zu den deutsch-russischen Beziehungen*. Berlin, New York: de Gruyter. (In Germ.)

Статья поступила в редакцию 01.03.2024;
одобрена после рецензирования 01.04.2024;
принята к публикации 08.04.2024;

The article was submitted 01.03.2024;
approved after reviewing 01.04.2024;
accepted for publication 08.04.2024;

М.С. Розина, М.В. Соловьева

ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В КИТАЙСКОЙ АУДИТОРИИ

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия; frozin@list.ru, marsol@mail.ru*

Аннотация: Данная статья посвящена анализу трудностей и путям их преодоления при обучении русскому языку как иностранному студентов из КНР. На основе анализа российских и китайских источников определены особенности преподавания языков в условиях образовательной среды Китая. Авторы стремятся выявить причины невысокого уровня языковой подготовки студентов из Китая, среди которых — несоответствие подходов и приемов в обучении языкам в России и Китае. В статье вносятся предложения, применение которых способно улучшить ситуацию, предлагается в первую очередь учитывать культурологические особенности аудитории, а также приемы обучения, принятые в учебных заведениях Китая.

Ключевые слова: русский язык как иностранный; китайские студенты; образовательный подход; академическая среда; методический подход; образовательные традиции России и Китая

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-27-3-9

Для цитирования: Розина М.С., Соловьева М.В. Особенности преподавания русского языка в группах китайских учащихся // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 27. № 3. С. 125–135.

Научная проблема и ее обоснование. Современный этап развития российско-китайских отношений характеризуется весьма интенсивным наращиванием сотрудничества в разных областях, включая образование. Это, безусловно, является положительным фактором. При этом многие преподаватели российских вузов сталкиваются с рядом проблем при обучении данной категории студентов [Егорова, 2023].

Именно это вызывает необходимость разработки и реализации эффективных методик и приемов преподавания русского языка как

Розина Марина Серафимовна — старший преподаватель кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; frozin@list.ru.

Соловьева Марина Валерьевна — старший преподаватель кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; marsol@mail.ru.

иностранный, так как язык в данном случае является «лакмусовой бумагой» эффективности освоения основной образовательной программы. Кроме того, русский язык выступает инструментом социальной, культурной адаптации в среде изучаемого языка. Приступая к преподаванию русского языка как иностранного, необходимо учитывать некоторые тонкости, которые обусловлены национальными традициями, устоями и привычками студентов из Китая, а также отличающимися методами, подходами и приемами обучения в России и Китае, что определяется культурно-историческими факторами. Нижеизложенная информация носит рекомендательный характер и основана на изучении научных работ русских и китайских авторов, анализа анонимных анкет учащихся и личном опыте преподавания.

Цель статьи. Проанализировав образовательный подход в Китае, установить причины возникновения трудностей восприятия и усвоения языкового материала и определить, какие приемы и подходы в обучении могут стать наиболее эффективными в группах китайских студентов.

Теоретические и методологические основы исследования. Авторы данной статьи опираются на теоретический анализ научной литературы по текущему вопросу: например, на работы российских исследователей Т.М. Балыхиной, В.В. Сафоновой, Ю.О. Охорзиной, И.В. Салосиной, В.С. Глинкина, Т.А. Шаренковой, Е.В. Кожевниковой, С.Л. Саввиной, М.Е. Трубчаниновой, И.А. Пугачева и китайских исследователей Ло Сяоя, Чан Динь Лама и др. Кроме того, методологической основой статьи является анализ поведения и успеваемости студентов из КНР в российской образовательной среде, проведенный преподавателями-практиками на основе анонимных опросов, анкетирования учащихся.

Будучи уникальной цивилизацией с высоким уровнем культуры и сохранением вековых традиций, Китай в течение длительного времени был самодостаточной страной, что, по мнению некоторых исследователей, привело к определенной самоизоляции от всего мира, что тормозило развитие страны, замедляло интегративные тенденции в сфере экономики, политики, образования и науки.

В последние десятилетия ситуация поменялась, однако современный взгляд на образование в Китае не отменяет традиционного подхода к обучению: следовать традициям, разделять конфуцианские ценности (семья, образование, воспитание). Основным достоинством личности Конфуций считал стремление к учению. При этом он выделял три главные высшие ценности для человека: образование, преданность семье, законопослушание [Андриенко, 2016]. Сегодня

огромное внимание уделяется патриотическому воспитанию, развитию гражданственности и любви к своей Родине. Чувство патриотизма начинают развивать у детей уже в начальной школе. Это приносит ощутимые результаты: ученики с самого раннего возраста испытывают искреннее чувство любви к партии за ее прошлые и настоящие заслуги и даже знают некоторые идеологические тексты наизусть [Верисова, 2015].

Любовь к своей стране, ее культуре и достижениям зачастую сказывается на том, что студенты, обучающиеся в России, не стремятся адаптироваться, ассимилироваться или даже просто узнать больше о стране, в которой они сейчас живут и учатся. Многие из них возвращаются домой, не предпринимая попыток завести знакомства и связи, наработать опыт для ведения дальнейшей деятельности в стране обучения. Например, из опрошенных на протяжении двух лет студентов 1-го и 2-го курсов бакалавриата только 10 % учеников не исключали возможность остаться работать в России. Студенты легко и с большим энтузиазмом говорят о традициях и культуре своей страны, но не слишком заинтересованы в понимании особенностей культуры и традиций страны изучаемого языка.

Одним из важных понятий для китайцев является понятие дисциплины. Дисциплина лежит в основе всех уровней обучения. Время ребенка структурировано. Свободного времени у детей нет, поскольку считается, что наличие свободного времени приводит к формированию негативных качеств личности. В связи с этим с самого раннего возраста наблюдается сильная загруженность детей на всех уровнях образования и строгий контроль выполнения заданий и успеваемости со стороны родителей, администрации школы или вуза. Детей нацеливают на получение высоких баллов, отличных оценок. Уровень конкуренции среди школьников очень высок. Главное — высокие баллы, чтобы иметь возможность поступить в вузы Китая. Если набранных баллов не хватает для поступления в вузы своей страны, то молодые люди рассматривают получение высшего образования за рубежом, например, в России. Причины выбора вуза России не ограничиваются лишь перспективой получить высокооплачиваемую работу, иметь конкурентное преимущество при устройстве на работу и престижем обучения за рубежом. Есть и другие: например, динамическое развитие Азиатско-Тихоокеанского региона, качественное образование за сравнительно невысокую стоимость, возможность для студента получить «свободу» от родительского контроля. Но очень часто выбор обучения в России — это не самостоятельный выбор студента, а решение его родителей. Проведенное анкетирование бакалавров четырех

курсов (350 респондентов) позволяет привести следующие данные: 37 % опрошенных студентов решили сами приехать учиться в Россию, а 63% подчинились выбору и решению родителей.

По мнению ученых, в связи с отличиями в материальной базе, культурном наследии и образовательных традициях, вхождение КНР в информационное общество, особенно в области образования, будет осуществляться иным, по сравнению с развитыми странами, путем [Суворова, 2015].

В начале XXI в. в Китае достаточно серьезным остается разрыв между экономически развитыми провинциями, научными региональными центрами и регионами, специализирующимися на аграрном сегменте промышленности. Кроме того, не нужно забывать, что в современном Китае была реализована демографическая установка «одна семья — один ребенок», нарушены традиции многодетности, поэтому родители с детских лет окружают своего ребенка чрезмерной заботой и вниманием. Это с одной стороны. А с другой — родители очень редко хвалят своих детей, но сильно контролируют и нацеливают последних на получение высоких баллов по предметам в школе. В связи с таким положением дел в Китае часто критикуют поколение 1990-х и 2000-х годов за несамостоятельность, инфантильность, незрелость мышления и капризность.

Этой же причиной можно объяснить и тот факт, что многие студенты, приезжая учиться в российские вузы, из-за отсутствия тотального контроля со стороны преподавателей не проявляют самостоятельности, желания учиться, редко выполняют домашние задания, не демонстрируют усердия в изучении русского языка и предметов по специальности, что, безусловно, препятствует процессу как обучения, так и социальной адаптации. У многих студентов наблюдается низкая академическая мотивированность, отсутствие желания изучать русский язык на уровне большем, чем уровень общения с административными органами. Низкая мотивация оказывает огромное влияние на успеваемость студентов, которая показывает тенденцию к снижению к старшим курсам бакалавриата.

Это связано с рядом факторов: отсутствием родительского контроля; недостаточной мотивированностью обучающихся; усталостью от большого психологического давления во время обучения в китайской школе и, как следствие, «психологическое выгорание»; отсутствием внутреннего ресурса для продолжения обучения на прежнем уровне; отличающимися от привычных методами, подходами и приемами обучения.

В России, согласно современным методикам, преподаватель должен не научить студента, а помочь последнему научиться, на-

править его, поэтому в России эффективность обучения зависит не от контроля со стороны преподавателей, а от самостоятельности и ответственности студента. Многие в отношении преподаватель / студент строятся на доверии, поэтому в России нет жесткого контроля студентов со стороны преподавателей.

В Китае с древних времен ценится хорошее образование, главным проводником которого является учитель. Учитель почитается как носитель истины, подлинной справедливости, порядочности и честности. Само представление об учителе связано здесь с высокими идеалами [Андрienko, 2016]. Кроме того, в большинстве вузов Китая обучается по несколько десятков тысяч студентов в системе очного и заочного обучения, в классе может быть до 100–150 человек на языковых занятиях, что является существенным препятствием для устных опросов. В связи с этим в Китае очень развита тестовая система проверки знаний. Но огромное количество тестов совсем не отражает реальные знания.

Поступая в российские вузы, студенты попадают в совершенно другую академическую среду: отсутствие конкуренции, жесткого контроля со стороны преподавателей и администрации, семьи и родителей, наличие большого количества свободного времени, как кажется студентам, и неумение им распоряжаться. Всё это ведет к проблемам в обучении и затрудняет процесс социальной адаптации: многие студенты несамостоятельны и неинициативны на уроках, не проявляют достаточного старания и заинтересованности при изучении русского языка и предметов по специальности. Китайские студенты, как правило, замкнуты, ограничиваются своей диаспорой. В большинстве случаев они избегают общения с представителями других культур, не стремятся адаптироваться и интегрироваться в российское общество. Данная особенность китайских студентов приводит к тому, что они неохотно говорят по-русски на уроке, выполняют письменные задания, с большим нежеланием используют русский язык за пределами аудитории.

Однако, с нашей точки зрения, причины возникновения проблем в изучении русского языка китайскими студентами кроются не только в разнице культур, традиций и отношений в обществе, но и в разнице методических подходов, реализуемых в российской и китайской образовательной среде. Стоит отметить, что значительное влияние на методику обучения русскому языку в Китае оказали российская и евро-американская лингводидактики. В связи с этим с середины XX в. доминирующими методами обучения становятся грамматико-переводной, сознательно-сопоставительный, сознательно-практический. Концепция коммуникативного обучения

получила развитие в вузах Китая только в конце XX в. Однако, несмотря на то что основная задача преподавания русского языка в Китае определена – развитие умения оптимально использовать средства языка в устном и письменном общении, главным образом в сферах, непосредственно связанных с будущей профессиональной деятельностью, коммуникативный подход активно не применяется [Лю Сяоя, 2015]. В китайской методической парадигме не обозначено понятие «коммуникативная компетенция», которое в российском образовании устойчиво закреплено в качестве основного результата обучения иностранному языку и представляет собой квинтэссенцию сформированных продуктивных и рецептивных видов речевой деятельности: письма, говорения, аудирования, чтения. А лексико-грамматический компонент (языковая компетенция) образует только инструментальную основу, обеспечивающую правильность и точность коммуникации [Охорзина, Салосина, Глинкин, 2019]. По сложившемуся мнению преподавателей-русистов из Китая, в использовании методики не стоит преклоняться перед одним методом. Для системного обучения русскому языку почти все методы (сознательно-сопоставительный, сознательно-практический, аудиовизуальный, аудиолингвальный, коммуникативный и суггестопедический) имеют свои преимущества и недостатки [Лю Сяоя, 2015].

Наблюдая за учебой и успеваемостью студентов из Китая, мы пришли к выводу, что коммуникативные приемы обучения, с успехом используемые в группах европейских и американских студентов, не получают желаемого отклика у китайских учащихся. И это прежде всего связано с тем, что большинство методик, используемых в Китае, требует от студентов воспроизведения ранее изученного материала, и потому они способны заучивать и воспроизводить очень большие объемы текста, иногда без понимания содержания. Студент привык зазубривать готовые тексты, фразы, клише, мысли, а не конструировать их [Антонова, 2016]. Следует отметить, что еще в школе на уроках иностранного языка ученики в основном занимаются переводами текстов, для чего работают со словарями [Пугачев, 2012]. Этим объясняется привычка китайских студентов каждый раз обращаться к электронному словарю, когда они встречаются с неизвестными словами на занятиях по русскому языку. В то же время отсутствуют навыки работы с толковыми словарями, словарями синонимов, антонимов и сочетаемости. В процессе обучения формируются несистемные знания. Ввиду этого китайским студентам сложно выполнять задания, предполагающие анализ текста, языковую догадку и языковое прогнозирование. Им трудно угадать значение незнакомого слова из контекста или понять новое значение

уже знакомого слова на основе понимания логики языка в процессе работы над лексикой [Корнеева, Лю Цзинью, 2021]. Во многих университетах страны процесс обучения состоит в наращении количества знаний, заучивании новых лексических единиц, речевых паттернов, грамматических формул и правил. Фактически основным методом обучения является выполнение разнообразных упражнений и их длительная тренировка. Студенты развивают способность запоминать массивы информации на чужом для них языке. Действительно, преподаватели-практики российских вузов отмечают такую способность у китайских учащихся: заучивание, порой без понимания смысла и без восприятия семантики слова, словосочетания. Любое переформулирование вопроса или отклонение от текста вызывает трудности.

В Китае осознанно ориентируются на визуализацию изучаемого материала, поэтому китайские студенты хорошо воспринимают структурированное оформление учебно-методических материалов в виде таблиц и схем. Это, безусловно, надо учитывать преподавателям русского языка в России. Следует прибегать к использованию диаграмм, схем и коротких формул для четкого и доходчивого объяснения грамматики на доске, ведь выработанный навык может помочь в преодолении трудностей при изучении русского языка в российских университетах.

Склонность к визуализации и заучиванию больших объемов информации объясняет тот факт, почему китайские студенты не являются аудиалами. Это еще одна серьезная проблема, с которой сталкиваются преподаватели. Дело в том, что у китайских студентов возникают сложности при аудировании, несмотря на прилагаемые усилия преподавателей и фонетические уроки на начальном этапе, причем это касается студентов не только первого года обучения. В процессе усвоения русского языка китайский студент сталкивается с фонетическими проблемами. Трудности обусловлены, в первую очередь, родной для китайских студентов системой звуков, неразвитостью под русское произношение артикуляционного аппарата [Антонова, 2016]. Эта проблема характерна не только для китайских студентов. Однако студенты из Европы, Африки, Америки, Арабских стран быстрее осваивают восприятие информации на слух и к концу первого года обучения достаточно легко аудируют, даже порой идеально имитируя звуки и интонации. В Китае же занятия по *аудированию* проводятся преимущественно в форме самостоятельного решения тестов в наушниках, а многие преподаватели-русисты даже в университетах говорят с сильным акцентом. Дополнительные проблемы в обучении создает сам характер

китайского языка. Слова и звуки произносятся так, что смысловозначительными являются не только четыре тона, но и придыхание и назальность дифтонгов. В связи с этим те, кто уже в школе изучал русский язык и учился у китайских преподавателей, часто не слышат и не понимают русскую речь, при этом бегло читая и продуцируя тексты. [Охорзина, Салосина, Глинкин, 2019]. Преподаватели-практики, работающие в Китае, обращают внимание на то, что манера преподавания в университетах Китая сильно отличается от российской: даже на практических занятиях 90% времени занятия — монолог-лекция преподавателя. Это обусловлено количеством студентов в группе (от 40 человек). Незначительную долю в учебном плане (не более 10% общего времени) занимает *Говорение*. Для занятий речевой практикой формируются группы по 20–30 человек. В таких образовательных условиях учащиеся испытывают сложности со спонтанным выражением своей мысли, в лучшем случае они заучивают клишированные фразы из учебных пособий, а затем формируют из них, используя предложенные конструкции, текст. В России на занятиях, развивающих речевые навыки, студент оказывается в других условиях. Проблема восприятия материала, запоминания, заучивания и усвоения возникает не только в группах китайских студентов. Это присуще тем, кто родился в 2000-е годы, так называемому поколению Интернета. Благодаря соцсетям и высоким технологиям современных учащихся характеризует многозадачность, результатом которой является невозможность сконцентрироваться на чем-то одном [Молчанова, 2021].

Таким образом, проведенное исследование позволило выявить ряд причин, влияющих на эффективность обучения китайских учащихся в российских вузах, а также сформулировать ряд предложений по решению данной проблемы. Наряду с контролем знаний и дисциплины (проведения еженедельного тестирования, выполнения домашнего задания, посещаемости занятий), необходимо проводить обязательную работу по адаптации студентов в форме лекций, семинаров, экскурсий, проводить внеклассную работу, привлекая к общественной деятельности на факультете. На первых этапах обучения продуктивнее учитывать привычный и традиционный для китайских студентов стиль подачи материала. Стоит обратить особое внимание на необходимость постоянной визуализации нового материала, по возможности дублируя его в письменной форме. Необходимо максимально структурировать ключевую информацию в виде моделей, схем, таблиц, графиков, привлекая визуальные средства обучения, электронные ресурсы. Не следует ожидать от китайских студентов активного участия в дискуссии,

уточняющих вопросов и критического осмысления изучаемого материала. Однако необходимо вводить студентов в контекст учебной коммуникации на русском языке, свойственной российской образовательной среде.

Знание психологических особенностей студентов из КНР и специфики процесса обучения в Китае необходимо нам всем для плодотворной работы и успешной организации процесса обучения. Учет культурологических особенностей и приемов обучения, принятых в учебных заведениях Китая, а также выбор наиболее эффективных форм и стратегий поможет преодолеть трудности при обучении китайских учащихся в российских вузах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Андрюченко Е.В.* Сравнительная педагогика: учебное пособие / Мин-во образования и науки РФ, Новосиб. гос. пед. ун-т. Новосибирск, 2016. С. 133–149.
2. *Антонова Ю.А.* О некоторых тонкостях преподавания РКИ китайским студентам // Педагогическое образование в России. 2016. № 12. С. 13–16.
3. *Верисова А.Д.* Особенности школьного образования в Китае // Современные научные исследования и инновации. 2015. № 11. С. 770–772. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2015/11/58864> (дата обращения: 13.02.2024).
4. *Егорова Ю.В.* О семантизации новой лексики в китайской аудитории // Обучение иностранным языкам в открытом поликультурном пространстве. Материалы II Международной научно-практической конференции 1–2 декабря 2023 г. М.: Добросвет, 2023. С. 138–142.
5. *Корнеева Л.И., Лю Цзинюй.* Обучение китайских студентов иностранным языкам с учетом их этнокультурных и лингвометодических особенностей // Педагогическое образование в России. 2021. № 3. С. 144–149.
6. *Ло Сюоя.* Методика обучения русскому языку в Китае (история и перспективы) // Научно-педагогическое обозрение. 2015. № 2 (8). С. 18–23.
7. *Молчанова Г.Г.* Генерационная поликодированность коммуникативных модусов. Какой он, человек нового поколения? // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 2. С. 9–16.
8. *Охорзина Ю.О., Салосина И.В., Глинкин В.С.* Особенности преподавания русского языка в условиях вузов КНР: теоретические и методические аспекты // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 441. С. 206–212.
9. *Пукачев И.А.* Этнокультурная адаптация иностранных учащихся к условиям жизни и обучения в России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». 2012. № 4. С. 21–27.
10. *Суворова Е.А.* Становление системы образования в Китае во второй половине XX в. // Россия и АТР. 2015. № 1 (87). С. 198–204. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-sistemy-obrazovaniya-v-kitae-vo-vtoroy-polovine-xx-v/viewer> (дата обращения: 05.03.2024).
11. *Юань Ш.* Частное высшее образование в Китае: эволюция, особенности и проблемы // Университетское управление: практика и анализ. 2004. № 3 (31). С. 77–80. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chastnoe-vysshee-obrazovanie-v-kitae-evolyutsiya-osobennosti-i-problemy/viewer> (дата обращения: 05.03.2024).

Marina S. Rozina, Marina V. Solov'eva

THE FEATURES OF TEACHING RUSSIAN TO CHINESE STUDENTS IN GROUPS

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; frozin@list.ru; marsol@mail.ru

Abstract: This article discusses the challenges and solutions for teaching Russian as a second language to students in China. It analyzes Russian and Chinese language teaching materials and identifies the factors that contribute to the low level of proficiency among Chinese students. The article proposes several solutions, including taking into account cultural differences and adopting teaching methods similar to those used in Chinese educational institutions.

Keywords: Russian as a foreign language; Chinese students; educational approach; academic environment; methodical approach; educational traditions of Russia and China

For citation: Rozina M.S., Solov'eva M.V. (2024). The features of teaching Russian to Chinese students in groups. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, no 3(27), pp. 125–135. (In Russ.)

About the authors: Marina S. Rozina — Assistant Professor, Department of Linguistics, Translation and Intercultural Communication, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; frozin@list.ru; Marina V. Solov'eva — Assistant Professor, Department of Linguistics, Translation and Intercultural Communication, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; marsol@mail.ru.

REFERENCES

1. Andrienko E.V. 2016. *Sravnitel'naja pedagogika: uchebnoe posobie* [Comparative Pedagogy: textbook]. Ministry of Education and Science. NSPU, pp. 133–149. (In Russ.)
2. Antonova Y.A. 2016. O nekotoryh tonkostjakh prepodavanija RKI kitajskim studentam. [Some Aspects of Teaching Chinese Students Russian]. *Pedagogical Education in Russia*, no. 12, pp. 13–16. (In Russ.)
3. Verisova A.D. 2015. Osobennosti shkol'nogo obrazovanija v Kitae [Specifics of Schooling in China]. *Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovatsii*, no. 11, pp. 770–772. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2015/11/58864> (accessed: 13.02.2024)
4. Egorova I.V. 2023. *O semantizacii novoj leksiki v kitajskoj auditoria* [On the semantics of new vocabulary in the Chinese audience]. Obuchenie inostranny'm jazykam v otkry'tom polikul'turnom prostranstve. Materialy' II Mezhdunarodnoj nauchno-praktičeskoj konferencii 1–2 dekabrya 2023 g. M., Dobrosvet, 2023, pp. 138–142. (In Russ.)
5. Korneyeva L.I., Liu, Jingyu 2021. Obuchenie kitaiskih studentov inostrannym jazykam s uchetom ih jetnokul'turnyh i lingvometodičeskih osobennostej [Training of Chinese Students Foreign Languages Following their Ethnocultural and Linguomethodological Characteristics]. *Pedagogical Education in Russia*, no. 3, pp. 144–149. (In Russ.)

6. Lo Syaosya. Metodika obuchenija ruskomu jazyku v Kitae (istorija i perspektivy) [Study on Russian Teaching Methodology in China (Literature Review and Outlook)]. *Pedagogical Review*. № 2. 2015. pp. 21–23. (In Russ.)
7. Molchanova G.G. 2021. Generacionnaja polikodovost' kommunikativnyh modusov. Kakoj on, chelovek novogo pokolenija? [Generation Polycodeness of Communicative Modality. Who is a new Generation Person?]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 9–16. (In Russ.)
8. Okhorzina Y.O., Salosina I.V., Glinkin V.S. 2019. Osobennosti prepodavaniya russkogo jazyka v uslovijah vuzov KNR: teoreticheskie i metodicheskie aspekty [Russian Language Teaching in a Chinese University: Theories and Methods]. *TSU Bulletin*, no. 441. pp. 206–212. (In Russ.)
9. Pugachiov I.A. 2012. Jetnokul'turnaja adaptacija inostrannyh uchashhihsja k usloviyam zhizni i obuchenija v Rossii [Ethnocultural Adaptation of Foreign Students to Living and Studying Conditions in Russia]. *RUDN Bulletin. Series Russian and foreign languages and its teaching methods*, no. 4, pp. 21–27. (In Russ.)
10. Suvorova E.A. 2015. Stanovlenie sistemy obrazovanija v Kitae vo vtoroj polovine XX v. [Buildup of the Education System in China in the Second Half of the 20th Century]. *Rossiya i ATR*, № 1(87), pp. 198-204. (In Russ.) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-sistemy-obrazovaniya-v-kitae-vo-vtoroy-polovine-xx-v/viewer> (accessed: 13.03.2024)
11. Yuan Sh. 2004. Chastnoe vysshee obrazovanie v Kitae: jevoljucija, osobennosti i problemy [Private Higher Education in China: Evolution, Features and Problems]. *University Management: Practice and Analysis*, no. 3(31), pp. 77-80. (In Russ.) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chastnoe-vysshee-obrazovanie-v-kitae-evolyutsiya-osobennosti-i-problemy/viewer> (accessed: 13.02.2024)

Статья поступила в редакцию 15.03.2024;
одобрена после рецензирования 06.04.2024;
принята к публикации 08.04.2024;

The article was submitted 15.03.2024;
approved after reviewing 06.04.2024;
accepted for publication 08.04.2024

Ван Сюемэй

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ПРОВЕРКА ПРОГНОЗИРУЕМЫХ НЕУДАЧ В ИСПОЛЬЗОВАНИИ ВИДОВ ГЛАГОЛА КИТАЙСКИМИ УЧАЩИМИСЯ

Синьцзянский университет, г. Урумчи, Китай; qiqigemijia@163.com

Аннотация: В китайском языке аспектуальность глагола выражается не видом, а передается глаголами в сочетании с различными языковыми средствами. На основе различия аспектуальной системы русского и китайского языков и возможных выражений русских видовых значений, в данной статье поставлена цель спрогнозировать возможные ошибки в использовании видов русских глаголов. Для проверки правильности нашего анализа был проведен специальный диагностический срез. Результаты теста показывают, что ошибки китайских студентов в первую очередь возникают не столько из-за влияния родного языка, сколько из-за того, что студенты не в состоянии оценить ситуацию, не могут найти или даже увидеть определенные ориентиры, имеющиеся сигналы, прямо указывающие на использование того или иного вида. Ошибки объясняются еще элементарным незнанием видовых форм глагола, особенно в таких случаях, как *брать — взять, ловить — поймать* и незнанием образования самой формы глагола, например, образования формы императива и др. Это является результатом недостаточной обученности студентов. Однако проблема скорее не в студентах, а, во-первых, в сложности самой темы, и, во-вторых, в методе обучения. Мы считаем, необходимо дать студентам четкую схему видовых значений и определить те сигналы, которые могут помочь студентам выбрать вид глагола, адекватный ситуации общения; курс изучения вида должен быть достаточно продолжительным, так как прочные и устойчивые навыки правильного употребления видов формируются только в результате постепенной и регулярной работы над видами глагола, совершаемой в течение длительного времени. Результаты проведенной работы также могут послужить отправным пунктом для определения не только содержания упражнений по обучению видам глагола, но и для выработки методических рекомендаций к ним.

Ключевые слова: экспериментальная проверка; использовании видов китайскими учащимися; ошибки употребления видов глагола; причина ошибок; результаты теста

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-27-3-10

Ван Сюемэй — кандидат педагогических наук, доцент факультета русского языка Института иностранных языков Синьцзянского университета; qiqigemijia@163.com.

© Ван Сюемэй, 2024

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке программы стартового фонда PhD Синьцзянского университета.

Для цитирования: Ван Сюемэй. Экспериментальная проверка прогнозируемых неудач в использовании видов глагола китайскими учащимися // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 27. № 3. С. 136–148.

Известно, что аналитическим языкам словоизменительные категории не свойственны по самой сущности аналитизма. В них отсутствуют такие категории, как падежи, глагольное время, вид глагола и др. В китайской лингвистике проблема вида, видовых значений долгое время вообще не затрагивалась, само наличие видов демонстрировали лишь китайские ученые, приверженные европейской грамматической школе. Они старались найти его в китайском языке, поскольку аспектуальность, относящаяся к языковым универсалиям, должна проявляться. В китайском языке аспектуальность глагола не выражается формально, не видом, а передается глаголами в сочетании с различными языковыми средствами, в том числе и со специальными формантами, такими как служебные слова и модификаторы.

На основе различия грамматического строя и видовой системы русского и китайского языков и возможных выражений русских видовых значений, мы можем довольно точно прогнозировать возможные ошибки в использовании видов русских глаголов, которые могут допускать китайские учащиеся в следующих значениях и случаях употребления видов русского глагола: 1) употребление двуправленных русских глаголов при выражении аннулирования и сохранения результата; 2) употребление глаголов в значении повторяемости действия: многократное значение НСВ и суммарное значение СВ (ошибки ожидаются в основном в суммарном значении СВ, так как китайские учащиеся могут ошибочно выбрать НСВ из-за слова-показателя, они относят повторяемость действия в основном к НСВ); 3) противопоставление общефактического значения НСВ и конкретно-фактического значения СВ в прошлом; 4) использование СВ в наглядно-примерном значении; 5) выражение отрицания с НСВ и СВ. Поскольку эти видовые значения сами по себе трудны для понимания китайских учащихся.

Не ожидалась ошибки, как нам казалось, в тех случаях, где студенты при выборе того или иного вида глаголов могли опираться на какие-либо сигналы, индикаторы или слова-показатели: 1) длительное действие конкретно-процессного значения НСВ (*долго, три часа, летом, целый день, вечером и т.д.*); 2) значение повторяемости действия НСВ (*три раз, всегда, каждое утро, постоянно, по субботам и т.д.*); 3) конкретно-фактическое значение СВ с предлогом *за*;

4) использование видов глагола в инфинитиве (*начинать/начать, заканчивать/закончить, привыкать/привыкнуть и т.д. + НСВ; забывать, удаться и т.д. + СВ*).

Методика подготовки и проведения эксперимента

Как показано, при сопоставлении видов глагола в русском языке и способов выражения видовых значений в китайском языке, мы обобщили и проанализировали возможные ошибки китайских учащихся и их причины при выборе нужной видовой формы глагола в различных языковых ситуациях. Для проверки правильности нашего анализа был проведен специальный диагностический срез. Эта работа была очень важной для нашего исследования, поскольку она должна была показать (подтвердить или не подтвердить) те моменты в усвоении видов русского глагола, которые вызывают особые трудности у китайских учащихся, выявить наиболее частотные случаи интерференции. Таким образом, мы должны были получить основу для составления системы упражнений как предупреждающих интерференцию, так и помогающих сформировать соответствующие грамматические навыки.

В эксперименте принимали участие 120 китайских студентов, изучающих русский язык в разных вузах в Китае¹ и в Государственном институте русского языка им. А.С. Пушкина, всего 25 образовательных организаций. Студенты учатся и учились в этих вузах в институте иностранных языков на факультете русского языка по специальности — русский язык и литература.

Мы провели тестирование не только у тех, кто только учится русскому языку в Китае, но и у тех, кто приехал учиться в Россию, выполняя учебную программу по обмену в Государственном институте русского языка им. А.С. Пушкина на срок девять — десять месяцев, ещё и у тех, кто претендует на получение ученой степени в институте А.С. Пушкина. К первой группе относятся 35 студентов, учащихся-русистов Синцзянского университета, к второй — 60 сту-

¹ Это Бэйхуаский университет, Дацинский педагогический институт, Илский педагогический институт, Цзянсукий педагогический университет, Цзямусыкий университет, Муданьцзянский педагогический институт, Нанькинский университет, Ляонинский педагогический университет, Синцзянский университет, Синцзянский педагогический университет, Университет Шихэцзы, Сычуаньский университет, Карамайский нефтяной университет, Синьцзянский сельскохозяйственный университет, Сианьский университет иностранных языков, Северо-восточный лесной университет, Сычуаньский университет иностранных языков, Уханьский университет, Харбинский коммерческий университет, Харбинский промышленный университет, Хэнаньский университет, Хэйлунцзянский университет, Чанчуньский педагогический университет, Чанчуньский политехнический университет, Юго-западный нефтяной университет.

дентов из разных вузов Китая, к последней — еще 25 учащихся. Из этих учащихся тридцать человек изучали русский язык два года, сорок человека — три года, двадцать пять студентов — четыре года, пятнадцать человек — пять лет, десять — семь лет и выше.

Нужно заметить, что в настоящее время в университетах до базового уровня занятия проводятся в основном на китайском языке, и по русскому языку количество занятий на первом курсе обычно не больше шести пар в неделю (одна пара в китайской аудитории равняется ста минутам), во многих вузах отдельно проводятся уроки по грамматике и развитию речи, на грамматику выделяют только две пары в неделю (это равняется двумстам минутам). На последующих курсах на грамматику, как и на первом курсе, отводится две пары в неделю. После второго курса специальных занятий по грамматике уже не проводится, т.е. усвоение всех грамматических правил и знаний заканчивается после двух учебных лет.

Что касается изучения употребления видов глагола в русском языке, то в настоящее время в большинстве пособий и учебников для иностранных учащихся изучаются только основные значения: процессуальное, повторяемость, общефактическое и потенциально-постоянное значение для НСВ, а категориальное значение СВ определяется как результативность или законченность действия. Таким образом, изучается конкретно-фактическое значение и обозначение однократности действия, ограниченное действие по времени (типа глаголы с приставками *по-*, *за-*, *про-*) для СВ; суммарное и примерное значение СВ в настоящих пособиях не упомянуто.

Цель эксперимента — проверить умение китайских студентов разного уровня языковой подготовки сделать правильный выбор в употреблении глаголов НСВ и СВ как в простых, так и в более сложных случаях, и таким образом удостовериться в правильности нашего прогноза в отношении перечисленных нами выше трудностей для студентов, кроме этого, намерение выявить, действительно ли китайские учащиеся испытывают трудности при выборе того или иного вида глагола при высказывании, зависят ли ошибки от уровня студентов и количества лет изучения русского языка. Нам было важно установить, в каких значениях китайские учащиеся, изучающие русский язык, делают ошибок больше всего.

Это общеизвестный факт, что вид глагола является одной из труднейших тем русской грамматики для иностранцев. При обучении видам глагола существуют общие трудные случаи, которые являются трудными для всех иностранных студентов, но есть случаи, которые характерны только для одной или нескольких национальностей. Мы определили эти трудности на основе сравнения грамматического строя русского и китайского языков.

Опираясь на значения и функционирования видов русского глагола, на способы передачи русских видовых значений средствами китайского языка и наоборот, мы определили критерии для создания теста по видам глагола. При этом в тесте рассматриваются все значения, которые больше всего встречаются в русском языке, и с которыми студенты, изучающие русский язык, сталкиваются больше всего. Вот эти значения.

I. Прошедшее время

1. Употребление НСВ в значении процесса и СВ в результативном значении.
2. Противопоставление значения многократности НСВ и суммарного значения СВ.
3. Передача общефактического значения НСВ
4. Выражения момента возникновения состояния или начала действия формой СВ.
5. Выражение одновременности действий.
6. Употребление НСВ при передаче разобщенности действия с моментом речи, и СВ при указании сохранения результата действия в момент речи.
7. Употребление видов в прошедшем времени с отрицанием.
8. Употребление видов в вопросительном предложении со словом «кто».

II. Употребление видов в будущем времени

1. Передача процесса действия.
2. Передача повторяемости действия.
3. Передача факта действия.
4. Передача единичного, целостного действия, которое с точки зрения говорящего обязательно осуществится.
5. Передача предстоящего действия в прошлом.
6. Употребление вида с отрицанием в будущем времени.

III. Употребление видов в повелительном наклонении

1. Противопоставление форм СВ и НСВ при выражении единичности и повторяемости действия.
2. Выражение просьбы, совета, предложения, требования формой СВ.
3. Употребление НСВ при выражении приглашения.
4. Выражение побуждения к действию формой НСВ.
5. Употребление НСВ в случаях, когда внимание обращается на качество действия.
6. Употребление видов в повелительном наклонении с отрицанием.

IV. Употребление видов глагола в инфинитиве

1. Обусловленность вида глагола в инфинитиве лексическим значением слова, к которому он относится.

2. Передача единичного действия формой СВ.

3. Передача повторяющегося действия формой НСВ.

4. Использование СВ в примерном значении.

5. Выражение значения приступа к действию формой НСВ.

6. Употребление видов глагола в инфинитиве с отрицанием.

На основе этих значений и случаев использования форм СВ и НСВ был создан тест, при составлении которого мы выбирали предложения на основе живой русской речи. Задача студента — заполнить пропуски, выбирая глагол нужного вида в соответствии с формой времени, инфинитива или императива. Студентам была выражена убедительная просьба, чтобы тест они заполнили сами, без помощи преподавателя или каких-либо вспомогательных материалов. Было объяснено, что данный тест ни в коем случае не является контрольной работой или проверкой, более того, было сказано, что ошибки могут послужить благому делу составления соответствующего учебного пособия.

Анализ проведенного эксперимента. Сравнение прогнозируемых и полученных результатов

На основе полученных результатов можно заключить, что китайские учащиеся, хотя не во всех предложениях, относящихся к данным значениям, но больше всего ошибок совершили в следующих случаях:

1. Прошедшее время:

- общефактическое значение НСВ;
- выражение момента возникновения состояния или начала действия формой СВ;
- суммарное значение СВ;
- употребление видов с отрицанием.

2. Будущее время:

- передача предстоящего действия в прошлом;
- выражение одновременности действий;
- выражение отрицания;

3. Императив:

- выражение единичности действия;
- выражение побуждения к действию;
- употребление НСВ при выражении приглашения;
- употребление видов в повелительном наклонении с отрицанием.

4. Инфинитив:

- обусловленность вида глагола в инфинитиве лексическим значением слова, к которому он относится;

- передача повторяющегося действия формой НСВ;
- использование СВ в примерном значении;
- выражение значения приступа к действию формой НСВ.

Сто процентов тестируемых не допустили ошибок в выборе вида глагола в предложениях: *Рабочие _____ это здание за четыре месяца. (строить/построить)*. Количество ошибок меньше 10% наблюдается в следующих предложениях: *Она _____ домашние задания два часа. (делать/сделать)*; *Обратитесь к секретарю, он вам всё ___. (разъяснять/разъяснить)*; *Ежедневно _____ окно! (открывать/открыть)*; *Вас плохо слышно, _____ громче. (говорить/сказать)*. Во всех остальных значениях и случаях, хотя и меньше 30%, но студенты допустили ошибки.

Тест не совсем подтвердил наши прогнозы, в частности, при выражении аннулирования и сохранения результата двунаправленными глаголами, при сопоставлении общефактического значения НСВ и конкретно-фактического значения СВ, в суммарном и примерном значении СВ, хотя мы в этих случаях ожидали значительно больше ошибок. Мы не ожидали ошибок в тех случаях, в которых индикаторы четко указывают на выбор вида, но результаты теста ясно показывают, что даже в таких предложениях совершается немало ошибок.

В результатах теста мы заметили, что наиболее сложным для китайских учащихся оказалось суммарное значение СВ: *Перед командировкой мужа жена в последний момент несколько раз _____ его. (целовать/поцеловать)*. Неверных выборов в этом контексте в целом 78%. Так как в существующих учебных пособиях написано, что многократное повторяющееся действия передаётся только НСВ, а суммарное и примерное значения СВ вообще не упомянуты, так что в понимании студентов, когда речь идёт о многократности действия, остаётся убеждение, что в подобных случаях всегда нужно использовать только НСВ, а совершенный вид должен обозначать единичное и конкретное действие. При таком понимании значения СВ и НСВ неизбежно допускаются многочисленные ошибки.

Из значений НСВ наиболее трудным для усвоения является общефактическое. Причина ясна — нет никаких слов-показателей, подчеркивающих семантику факта. Особенно это значение важно при употреблении в прошедшем времени в разных ситуациях: в утвердительном предложении *Возьмите это вино. Я хорошо знаю этот сорт, я раньше уже _____ его в магазине. (покупать/купить)* сделано 65% ошибочных выборов, мы полагаем, что причина ошибки — наречие *уже*, ошибочно принятое респондентами за показатель завершенности действия.

Были трудности и при выражении отрицания в разных ситуациях: — *Кто сказал ему об этом? — Не знаю, я вообще ничего ему не _____.* (*говорить/сказать*) неправильных выборов — 43%, и в предложении — *Он сам решил взяться за это дело, никто его не _____.* (*заставлять/заставить*) количество ошибок — 68%; здесь причина ошибок также связана с тем, что в предложении нет слов-показателей. Употребление НСВ свидетельствует о том, что собеседник или другое лицо не только не совершал этого действия, но и вообще не имеет к нему никакого отношения. Такие тонкие нюансы в значениях видов для китайских учащихся остаются весьма трудноуловимыми.

Предложения с местоимением *кто* также представляют определенную трудность. Для них тоже нелегко: *Я потерял свой ключ от комнаты. Вы не знаете, кто _____ комнату? Может быть, кто-то его видел?* (*убирать/убрать*) отмечено 56% неверных выборов. Мы знаем, что когда для спрашивающего важно наличие результата действия, употребляется глагол СВ, а когда интересуется производитель действия, качество действия, обстоятельства, связанные с характером протекания действия, — глагол НСВ. Такой особенностью обладает только НСВ, выступая как немаркированный член по сравнению с СВ. Такие значения, между которыми очень тонкая разница, китайские студенты во многих случаях не чувствуют.

Говоря о видах в будущем времени и повелительном наклонении, необходимо отметить, что студенты допустили немаленькое количество ошибок в предложениях с отрицанием в разных ситуациях, например, им трудно разбираться в том, что в будущем времени *не + СВ* выражает значение невозможности достижения результата, а аналогичная конструкция *не + НСВ* обозначает ненужность действия; в повелительном наклонении отрицательная частица *не* с НСВ выражает значение запрещения, а с СВ выражает значение предостережения и т.п. Причина тоже ясна — нет никаких индикаторов, эти значения трудно уловить для китайских учащихся.

Как ни парадоксально, контекст с глаголами НСВ, указывающий на одновременность действий в будущем времени вызвал большое затруднение у респондентов: *Пока вы _____ на лыжах, мы _____ на санках.* (*кататься/покататься*) в нем отмечено 64 % неверных выборов. Хотя подобные конструкции изучаются довольно рано — на уровне А2, но они достаточно сложны для студентов из-за отсутствия слов-показателей. Такие контексты требуют правильной интерпретации ситуации, на которую студенты-иностранцы не всегда способны.

Важно, что, анализируя собранный тест, мы также заметили, что студенты совершали ошибки не только при выборе вида глагола, но и в образовании самой формы глагола. Во многих случаях студенты

не могли правильно образовать формы императива, возьмем примеры: *Дома ___ следующие предложения на русский язык. (переводить/перевести)* студенты не знают императива глагола *перевести*, они заполнили пропуск неправильной формой глагола **переветите*, еще пример: *Смотри, не ___ вазу, она очень дорогая! (разбивать/разбить)*, многие студенты заполнили пропуск **разби* вместо *разбей*, подобные ситуации наблюдаются и в предложениях, где нужно использовать форму императива таких глагола, как *переодеться, открыть, рассказать, включить*, а у некоторых студентов получаются неправильные варианты, как **переоденитесь, *откройте, *расскайте, *включьте*. Всё это недообученность студентов. Еще проблема с образованием формы НСВ в будущем времени, например, **я буду звоню...*

Вышеуказанные результаты теста показывают, что китайские студенты, изучающие русский язык, при употреблении видов русского глагола допускают ошибки не только из-за разницы в грамматическом строе, но и других факторов.

Внимательно проанализировав результаты теста, мы выявили основные причины, по которым студенты ошибочно выбирают тот или иной вид. Результаты теста показали, что одной из главных причин является отсутствие ориентировочной основы для выбора нужного вида, незнание слов-сигналов, индикаторов, правил, прямо указывающих на выбор того или иного вида. Причина характерна для выражения длительного и повторяющегося действий, формы императива и инфинитива. Исходя из таблиц, можно прийти к выводу, что, если при выражении длительного действия в предложении: *Она _____ домашние задания два часа. (делать/сделать)* только четыре студента из 100 человек допустили ошибку, в других предложениях, содержащих подобные индикаторы (*весь урок, всё лето, целый день*), указывающие на длительность действия, ошибки многочисленны. Возьмём один исключительный пример из них: *Сегодня весь урок преподаватель _____ новый текст. (объяснять/объяснить)* в этом предложении количество ошибок достигло 27%. В этих случаях нельзя говорить о влиянии родного языка, так как значение процессуальности усваивается легче, чем других значений НСВ, помогает наличие формального показателя — обстоятельства времени. Незнание правил касается и выражения повторяемости, форм императива и инфинитива.

Есть случаи, когда индикаторы, которые призваны облегчать выбор видовой формы, мешают, вернее, могут создавать путаницу. Как уже отмечалось, студенты часто не знают правил выбора вида, им не всегда ясно, какой вид глагола требуют индикаторы. Такие индикаторы, как *много раз, три раза, несколько раз* они сочетают

с глаголами в связи при выражении повторяющегося действия они допустили маленькое количество ошибок, а в суммарном значении именно эти индикаторы и заставили их вместо СВ выбрать НСВ.

Одной из главных причин ошибок является не столько плохое усвоение видовых значений, сколько элементарное незнание форм НСВ и СВ, т.е. в некоторых случаях студентам не ясно, какая форма является НСВ и какая — СВ из видовых пар глагола. Например, в случае видовых пар, образуемых с помощью префиксации, учащиеся легко выбирают тот или иной вид глагола, а в случае супплетивного способа образования видовых пар как *брать-взять, ловить-поймать, говорить-сказать*, студенты сталкиваются с большими трудностями при выборе вида глагола.

Еще некоторые ошибки, с первого взгляда, оказываются весьма нелогичными, необъяснимыми с точки зрения видовых значений, например, *кто входило, ребенок ответят, нравилось рассказы, рабочие построил, он всё вам разьясню, студенты писают, кто закрыло и т.д.* Здесь во многом эти ошибки скорее результата невнимательности студентов, чем незнания спряжения глаголов или согласования сказуемого с подлежащим.

Некоторые результаты теста оказались достаточно неожиданными. Как известно, на правильность выбора того или иного вида естественным образом должен был влиять уровень знания русского языка китайских студентов. Но на самом деле, это не так, что доказывает результат теста. Мы специально провели тест у студентов второго и третьего курса, которые учатся в Синьцзянском университете, Синьцзянском сельскохозяйственном университете и Синьцзянском педагогическом университете.

При сравнении результата теста, мы заметили, что студенты второго курса допустили гораздо меньше ошибок, чем студенты третьего курса. Мы в то же время провели тест и у третьекурсников из разных вузов Китая, которые приехали на стажировку в Россию в Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина. Их результаты оказались также не лучше результатов студентов второкурсников из университетов в Синьцзяне.

А результаты теста тех, кто учился русскому языку много лет в России, тоже не очень впечатляющие, можно сказать, иногда даже хуже. Они тоже совершали ошибки при выборе вида в основных значениях, где мы не ожидали ошибок, и даже у некоторых из них возникли проблемы со спряжением глагола, например, не знают, как спрягать глагол *рассказать*, и, как следствие, форма его императива получается **расскайте*. Подобные ситуации наблюдаются и у глаголов *переодеться*, его форма императива получается **переоденитесь*.

Всё это свидетельствует не только о недостаточной обученности студентов, но и о том, что после интенсивного обучения грамматике в первые два года, как выше уже было сказано, у студентов больше нет занятий по грамматике, и через какое-то время студенты забывают правила употребления видов глаголов. Вот почему третьекурсники, которые на третьем году учатся в России, допустили меньше ошибок, чем третьекурсники, которые учатся в Китае. Те, кто приехал на стажировку в Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, обязательно проходят специальный курс по грамматике русского языка с лекциями на тему видов глагола. Иначе говоря, организованная в Институте программа обучения русской грамматике в какой-то степени помогает студентам вспомнить грамматические знания о видах глагола и закрепить их в процессе специальной тренировки.

Но следует отметить, что у студентов навык использования видов и языковое чувство даже в результате длительного обучения так и не достигает уровня достаточной сформированности. Проблема не в студентах, а, во-первых, в сложности самой темы, во-вторых, в методе обучения. Мы считаем, что курс изучения вида должен быть достаточно продолжительным, так как прочные и устойчивые навыки правильного употребления видов формируются только в результате постепенной и регулярной работы над видами глагола, совершаемой в течение длительного времени.

Как уже было показано, в китайской грамматике отсутствуют самостоятельные грамматические категории вида и времени. Схожие видо-временные значения выражаются синтаксическими и лексико-грамматическими средствами, поэтому необходима специальная методика по формированию навыков использования видов глагола в китайской аудитории. Результаты проведенной работы могут послужить отправным пунктом для определения не только содержания упражнений по обучению видам глагола, но и для выработки методических рекомендаций к ним. Объяснения преподавателя, методические указания должны помогать учащемуся как бы чувствовать ситуацию, определять «сигналы», ориентиры действия. Они во многих случаях прямо указывают на его характер, который как раз и отражается в видовом значении глагола. Собрать эти ориентиры, сформулировать правила, помогающие определить обозначаемое действие — прямая задача авторов пособий и преподавателей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бондарко А.В.* Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии. СПб., 1996.
2. *Ва Ли.* Грамматика современного китайского языка. Т. I. Шанхай, 1955.

3. Гун Цяньянъ. О системе выражения темпоральности и времени в современном китайском языке // Филология китайского языка. 1991. № 4. С. 251–261.
4. Караванов А.А. Виды русского глагола: значение и употребление. Практическое пособие для иностранцев, изучающих русский язык. 2-е изд. М., 2003.
5. Падучева Е.В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.
6. Петрухина Е.В. Русский глагол: категории вида и времени (в контексте современных лингвистических исследований): Учебное пособие. М., 2009.
7. Рассудова О.П. Виды глагола на начальном этапе // Русский язык за рубежом. 1975. № 4. С. 50–52.
8. Чжан Цзяхуа. Современная русская аспектология. Пекин, 2004.
9. Чэнь Готин, Чэнь Линь. Об аспектуальности и темпоральности китайских глаголов // Язык и наука. 2005. № 4. С. 22–33.

Wang Xuemei

EXPERIMENTAL VERIFICATION OF PREDICTED FAILURES IN THE USE OF RUSSIAN VERB TYPES BY CHINESE STUDENTS

Xinjiang University, Urumqi, China; qiqigemijia@163.com

Abstract: In Chinese, verb aspect is expressed by verbs in combination with various linguistic means. Based on the difference between the verb aspect system of Russian and Chinese languages and the possible expressions of verb aspect in Russian, this paper aims to predict possible errors in the use of Russian verb aspect. In order to check the correctness of our analysis, a special diagnostic test was conducted. The test results show that the errors made by Chinese students primarily do not stem from the influence of their native language, but from the fact that students are not able to assess the situation, cannot find or even see certain reference points, available signals, directly indicating the use of this or that verb aspect. Errors are explained by elementary ignorance of the verb forms, especially in such cases as *брать — взять, ловить — поймать* and ignorance of the formation of the verb form itself, for example, the formation of the imperative form, etc. This is the result of insufficient training of students. In this case, the problem is not in students, but, firstly, in the complexity of the topic itself, and, secondly, in the method of teaching. We believe that it is necessary to give students a clear scheme of verb aspect meanings and identify those signals that can help students choose the type of a verb adequate to the situation of communication; the course of studying the verb aspect should be long enough, because strong and stable skills of the correct use of verb aspect are formed only as a result of gradual and regular work on the types of the verb, made over a long period of time. The results of this work can also serve as a starting point for determining not only the content of verb types teaching exercises, but also for developing methodological recommendations for them.

Key words: experimental verification; the use of verb aspect forms by Chinese students; errors in the use of verb types; cause of errors; test results

Funding: This research has been supported by the Ph.D. Start-up Fund program.

For citation: Wang Xuemei (2024). Experimental verification of predicted failures in the use of Russian verb types by Chinese students. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, no 3 (27), pp. 136–148. (In Russ.)

About the author: Wang Xuemei — PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor, Faculty of Russian Language, Institute of Foreign Languages, Xinjiang University; qiqigemijia@163.com.

REFERENCES

1. Bondarko A.V. 1996. *Problemy grammaticheskoi semantiki i russkoi aspektologii* [Problems of grammatical semantics and Russian aspectology]. St Petersburg, Sankt-peterburgskij Gosudarstvennyj universitet. (In Russ.)
2. Va Li. 1955. *Grammatika sovremennogo kitaiskogo yazyka* [Contemporary Chinese Grammar]. T. I. Shankhai. (In Chinese)
3. Gun Tsyang'yan'. 1991. O sisteme vyrazheniya temporal'nosti i vremeni v sovremen-nom kitaiskom yazyke [On the system of expressing temporality and time in modern Chinese]. *Filologiya kitaiskogo yazyka*, no. 4, pp. 251–261. (In Chinese)
4. Karavanov A.A. 2003. *Vidy russkogo glagola: znachenie i upotreblenie. Prakticheskoe posobie dlya inostrantsev, izuchayushchikh russkii yazyk*. [Types of the Russian verb: meaning and use. A practical guide for foreigners studying Russian]. 2-e izd. Moscow, Russkii yazyk kursy. (In Russ.)
5. Paducheva E.V. 1996. *Semanticheskie issledovaniya: Semantika vremeni i vida v russkom yazyke. Semantika narrativa*. [Semantic research: Semantics of time and aspect in Russian. The semantics of narrative] Moscow, Shkola Yazyki russkoi kul'tury. (In Russ.)
6. Petrukhina E.V. 2009. *Russkii glagol: kategorii vida i vremeni (v kontekste sovremennykh lingvisticheskikh issledovaniy). Uchebnoe posobie*. [Russian verb: categories of aspect and tense (in the context of modern linguistic research). Tutorial]. Moscow, Moskovskij Gosudarstvennyj universitet. (In Russ.)
7. Rassudova O.P. 1975. *Vidy glagola na nachal'nom etape* [Types of the verb at the initial stage] // *Russkii yazyk za rubezhom*. no. 4, pp. 50–52. (In Russ.)
8. Chzhan Tsyakhua. 2004. *Sovremennaya russkaya aspektologiya* [Contemporary aspectology of the Russian language]. Pekin: izd-vo: Vysshee obrazovanie. (In Chinese)
9. Chen' Gotin, Chen' Liin'. 2005. *Ob aspektual'nosti i temporal'nosti kitaiskikh glagolov* [On aspectuality and temporality of Chinese verbs]. *Yazyk i nauka*, no. 4, pp. 22–33. (In Chinese)

Статья поступила в редакцию 02.02.2024;
одобрена после рецензирования 02.03.2024;
принята к публикации 08.04.2024;

The article was submitted 02.02.2024;
approved after reviewing 02.03.2024;
accepted for publication 08.04.2024

ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ

Ю.С. Овчинникова

АНТИЧНЫЙ МИФ В АФРО-БРАЗИЛЬСКОМ КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

(НА МАТЕРИАЛЕ ФИЛЬМА «ЧЕРНЫЙ ОРФЕЙ» М. КАМЮ)

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; julia.barkova@gmail.com*

Аннотация: Статья посвящена исследованию особенностей интерпретации античного мифа в афро-бразильском культурном пространстве на материале фильма «Черный Орфей» М. Камю, снятого по пьесе В. дэ Мораэса «Орфей из Консейсана». Прослеживаются истоки обращения к античному мифу в творчестве Мораэса и Камю, выявляется связь с французской драматургической традицией и кинематографом. Камю трансформирует античный сюжет сквозь призму культуры афро-бразильского населения Рио-де-Жанейро — жителей фавел. Фильм выводит на первый план музыкальную составляющую мифа, с помощью которой раскрывается своеобразие афро-бразильской традиции и карнавальных практик Латинской Америки. Орфей в фильме выступает как водитель трамвая, певец и лидер школы самбы. Его образ соединяет дионисийское начало (карнавальная традиция, в которую «вписан» Орфей) и аполлоническое (выражаемое лирическими песнями и культурными кодами боссановы). Карнавальное «выстраивание» мифологической реальности позволяет прикоснуться к духовным пластам афро-бразильской традиции — синкретичному культу кандомбле. Пространство обряда макумбы символизирует Царство Аида, в котором диалог с Эвридикой осуществляется посредством музыкальной магии, «открывающей» двери между мирами. Прохождение через Царство Мертвых представляет испытание, в котором герой умирает и возрождается в новом качестве: в финале Орфей «передает» свой музыкальный дар мальчику, символически обретая в нем новую жизнь. Интерпретация античного сюжета в пространстве афро-бразильских карнавальных практик способствует раскрытию цивилизационной специфичности Латинской Америки и Орфея как «вечного образа», воплощающего божественный дар любви, магию музыки, вечного бытия через смену форм.

Овчинникова Юлия Сергеевна — кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры сравнительного изучения национальных литератур и культур факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; julia.barkova@gmail.com

Ключевые слова: античный миф; афро-бразильское культурное пространство; Черный Орфей; Марсель Камю; Винисиус дэ Мораэс; карнавал; этно-музыкальные коды; французское кино

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-27-3-11

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Для цитирования: Овчинникова Ю.С. Античный миф в афро-бразильском культурном пространстве (на материале фильма «Черный Орфей» М. Камю) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 27. № 3. С. 149–158.

Вторая половина XX в. ознаменовалась усилением роли мифа в мировом художественном пространстве. Распад колониальной системы и рост самосознания народов «Третьего мира» способствовали тому, что подключившиеся к мировому процессу народы обратились к осмыслению своих корней, к выработке собственного художественного языка с опорой на автохтонный миф. В европейском художественном пространстве возрос интерес не только к античной мифологии, но и к архаическим пластам внеевропейских культур. Фильм французского кинорежиссера М. Камю «Черный Орфей» (1959) представил адаптацию мифа об Орфее в пространстве бразильского карнавала. В 1959 г. на Каннском кинофестивале фильм получил Золотую пальмовую ветвь, а в 1960 — премии «Оскар» и “Globo de Oro”.

Каковы истоки появления в творчестве французского кинорежиссера фильма, посвященного интерпретации античного мифа в афро-бразильском культурном пространстве? В качестве сюжетной основы М. Камю взял пьесу «Орфей из Консейсана» (1954) бразильского драматурга В. дэ Мораэса. Его жизнь соединяла культурное пространство Америки и Европы: он изучал право в Рио-де-Жанейро, литературу — в Оксфордском университете; работал в Министерстве иностранных дел Бразилии. Его дипломатическая служба проходила в США, во Франции, в том числе в ранге посла. Пьеса Мораэса следует французской драматургической традиции обращения к античной мифологии (восходящей к А. Жиду и его «Трактату о Нарциссе», 1891). По всей вероятности, Мораэс был знаком с пьесами «Орфей» Ж. Кокто (1925), «Эвридика» Ж. Ануя (1941). Термин «Черный Орфей» впервые в литературу ввел Ж.-П. Сартр в предисловии к книге Л. Сенгора «Антология новой негритянской и мальгашской поэзии» (1948). Сартр использует этот термин для описания существенных элементов поэзии *негритюда*, назвав негритянскую поэзию «орфической»: «неутомимое погружение негра в себя напо-

минает мне об Орфее, который отправляется в путь, чтобы забрать Эвридику у Плутона <...>. Достигая глубокой лиричности, черный поэт создает великую коллективную поэзию: говоря о себе, он говорит от имени всех негров <...>. Когда он кажется задушенным змеями нашей культуры, он становится в высшей степени революционным, поскольку берется систематически разрушать приобретенные европейские знания. И это духовное разрушение символизирует великое будущее» [Sartre, 1976: 22]. Сартр рассматривает миф об Орфее в культурном контексте так называемого Третьего мира. Название фильма М. Камю наследует идею широкой межкультурной интерпретации сюжета в художественном пространстве Бразилии с африканской культурной доминантой. Саундтрек, созданный А.К. Жобимом, Л. Бонфа и Ж. Жилберту, способствовал популяризации жанра босса-новы, чьи синкопы вскоре вошли в джазовый канон. «Черный Орфей» — «фильм размером с континент»¹, где главные роли исполняли чернокожие актеры, — стал мировой сенсацией и символом Бразилии в европейско-американском сознании второй половины XX в.

Специфика воплощения античного мифа в сюжете фильма.

Фильм «Орфей» (1950) Ж. Кокто начинается со слов: «Где происходит наша история и в какое время? Привилегия легенд — быть вне времени»². М. Камю также обращается к Орфею как «вечному образу», трансформируя канонический сюжет сквозь призму культуры афро-бразильского населения Рио-де-Жанейро — жителей *фавел* (трущоб). В процессе создания фильма Камю демонстрирует глубокое погружение в культуру афро-бразильцев, привлекая к съемкам много непрофессиональных актеров, чтобы придать картине этнический колорит и аутентичность. Важную роль в фильме играет народная речь и жаргон. Через обращение к элементам античного мифа Камю показывает этнокультурное своеобразие карнавальных практик Латинской Америки и глубокую музыкальность афро-бразильцев.

Согласно сюжету фильма, накануне карнавала прекрасная девушка Эвридика приезжает в Рио-де-Жанейро к своей кузине Серафине. Повсюду звучит самба, создающая неповторимую атмосферу карнавала. Эвридика знакомится с Орфеем — водителем трамвая, певцом и лидером школы *самбы*. Они влюбляются друг в друга, погружаются в головокружительный транс карнавала, который приводит сюжет к трагической развязке. Во время празднества мотив

¹ Черный Орфей. Трейлер. URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/7723/video/> (дата обращения: 23.01.2024).

² Кокто Ж. Орфей (1950). URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/56821/> (дата обращения: 23.01.2024).

о преследовании Эвридики Аристеом преобразуется в ревностное поведение Миры (девушки, с которой помолвлен Орфей) и в преследование мужчиной, одетым в костюм скелета (символ Смерти). Эвридика умирает на трамвайной станции от укуса «огненной» змеи — электропровода, за который она хватается в надежде спастись. Орфей, желая помочь Эвридике, выключает питание и убивает ее электрическим током, и, вступая в схватку со Смертью, теряет сознание. Когда Орфей приходит в себя, он отправляется на поиски возлюбленной, которые приводят его к темной винтовой лестнице, уходящей глубоко вниз (мифологический спуск в Подземный мир). Вход в помещение, где проводится церемония *макумба* афро-бразильского культа *кандомбле*, охраняется собакой (отсылка к образу Цербера в царстве Аида). В кульминационный момент церемонии в тело старухи-медиума входит душа Эвридики и говорит с Орфеем. Тот хочет обернуться, но Эвридика предупреждает, что, сделав это, он потеряет ее навсегда. Орфей оборачивается и видит старуху. В результате дальнейших поисков он забирает тело Эвридики из морга. Мотив смерти героя от вакханок воплощается через Миру, которая, увидев Орфея с Эвридикой на руках, бросает в него камень — Орфей падает со скалы и погибает. Души влюбленных соединяются по ту сторону жизни, ведь любовь — космическая сила, принадлежащая пространству вечности.

Культурные доминанты афро-бразильской традиции в фильме. Пространство афро-бразильской традиции представлено через ряд культурных доминант. Одна из них — *карнавал* в Рио-де-Жанейро, в котором сосредоточивается «цивилизационная специфичность латиноамериканской праздничной традиции, а также состояние и уровень сформированности нового цивилизационного типа» [Земсков, 2002: 11]. Карнавал в Латинской Америке — обряд и способ реализации общественных упований, через который народ переживает и «достраивает» свою идентичность. В бразильском карнавале, в отличие от европейского, вместо идеи внесения временного хаоса в упорядоченную картину мира происходит выстраивание «должного» образа мира; его онтологический смысл — «устремленность к горизонту утопии», к внешнему идеальному модусу, «вынесенному за пределы бытия и дающему возможность пережить его целостность» [Гирич, 2018: 64–67]. Аутентичное, музыкально-наполненное, обрядово-мифологическое пространство карнавала дает возможность М. Камю не только органично «вписывать» в него античные мифологемы, но и давать им новую «инкарнацию» через «живые» афро-бразильские практики. Карнавальное «выстраивание» мифологической реальности на основе античного

сюжета позволяет прикоснуться к сущностным пластам бразильской культуры, определяющим ее аксиологическую направленность.

Духовную основу жизни афро-бразильцев составляют синкретические культы, в частности, *кандомбле*, соединяющий религиозно-магические представления африканских народов (йоруба и банту) и элементы внешне воспринятого католицизма. В основе культа — поклонение сверхъестественным антропоморфным божествам *ориша*, которые олицетворяют космические и природные силы, управляют миропорядком и судьбами людей. Среди почитаемых ориша — Обатала (представляющий животворные силы природы), Шанго (повелитель грома и молний), Иеманжа (владычица вод), Огун (покровитель воинов). Помимо ориш, в кандомбле почитаются *эггуны* (души умерших предков). В фильме «Черный Орфей» *террейру* (место, где проводится *макумба*) становится символом Царства Аида, в котором осуществляется «общение» с душой Эвридики. Как и в античном мифе, диалог по ту сторону смерти оказывается возможным с помощью музыки: обрядовые песнопения, танцы под аккомпанемент барабанов *атабаки*, песня-молитва Орфея привлекают душу Эвридики. В традиционных практиках музыка и слово синкретичны; магия задается ритмическими, повторяющимися конструкциями, танцевальными движениями, приводящими к трансу [Вашенко, 2008: 111], открывающему «двери» для диалога между мирами.

Этномузыкальные коды в фильме. Связующим звеном между жизнью *фавел*, карнавалом и античным мифом становится музыка. Начиная с первого кадра, на котором представлен снимок античного рельефа, этномузыкальные коды [Овчинникова, 2022] соединяют нити сюжета. «Живой пульс» Рио-де-Жанейро пронизывает фильм и создает его целостность благодаря музыке, исполняющейся героями, прохожими, карнавальными группами. Орфей выступает и как талантливый музыкант, и как представитель бедноты, социокультурного пространства *фавел*. По одной из версий, его имя происходит от *órhphē* и переводится с греческого как «смуглый» (что соотносится с «черным» цветом кожи бразильского Орфея); по другой, оно происходит от *orphanós* (сирота) (беднота фавел напоминает об аскезе в орфических практик Древней Греции); по третьей — оно состоит из *auor* (свет) и *rophae* (исцеление), т.е. «исцеляющий светом» (Орфей вызывает пением восход, начало нового дня, несущего перемены). В начале фильма герой забирает гитару из ломбарда; голуби в клетке указывают на ограничения его жизненных обстоятельств. Будучи символом бедности и культурной изоляции, *фавелы* в лице героя становятся мощной «творческой силой, выходящей далеко за рамки городского пространства <...>

и символизирующей измерение изначальной жизненности, эроса и творчества» [Schliephake, 2016: 125].

Образ Орфея в фильме можно интерпретировать как этномузыкальный код, выражающий «культурную силу» бразильской традиции: он не только водитель трамвая, но и лидер школы *самбы*. Орфей выступает и как творец, и как хранитель музыкальных традиций. Функция хранителя реализуется через участие Орфея в танцевальных практиках карнавала, воплощающих этномузыкальный код *бразильской самбы*. Её ритмико-музыкальные особенности (преобладающая роль ударных и пения, полиритмия и полиметрия, принцип повторности, импровизационность, антифонная форма «вопроса и ответа»), кодифицирующие элементы архаичного миропонимания, придают карнавалу характер обрядового действия.

Музыкально-творческая роль Орфея в фильме воплощается через его *песни и пение*, которые отличаются и символически противопоставляются «громкой», танцевальной *самбе*. Пение Орфея характеризуется бархатным тембром голоса, изысканной, полуразговорной интонацией, *saudade* — многозначным культурным кодом *босса-новы* и бразильской культуры в целом (литературы, поэзии, живописи). *Saudade* включает чувства, переживания, воспоминания. Ряд исследователей рассматривает *saudade* как наследие колониальной культуры, выражающееся «в печали жен и детей первооткрывателей, которые оставили их; в тоске и ностальгии колонистов по родной стране, которую вновь увидят лишь немногие; в отчаянии чернокожих рабов и бразильцев, оплакивающих свою судьбу» [Нагорнова, 2015: 78].

Песня «*Утро карнавала*», созданная Л. Бонфа в стиле босса-новы, вскоре после выхода фильма «Черный Орфей» станет мировым шлягером и символом Бразилии, как позже «Сиртаки» М. Теодоракиса из фильма «Грек Зорба» Н. Казандзакиса (1964) — визитной карточкой Греции. Во время исполнения Орфеем песни «Утро карнавала», написанной для грядущего праздника, прошлое и будущее «меняются местами»: светлая грусть *saudade* переживается еще до наступления предстоящего события. Светлой грустью наполнена и другая песня-символ, написанная А.К. Жобимом: «У грусти нет конца, а у счастья есть» (“*Tristeza não tem fim, felicidade sim*”). Счастье хрупко и коротко, поэтому в нем не может не быть светлой грусти: оно, «словно перышко, парящее в воздухе и подгоняемое ветром» (“*a felicidade é como a pluma aue o vento vai levando pelo ar*”), «словно капля росы на лепестке цветка, что блестит, тихо дрожит и падает слезой любви» (“*A felicidade é como a gota de orvalho numa pétala de flor. Brilha tranquila depois, de leve oscila e cai como uma*

lágrima de amor”), словно «великая иллюзия карнавала» (“parece a grande ilusão do carnaval”), который закончится.

Неотъемлемый атрибут Орфея — лира — предстает в образе *гитары*, с помощью которой герой творит музыкальную магию, призывая солнце как начало нового дня. Юные друзья обращаются к Орфею с вопросом: правда ли он может своей музыкой вызывать рассвет солнца? Получив утвердительный ответ, они просят гитару, чтобы попробовать это сделать самим. Но Орфей ее не отдает, обращая внимание на надпись на деке «Орфей — мой маэстро»: «Этот Орфей жил задолго до моего рождения. И когда я умру, на мое место придет другой Орфей. Но сейчас я единственный!» Разные эпохи и культуры рождают своего Орфея, открывая его новые грани и не исчерпывая их до конца. Орфей предстает особым для всех, кто его встречает: «... каждая встреча рождает его заново, пока не становится ясным, что уязвимое человеческое существо всё еще несет в себе первичное ядро: пульс творения и песню жизни — тогда, сейчас и всегда» [Wroe, 2011: 5]. После гибели Орфея его гитару спасает мальчик, который вызывает музыкой солнце и получает имя Орфей.

Завершая анализ особенностей интерпретации античных мифологем в афро-бразильском культурном пространстве на примере фильма М. Камю, сделаем некоторые выводы.

1. Актуализация античного сюжета в фильме имеет двусторонний «резонанс» — в пространстве как западной культуры (раскрываются новые оттенки и смыслы античных культурных кодов), так и афро-бразильской (выявляется и осмысливается ее своеобразие), что свидетельствует о «культурной мобильности мифа» [Schliephake, 2016: 125] и мифологических структур в целом. Переплетение разных этнокультурных элементов становится возможным благодаря обращению к универсальным мифологическим категориям — оппозиции порядка и хаоса, связи жизни и смерти, времени и пространства, мужского и женского, видимого и сущего, которые позволяют «проживать» сюжет об Орфее на двух уровнях — «возможной» и «действительной» культуры, культуры как «идеи общего или личного существования» и конкретной культуры как «тела» этой идеи, ее осуществления [Шпенглер, 1998: 117].

2. Фильм М. Камю выдвигает на первый план музыкальную составляющую античного мифа. Образ Орфея помог выявить глубинную суть афро-бразильской традиции — ее синкретичную музыкальность, вокруг которой выстраиваются все другие проявления культуры. В фильме М. Камю образ Орфея раскрывается через два начала. Дионисийское — начало карнавала, афро-бразильская культура, в которую «вписан» Орфей (как ведущий танцор, как носитель этномызыкальных кодов традиции, проявляющейся в преобладании

ударных инструментов, полиритмии самбы, танцевально-двигательного компонента и др.). Аполлоническое начало выражается лирическими песнями Орфея в стиле босса-новы, мягким тембром голоса, гитарой как струнным инструментом (близким к лире), любовью к скромной Эвридике (противопоставленной буйной Мире). Соединяя в себе оба начала, Орфей преодолевает дионисийское пространство карнавала, направляя его к духовной вертикали — к аполлонической сути жизни и творчества. Суть бразильской культуры в фильме — ее дионисийское содержание и орфическая направленность.

3. Широкая межкультурная интерпретация сюжета об Орфее показывает его инициационную направленность. Путешествие в Царство Смерти в пространстве афро-бразильского обряда *макумбы* представляет испытание, которое Орфей должен пройти, чтобы умереть и возродиться. В финале фильма он символически «передает» свой дар (вызывать рассвет солнца) мальчику, соседу по *фавелам*, обретая «новую» жизнь. Эвридикой становится девочка, танцующая под музыку юного Орфея. Поющие дети на восходе солнца — символ будущего бразильской культуры и культуры в широком вертикальном измерении, несущем возрождение через любовь, побеждающую смерть.

Как отмечает О.А. Комков, «человек существует на земле способом “окультуривания” всего внешнего и внутреннего: открытый простор внешнего мира и открытую неизведанность собственной души он старательно осваивает, делая их плодоносящей землей» [Комков, 2017: 142]. В фильме М. Камю афро-бразильская культура стала той самой «плодоносящей землей» в раскрытии Орфея как ипостаси человеческой души и как «вечного образа», воплощающего божественный дар любви, магию музыки, вечного бытия через смену форм. Ведь каждая культура и эпоха рождает героев, вызывающих своим внутренним светом солнце нового дня.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ващенко А.В. Священное действо в культуре и игра в цивилизации // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 3. С. 109–115.
2. Гирин Ю.Н. Латинская Америка: культура инаковости. М., 2018.
3. Земсков В.Б. Введение. Праздник в устойчивой и формирующейся цивилизациях // Iberica Americans. Праздник в латиноамериканской культуре. М., 2002. С. 6–18.
4. Комков О.А. К вопросу о концептуальных основаниях теории культуры // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 3. С. 136–145.
5. Нагорнова А.М. Бразильская босса-нова: *saudade* в песнях А.К. Жобима // Южно-российский музыкальный альманах. 2015. № 4(21). С. 77–82.

6. *Овчинникова Ю.С.* Этнокультурные интонационные коды музыкальных практик: опыт построения культурологической модели анализа // *Культура и цивилизация*. 2022. Т. 12. № 5-1. С. 412–420.
7. *Шпенглер О.* Закат Европы. Ростов н/Д, 1998.
8. *Sartre J.P.* *Black Orpheus*. P., 1976.
9. *Schliephake Ch.* *Orpheus in Black: classicism and cultural ecology in Marcel Camus, Samuel R. Delany and Reginald Shepherd* // *Anglia*. 2016. № 134(1). P. 113–135.
10. *Wroe A.* *Orpheus: The Song of Life*. London, 2011.

Julia S. Ovchinnikova

THE GREEK MYTH IN AFRO-BRAZILIAN CULTURAL SPACE

(STUDYING THE FILM “BLACK ORPHEUS” DIRECTED BY M. CAMUS)

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; julia.barkova@gmail.com

Abstract: The article focuses on the study of the peculiarities of interpretation of Greek myth in the Afro-Brazilian cultural space using the material of the film “Black Orpheus” directed by M. Camus, based on the play “Orfeu da Conceição” by Vinicius de Moraes. The author traces the origins of the appeal to the image of Orpheus in the works of Camus and Moraes, and reveals the connection with the French dramatic tradition and cinema. M. Camus transforms the Greek story through the prism of the culture of the Afro-Brazilian population of Rio de Janeiro — the inhabitants of the favelas. The film brings to the fore the musical component of the myth, with the help of which the originality of the Afro-Brazilian tradition and carnival practices of Latin America are revealed. Orpheus in the film appears as a tram driver, singer and leader of a samba school. His image combines the Dionysian principle (the carnival tradition into which Orpheus is “inscribed”) and the Apollonian (expressed in lyrical songs and cultural codes of bossa nova). The carnival “building” of mythological reality allows us to touch the spiritual layers of the Brazilian tradition — the syncretic cult of Candomblé. The space of the Macumba ritual symbolizes the Kingdom of Hades, in which dialogue with Eurydice is carried out through musical magic that opens doors between the worlds. The passage through the Kingdom of the Dead represents a rite of passage in which the hero dies and is reincarnated in a new form: in the finale, Orpheus “transfers” his musical gift to the boy, symbolically gaining new life in him. The interpretation of the ancient Greek plot in the space of Afro-Brazilian carnival practices helps to reveal the civilizational specificity of Latin America and Orpheus as an “eternal image” that embodies the divine gift of love, the magic of music, and eternal existence through a change of forms.

Keywords: Greek myth; Afro-Brazilian cultural space; Black Orpheus; Marcel Camus; Vinicius de Moraes; carnival; ethnomusical codes; French cinema

Funding: This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Preservation of the World Cultural and Historical Heritage”.

For citation: Ovchinnikova J.S. (2024). The Greek Myth in Afro-Brazilian Cultural Space (the Case of the Film “Black Orpheus” Directed by M. Camus). Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal, no 3(27), pp. 149–158. (In Russ.)

About the author: Julia S. Ovchinnikova — PhD in Culturology, Associate Professor of the Department of Comparative Literature and Culture, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; julia.barkova@gmail.com.

REFERENCES

1. Vashchenko A.V. 2008. Svyashchennoe deistvo v kul'ture i igra v tsivilizatsii [The role of religious rites in culture and the role of games in civilization]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 109–115. (In Russ.)
2. Girin Yu.N. 2018. *Latinskaya Amerika: kul'tura inakovosti [Latin America: culture of otherness]*. Moscow. (In Russ.)
3. Zemskov V.B. 2002. Vvedenie. Prazdnik v ustoichivoi i formiruyushcheisya tsivilizatsiyakh [Introduction. Celebration in sustainable and emerging civilizations]. *Iberica Americans. Prazdnik v latinoamerikanskoj kul'ture [Iberica Americans. Holiday in Iberoamerican culture]*. Moscow, pp. 6–18. (In Russ.)
4. Komkov O.A. 2017. K voprosu o kontseptualnykh osnovaniyakh teorii kultury [On the conceptual foundations of the theory of culture]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 136–145. (In Russ.)
5. Nagornova A.M. 2015. Brazil'skaya bossa-nova: saudade v pesnyakh A.K. Zhobima [Brazilian bossa nova: saudade in the songs by A.K. Zhobim]. *Yuzhno-rossiiskii muzykal'nyi al'manakh [South-Russian Musical Anthology]*, no. 4(21), pp. 77–82. (In Russ.)
6. Ovchinnikova Yu.S. 2022. Ehtnokul'turnye intonatsionnye kody muzykal'nykh praktik: opyt postroeniya kul'turologicheskoi modeli analiza [Ethnocultural intonational codes of musical practices: experience in building a cultural analysis model]. *Kul'tura i tsivilizatsiya [Culture and Civilization]*, vol. 12, no. 5-1, pp. 412–420. (In Russ.)
7. Shpengler O. 1998. *The Decline of the West*. Rostov n/D. (In Russ.)
8. Sartre J.P. 1976. *Black Orpheus*. Paris.
9. Schliephake Ch. 2016. Orpheus in Black: classicism and cultural ecology in Marcel Camus, Samuel R. Delany and Reginald Shepherd. *Anglia*, no. 134(1), pp. 113–135.
10. Wroe A. 2011. *Orpheus: The Song of Life*. London.

Статья поступила в редакцию 11.02.2024;
одобрена после рецензирования 11.03.2024;
принята к публикации 08.04.2024;

The article was submitted 11.02.2024;
approved after reviewing 11.03.2024;
accepted for publication 08.04.2024

ИНФОРМАЦИЯ И НАУЧНЫЕ ОБЗОРЫ

И.В. Моклецова, В.А. Разумовская

**РУССКАЯ ЖИВОПИСЬ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX в.
КАК ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
(Рецензия на книгу: *Копцева Н.П., Колесник М.А.,
Лещинская Н.М., Самарина Д.Н.* Русская культурная
идентичность в изобразительном искусстве XIX — начала
XX века. Часть 1: Монография. Красноярск: Красноярская
региональная общественная организация «Содружество
просветителей Красноярья», 2023. 124 с.)**

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; irvastmok@mail.ru
Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия; veronica_raz@hotmail.com

Аннотация: Статья представляет рецензию на коллективную монографию ученых Сибирского федерального университета — Копцевой Н.П., Колесник М.А., Лещинской Н.М., Самариной Д.Н. «Русская культурная идентичность в изобразительном искусстве XIX — начала XX века». Авторы рассмотрели особенности конструирования русской культурной идентичности в творчестве В.Г. Перова, И.Я. Билибина, М.В. Нестерова, Б.М. Кустодиева. Актуальность монографии заключается в том, что это первый опыт серии научной искусствоведческой и культурологической литературы «Русская культура». Научная новизна монографии состоит в проведении философско-искусствоведческого анализа религиозной философии как источника культурной идентичности, в обосновании новых теоретических понятий, таких как ареакритический и ареаромантический стиль. Результаты представленного труда вносят вклад в изучение процесса конструирования русской культурной идентичности с позиций богоискательства в произведениях изобразительно-го искусства конца XIX — начала XX в. Практическая ценность книги состоит в систематизации базового содержания русской культурной идентичности и установлении связи с ключевыми понятиями русской религиозной философии, в том числе идеями русского Православия, славянофильства,

Моклецова Ирина Васильевна — доктор филологических наук, профессор факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; irvastmok@mail.ru.

Разумовская Вероника Адольфовна — кандидат филологических наук, профессор научно-учебной лаборатории поведенческой экономики и развития коммуникаций Сибирского федерального университета; veronica_raz@hotmail.com.

концептом Софии — Премудрости Божьей в трактовке В.С. Соловьева, применении социологии воображения при изучении мифологии, символики, визуального восприятия живописи. Результаты книги могут быть применены в преподавании курсов по истории и теории русской культуры, а также при создании спецкурсов и программ, построенных на взаимосвязи культуры, философии, религиоведения и литературы.

Ключевые слова: конструирование идентичности; русская живопись; ареакритический и ареаромантический стиль; русская религиозная философия

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-27-3-12

Для цитирования: Моклецова И.В., Разумовская В.А. Русская живопись конца XIX — начала XX в. как отражение культурной идентичности (Рецензия на книгу: Копцева Н.П., Колесник М.А., Лецинская Н.М., Самарина Д.Н. Русская культурная идентичность в изобразительном искусстве XIX — начала XX века. Часть I: Монография. Красноярск: Красноярская региональная общественная организация «Содружество просветителей Красноярья», 2023. 124 с.) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 27. № 3. С. 159–169.

Копцева Н.П. — известный в России философ, культуролог, общественный деятель, исследователь культуры и искусства коренных малочисленных народов Севера. Копцева успешно руководит научной школой, направлением которой является изучение конструирования культурной идентичности, сложной идентичности, социологии воображения. Объектом изучения научной школы Сибирского федерального университета (далее и везде — СФУ) под руководством Копцевой является также этнокультурная история Красноярского края.

Полиэтнический состав края, формы культурного взаимодействия и взаимопроникновения, процессы трансформации этнической идентичности обращены к анализу реакции коренных народов, что отражает усиление интереса ученых и студентов, общественности к культуре народов края, освоению «новых способов ее осмысления и локализации своей этнической общности в условиях современности» [Дегтяренко, 2021]. Понятие «сложная идентичность» было сформировано в последней трети XX столетия в результате высоко-го междисциплинарного взаимопроникновения, способствовавшего установлению сложных форм идентичности и описанию ее роли как значимого фактора социальной динамики. Узкая направленность дисциплин, охвативших обзор и изучение сложной идентичности, была преодолена интеграцией в культурологическую перспективу в начале XXI в. Труды в области теории культуры, посвященные идентичности, поставили вопрос о ее исследовании в контексте современного культурного пространства и межкультурных отношений.

Этому вопросу посвящена работа Ю.С. Замараевой, выделившей в понятии «сложная идентичность» приоритеты исследования в соответствии с современными социально-культурными отношениями, практиками и процессами [Замараева, 2021].

Механизмы культурной памяти — как фактор обеспечения этнической идентичности в пространстве активного инокультурного воздействия — стали областью научных интересов другого представителя научной школы СФУ — К.А. Дегтяренко. Ученый считает, что знание о процессах этногенеза кетского народа в новом социально-культурном контексте позволяет выявить закономерности социально-антропологического развития коренных народов Арктической зоны Российской Федерации в условиях активной реиндустриализации Сибири.

Один из научных подходов рассматриваемой монографии был заложен в диссертации одного из ее авторов — М.А. Колесник. «Исследование конструирования культурной идентичности с точки зрения примордиализма, перенниализма, этносимволизма, модернизма и постмодернизма» [Колесник, 2016: 3] стало предпосылкой рассмотрения русской культурной идентификации и применения философско-искусствоведческого анализа произведений изобразительного искусства, выявления «эталонных образов», визуализирующих русскую культурную идентичность. Выбрав объектом изучения произведения И.Я. Билибина как поле систематизации содержательных элементов русской культурной идентичности, Колесник провела прикладное культурологическое исследование по методике «Серия тематических ассоциаций» А.И. Назарова и Р.В. Соколова со словом-стимулом «русское», что приобретает особую актуальность в работе с современной молодежной аудиторией.

Теоретико-методологическая база рассматриваемой книги и ее опора на философско-искусствоведческий и культурологический анализ произведений изобразительного искусства, использованный В.И. Жуковским, Н.П. Копцевой, Д.В. Пивоваровым, объясняет внимание к проведению авторами логических операций, таких как анализ, синтез, сравнение, интерпретация.

Вопросы культурологического (в том числе культурно-антропологического) изучения сложной идентичности, связанные с процессами этнокультурной идентификации и самоидентификации [Шпак, 2021], определили содержание первой книги, посвященной обзору концептуальных, методологических, культурологических и искусствоведческих течений в философии и теории искусства, а также анализу произведений В.Г. Перова, И.Я. Билибина, М.В. Нестерова, Б.М. Кустодиева, исследованию того, как зрительное восприятие отражает диапазон художественных стратегий, основанных

на визуальном представлении русской культурной идентичности. Концепции русского Православия, славянофилов, философские открытия В.С. Соловьева, идея всемирного смысла русского изобразительного искусства, исследовательская роль философско-социологических исследований воображения, принадлежащих в том числе членам интеллектуальной группы «Эранос», оказали влияние на методологическую основу описываемой книги.

Актуальность книги обусловлена установлением взаимосвязи философско-религиозных идей, формировавшихся на протяжении XIX века в России, с теми художественными процессами, которые испытали влияние богоискательства. Заявленная авторами цель книги связана с отражением и воплощением богоискательства, позволяющим восстановить процесс конструирования русской культурной идентичности в произведениях изобразительного искусства конца XIX — начала XX века. По мысли авторов, именно в этот период формируются образцы русской культурной идентичности. Отсюда принцип отбора произведений художников, в которых русская культурная идентичность получила качество репрезентативности. Так, картины В.Г. Перова, И.Я. Билибина, М.В. Нестерова, Б.М. Кустодиева анализируются с позиций образов, символов, обладания их статусом визуального понятия. Авторы реконструируют и изучают с применением понятий, образов и концептов Православия русскую культурную картину мира. Описание философских основ живописного формирования русской культурной идентичности потребовало от авторов обобщения результатов научных школ и направлений, мировых и отечественных теорий культурной идентичности. Внимание к философии искусства В.С. Соловьева, его трактовке «Софии — Премудрости Божьей» определило сквозную мысль книги. Она заключается в установлении связи особого качества русской философии с искусством, в том числе с литературой и живописью. Для философско-искусствоведческого анализа определяющими стали ключевые понятия русской религиозной философии — мораль, закон и нравственность.

Выявление за визуальными знаками представлений, характеризующих русскую культурную идентичность, основано на методике философско-искусствоведческого анализа, направленной на формирование у широкого круга зрителей, специалистов и обучающихся визуальных понятий. Эффективность философско-искусствоведческого анализа произведений русского изобразительного искусства обоснована в контексте связи богоискательства с формированием культурной идентичности. В качестве контекста определены тенденции, которые касаются сложной идентичности, этнической идентичности, конструирования русской культурной идентичности.

Религиозные аспекты русской живописи XIX в. рассматриваются как источник культурной идентичности. Анализ образов, символов, их плотского и духовного содержания, концептов богословия соотнесен с тенденциями русского православия, философскими школами славянофилов, «метафизикой единства» В.С. Соловьева и православным экзистенциализмом. Авторы предложили новое прочтение произведений русской живописи, ставших в известной степени каноническими в массовом культурном сознании. Так, трансполирование религиозного взгляда художников и проведение искусствоведческого анализа способствует не только выявлению философско-эстетических течений в русском изобразительном искусстве, но и пониманию обновления русской философской мысли.

Сравнение рецензируемой книги с опытом предшественников позволяет охарактеризовать ее актуальность, новизну и роль для дальнейшего развития культурологии, философии и теории искусства. Своеобразие религиозной тематики художников-передвижников — А.А. Иванова, Н.Н. Ге, И.Н. Крамского, А.М. Васнецова — определило тему книги Г.К. Вагнера «В поисках истины». По мысли автора, творчество этих художников созвучно программе и философии славянофилов, выдвигавших на одно из первых мест не столько догматический, сколько эпический момент в учении Христа. Вместе с тем на творчество этих живописцев глубокое воздействие имело творчество Л.Н. Толстого.

По справедливому замечанию авторов: «В советском искусствознании обсуждаются в основном проблемы авторского стиля и формирования мировоззрения художника» [Копцева и др., 2023: 19]. Характерная для советского этапа искусствознания направленность на обобщение справочной информации привела к тому, что творчество художников-передвижников было объектом изучения либо в аспекте жанра, либо в контексте визуализации острейших социальных проблем и вопросов XIX в. Авторы отмечают, что и поиски национальной культурной идентичности художниками в советское время проявлялись по-разному. Ученые систематизировали эти направления: влияние революционных настроений (произведения С.Т. Коненкова, агитфарфор А.В. Щекотихиной-Потоцкой), духовное противостояние (творчество М.В. Нестерова, П.Д. Корина), в духе поэтики социалистического реализма (мозаики П. Корина в московском Метрополитене). С 1960-х годов конструирование русской культурной идентичности осуществляют художники В. Попков, К. Васильев, А. Харитонов, В. Калинин.

Открывшаяся с постсоветским периодом возможность реконструкции духовно-православных истоков взглядов художников-передвижников создала для авторов книги предпосылки для вос-

становления лакун в истории философии, пересмотра сложившихся представлений о стилевых направлениях, обозначенных в дефинициях «ареаромантический» и «ареакритический», что способствует обновлению методологии теории искусства новыми терминами.

Традиционно место В.Г. Перова в русском изобразительном искусстве определяется ролью главы школы критического реализма. Стало своего рода общим местом понимание его таланта как прекрасного колориста, создателя бытового жанра, мастера психологического портрета. В искусствоведении получили признание работы, посвященные вопросам позднего творчества Перова, оценке художниками-современниками, специфике бытового жанра. Отмечая тот факт, что произведения Перова бытового жанра не стали предметом изучения с точки зрения философского и религиозного содержания, скрытого в них, авторы восполняют эту лакуну. Так, красноярские ученые анализируют вопросы богоискательства на примере картин, написанных не на религиозные, а на обыденные сюжеты: «Чаепитие в Мытищах близ Москвы» (1862), «Монастырская трапеза» (1865–1876), «Сельский крестный ход на Пасхе» (1862). Объектом рассмотрения стала картина «Сельский крестный ход на Пасхе» (1862). В основе ее трактовки сквозь призму обращения или возвращения человека к духовному началу, которое заключается в христианской вере, лежит новое прочтение аллегии, позволяющей увидеть привычный сюжет иначе, чем это было заложено в массовом культурном сознании в советский период. Сюжет картины прочитывается как жизненный путь любого человека, который на протяжении жизни может не только оступиться и падать (персонаж, лежащий под крыльцом), но и подниматься, подобно упавшему дякону и персонажу, голову которого поливает из кувшина женщина на крыльце. Авторы обнаруживают символический смысл и — соответственно — семиотическое содержание важных для идеи картины образов-знаков. Это дерево, выписанное художником позади постройки, из которой выходит вся процессия, и скворечник на высокой жерди, колокольня и дом. Предлагая такую трактовку, исследователи выявляют базовые концепты православия и идей религиозной философии как источника конструирования русской культурной идентичности. Важно отметить и наблюдения авторов над образом женщины как олицетворения абсолютного вселенского начала, культурно-символического выражения Истинного, Божественного, Прекрасного, Доброго. Ученые отсылают к известному определению В.С. Соловьева, назвавшего этот образ Софией — божественной мудростью.

Проведение анализа разных форм корреляции плотского и духовного в женских персонажах русской живописи простирается от конца XIX в. до начала XX столетия, от передвижников к «Миру

искусства». На примере картин «Купчиха за чаем» (1918) Б.М. Кустодиева, «Великий постриг» (1898) М.В. Нестерова, «Призраки» (1903) В.Э. Борисова-Мусатова, «Вихрь» (1906) Ф.А. Малявина формируется тезис исследователей о пограничности положения Софии, соединении в ней максимальной одухотворенности и предельной оплотненности, проявления одной составляющей через противоположную — «духа через плоть и плоти через дух» [Копцева и др., 2023: 26]. Характеризуя данные картины как ареаклассицистические произведения, ученые различают их по принципу различной меры соотношения плотского и духовного и объединяют их в качестве ареаклассицистического примера визуализацию соотношения плотского и духовного. Внимание обращено к системе знаков, раскрывающих духовное: пространство неба, храмы, а также к знакам, указывающим на плотское: пышнотелая дородная Купчиха, изображение обильно накрытого стола, гарцующего коня под балконом.

Анализ конструирования русской культурной идентичности в контексте семиотики Православия актуализирует и такие смыслы. Изображение богатства — красивого добротного дома, нарядной одежды, обильно накрытого стола (и даже самого тела Купчихи), понимаемое в значении дара Бога, предстает как форма, которую принимает в процессе эманации бесконечное абсолютное начало. Изображение земного плотского начала предстает как выражение божественного духовного содержания. Соответственно, изображение чаепития как процесса насыщения плоти, но понимаемого в значении принятия даров, данных Богом, создает такой трансформационный ряд: причастие как «принятие божественного, наполнение плоти духовностью ... плотское выступает в качестве знака духовного» [Копцева и др., 2023: 31]. Приведенный пример философско-искусствоведческого анализа картины «Купчиха за чаем» Б.М. Кустодиева не только плодотворен с позиции визуализации диалектики плотского и духовного, но и раскрытия одного из противоречий женского гендера, выражающего духовность через предельную телесность. Примененная авторами книги методика анализа художественного произведения воспроизводит этапы и формы конструирования русской культурной идентичности.

Богатство художественных стратегий в передаче плотского и духовного, отражающей множественность проявлений ареаклассицистического стиля, являет картина «Великий постриг» М.В. Нестерова. Исследователи подтверждают доминирование женского гендера семиотикой образов березы, осины, ели, которые аллегорически воплощают духовность, жертвенность, обладание глубоким внутренним миром как свойств женской натуры.

Расширение панорамы стилевых направлений представляет пример ареаромантического произведения, для которого типично доминирование духовности над телесностью. В качестве примера ученые приводят картину «Призраки» (1903) В.Э. Борисова-Мусатова. Обоснование представления об ареаромантическом стиле дополняется анализом картины «Вихрь» (1906) Ф.А. Малявина. Интерпретируя картину как преобразование предельного торжества буйства плоти в его противоположность — торжество духовности, авторы подчеркивают: здесь только намечено духовное начало. Оно содержит аллюзию на то, во что превратится телесность, достигшая своего предела. Ученые установили типологию женских образов в произведениях русских художников. Они, по наблюдениям исследователей, раскрывают различные грани дихотомии плотского и духовного — оплотнение духа и одухотворение плоти.

Объектом внимания ученых с позиций поэтики и русской народной сказки стали и картины И.Я. Билибина. Представление художника об устройстве мира и действиях человека в нем анализируется авторами в аспекте визуализации тонкости взаимопереходящих друг в друга границ миров, характерного для русской культуры женственного, внимательного, внутренне одухотворенного и освещенного подхода к познанию мира. На примере картины «Василиса Прекрасная уходит из дома Бабы Яги» показано, как загадки и тайны мира открываются через познание добра и зла, света и тьмы в их неразрывном единстве. Исследование сказочных образов в произведениях И.Я. Билибина убедило ученых в том, что русская культурная идентичность в структуре в большей степени соответствует режиму драматического ноктюрна в теории Ж. Дюрана. Подвижность и гибкость границ между жизнью и смертью, добром и злом, светом и тьмой объясняются учеными как тяготение Билибина к архетипам, которые стали источниками формирования представлений о том, «что есть русское, кто такие русские, каковы особенности русской культуры» [Копцева и др., 2023: 86].

Сравнительный анализ соотношения плотского и духовного, обнаружение архетипических смыслов и семиотики религиозно-духовного свойства стали основанием для введения в терминологический аппарат теории искусства такого стилистического явления, как *ареаклассицизм*. В качестве признаков этого стилевого направления авторы книги называют ясность и точность женских образов, детализацию внешности, фигуры, лица, нарядов, прически, различных аксессуаров. Сопоставление приведенных картин дало основание авторам обобщить такие признаки ареароманти-

ческого стиля, как размытость изображения, отсутствие четких границ, сложные цветовые сочетания в целях визуализации как предельного доминирования Духа, так и предельного доминирования плоти.

Выявление истоков русской культурной идентичности и систематизация философских основ живописного формирования русской культурной идентичности является новым в науке этапом изучения сложной идентичности. Методика философско-искусствоведческого анализа позволила авторам выявить и описать понятие репрезентативности культурной идентичности и установить связь между концептами православия и способами визуализации духовных образов-знаков и символов как источников национальной картины мира. Обобщение концептуальных, методологических, культурологических и искусствоведческих основ способствует расширению и уточнению идеи всемирного смысла русского изобразительного искусства. Анализ концепций богоискательства позволил реконструировать процесс формирования русской культурной идентичности в аспекте корреляции плотского и духовного, природы женского гендера. В терминологическое поле теории искусства и культурологии впервые вводятся понятия *ареаклассицизм* и *ареромантизм* как определения стилевых течений в русской живописи конца XIX — начала XX в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Дегтяренко К.А.* Культурная память и конструирование этнической идентичности коренных малочисленных народов Арктической зоны Российской Федерации (на материале анализа кетов) в конце XX — начале XXI вв.: Дисс. ... канд. культурологии. Красноярск, 2021. URL: <https://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/146661> (дата обращения: 01.06.2023).
2. *Замараева Ю.С.* Региональные культурные практики формирования сложных форм идентичности (на материале Красноярского края): Автореф. дисс. ... докт. культурологии. Красноярск, 2021. URL: <https://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/147071> (дата обращения: 01.06.2023).
3. *Колесник М.А.* Конструирование культурной русской идентичности: концептуальный и методологический подходы: Автореф. дисс. ... канд. философ. наук. Красноярск, 2016. URL: <http://www.dslib.net/teorja-kultury/konstruirovanie-russkoj-kulturnoj-identichnosti-nkonceptualnyj-i.html> (дата обращения: 12.04.2023).
4. *Копцева Н.П., Колесник М.А., Лецинская Н.М., Самарина Д.Н.* Русская культурная идентичность в изобразительном искусстве XIX — начала XX века. Ч. 1: Монография. Красноярск, 2023.
5. *Шнак А.А.* Культурные механизмы конструирования сложных идентичностей (на материале исследования регионов Сибирского федерального округа): Дисс. ... канд. культурологии. Красноярск, 2021. URL: <https://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/146642> (дата обращения: 05.04.2023).

Irina V. Mokletsova, Veronica A. Razumovskaya

RUSSIAN PAINTING OF THE 19th — EARLY 20th CENTURY AS A REFLECTION OF CULTURAL IDENTITY (Review of the Monograph by Koptseva N.P., Kolesnik M.A., Leshchinskaya N.M., Samarina D.N. “Russian Cultural Identity in the Fine Arts of the 19th — early 20th Centuries. Part 1”. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk regional public organization ‘Sodruzhestvo prosvetitelej Krasnoyar’ya’, 2023. 124 p.)

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; irvasmok@mail.ru
Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia; veronica_raz@hotmail.com*

Abstract: The article is a review of the collective monograph authored by the Siberian Federal University scholars — Koptseva N.P., Kolesnik M.A., Leshchinskaya N.M., Samarina D.N. “Russian cultural identity in the Fine Arts of the 19th — early 20th century”. The researchers examined the features of Russian cultural identity construction in the works by V.G. Perov, I.Ya. Bilibin, M.V. Nesterov and B.M. Kustodiev. The relevance of the book lies in the fact that it is the first of its kind in the series of scientific art criticism and cultural literature “Russian Culture”. The scientific novelty of the monograph consists in the philosophical and art criticism analysis of religious philosophy as a source of cultural identity, in the substantiation of new theoretical concepts such as area-critical and area-romantic styles. The results of the presented work contribute to the study of the process of constructing Russian cultural identity from the standpoint of God-seeking in works of fine art of the late 19th — early 20th centuries. The practical value of the book lies in the systematization of the basic content of Russian cultural identity and the establishment of a connection with the key concepts of Russian religious philosophy, including the ideas of Russian Orthodoxy, Slavophilism, the concept of Sophia — the Wisdom of God in the interpretation of V.S. Solovyov, the application of the sociology of imagination in the study of mythology, symbolism, semiotics of signs, visual perception of painting. The results of the research outlined in the book can be used in teaching courses on the history and theory of Russian culture as well as in the creation of special courses and programmes based on the relationship between culture, philosophy, Religious Studies and literature.

Key words: identity construction; Russian painting; area-critical and arearomantic style; Russian religious philosophy

For citation: Mokletsova I.V., Razumovskaya V.A. (2024) Russian Painting of the 19th — Early 20th Century as a Reflection of Cultural Identity (Review of a Monograph by Koptseva N.P., Kolesnik M.A., Leshchinskaya N.M., Samarina D.N. “Russian Cultural Identity in the Fine Arts of the 19th — early 20th Centuries. Part 1”. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk regional public organization ‘Sodruzhestvo prosvetitelej Krasnoyar’ya’, 124 p.). *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, no 3(27), pp. 159–169. (In Russ.)

About the authors: Irina V. Mokletsova — Dr. Habil in Philology, Professor of the Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State Univer-

sity; irvasmok@mail.ru; *Veronica A. Razumovskaya* — PhD in Philology, Professor of the Research-Academic Laboratory of Behavioral Economics and Communications Development, Siberian Federal University; veronica_raz@hotmail.com.

REFERENCES

1. Degtyarenko K.A. 2021. *Kul'turnaya pamyat' i konstruirovaniye etnicheskoy identichnosti korennykh malochislennykh narodov Arkticheskoy zony Rossijskoy Federacii (na materiale analiza ketov) v konce XX — nachale XXI vv.* [Cultural Memory and Construction of the Ethnic Identity of the Indigenous Small-numbered Peoples of the Arctic zone of the Russian Federation (Based on the Analysis of the Kets) in the Late 20th — Early 21st Centuries]. PhD thesis. Krasnoyarsk: Siberian Federal University. URL: <https://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/146661> (accessed: 01.06.2023). (In Russ.)
2. Zamaraeva Yu.S. 2021. *Regional'nye kul'turnye praktiki formirovaniya slozhnykh form identichnosti (na materiale Krasnoyarskogo kraja)* [Regional Cultural Practices in the Formation of Complex Forms of Identity (on the Material of the Krasnoyarsk Krai)]. Doct. diss. thesis. Krasnoyarsk: Siberian Federal University. URL: <https://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/147071> (accessed: 01.06.2023). (In Russ.)
3. Kolesnik M.A. 2016. *Konstruirovaniye kul'turnoj russkoj identichnosti: Konceptual'nyi i metodologicheskiy podhody* [Constructing of Russian Cultural Identity: Conceptual and Methodological Approaches]. PhD thesis. Krasnoyarsk: Siberian Federal University. URL: <http://www.dslib.net/teorja-kultury/konstruirovaniye-russkoj-kulturnoj-identichnosti-konceptualnyj-i.html> (accessed: 12.04.2023). (In Russ.)
4. Koptseva N.P., Kolesnik M.A., Leshchinskaya N.M., Samarina D.N. 2023. *Russkaya kul'turnaya identichnost' v izobrazitel'nom iskusstve XIX — nachala XX veka* [Russian Cultural Identity in the Fine Arts of the 19th — Early 20th Centuries. Part 1: Monograph]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk regional public organization “Sodruzhestvo prosvetitelej Krasnoyars'ya”. (In Russ.)
5. Spak A.A. 2021. *Kul'turnye mekhanizmy konstruirovaniya slozhnykh identichnostej (na materiale issledovaniya regionov Sibirskogo federal'nogo okruga)* [Cultural Mechanisms for the Construction of Complex Identities (Based on the Region Study of the Siberian Federal Okrug)]. PhD thesis. Krasnoyarsk: Siberian Federal University. URL: <https://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/146642> (accessed: 05.04.2023). (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 01.03.2024;
одобрена после рецензирования 24.03.2024;
принята к публикации 08.04.2024;

The article was submitted 01.03.2024;
approved after reviewing 24.03.2024;
accepted for publication 08.04.2024

М.М. Раевская

ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ХОСЕ ОРТЕГИ-И-ГАССЕТА: МЫСЛИ О ЯЗЫКЕ

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; mraevskaya@gmail.com*

Аннотация: В фокусе исследования находятся работы Х. Ортеги-и-Гассета, в которых испанский философ предлагает новое видение лингвистики с точки зрения антропологии, дискурсологии и философии, впервые последовательно изложенное им в 1938 г. В библиографии Ортеги можно найти статьи, в которых он развивает актуальные для филологической науки идеи, возражая Соссюру и критикуя структурализм как доминировавшую в то время исследовательскую парадигму. Предметом исследования выступают размышления Х. Ортеги-и-Гассета о природе языка и речи, оформленные в виде концепций, получивших название *Новой лингвистики* и *Теории высказывания*, а также отдельные идеи автора касательно новых подходов к изучению филологии (*Новая филология*) и грамматики (*Новая грамматика*), в которых испанский философ рассматривает динамическую природу языка и речи в ее проекции на отправителя и обосновывает необходимость учета коммуникативного намерения и контекста, тем самым предвосхитив научные изыскания крупнейших лингвистов-основоположников теории речевых актов и дискурс-анализа Дж. Остина, Дж. Серля и Т. Ван Дейка. В статье предпринята попытка систематизировать основные положения, выдвигаемые Х. Ортегой-и-Гассетом и релевантные для таких разделов современного языкознания, как *прагматика* и *лингвистика текста*.

Ключевые слова: Хосе Ортега-и-Гассет; философия языка; лингвопрагматика; новая лингвистика; теория высказывания

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-27-3-13

Для цитирования: Раевская М.М. Творческое наследие Хосе Ортеги-и-Гассета: мысли о языке // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 27. № 3. С. 170–184.

Крупнейший европейский испанский мыслитель XX в. Хосе Ортега-и-Гассет (José Ortega-y-Gasset) (1883–1955) оставил богатейшее философско-историческое наследие, в котором нашлось место

Раевская Марина Михайловна — доктор филологических наук, профессор, ведущая кафедрой испанского языка факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; mraevskaya@gmail.com.

© Раевская М.М., 2024

не только для философских идей, но и для размышлений о языке. Исследователи его творчества (Cruz Cruz J., 1975; San Martín R., 1998; López Folgado V., 2002; García Agustín O., 2004; Ordonez López P., 2013; Miranda Bascopé Ch., 2022; В.А. Иовенко, 2017) отмечают, что в обширной библиографии Ортеги можно найти работы, в которых автор развивает актуальные для современного состояния науки идеи, полностью применимые в том числе и к научным изысканиям в области культурологии, антропологии и лингвистики. В частности, для филологических наук наиболее релевантными являются такие труды испанского философа, как “El hombre y la gente” (1957), включающий материалы лекций “El decir de la gente: la lengua. Hacia una nueva lingüística”, и “Miseria y esplendor de la traducción” (1937), в которых Ортега рассматривает проблемы перевода как особого литературного жанра и предлагает социальное измерение лингвистики, одновременно критикуя структурализм, бывший в то время доминирующей исследовательской парадигмой. Кроме того, отдельные идеи относительно проблемы соотношения языка и речи можно найти в таких работах, как “Comentario al banquete de Platón” (1946), “Del Imperio romano” (1940), “Origen y epílogo de la filosofía” (1953), “Pasado y porvenir para el hombre actual” (1951–1954), “Velázquez” (1947).

Х. Крус Крус [Cruz Cruz, 1975] пишет о том, что одна из глав, которую Х. Ортега-и-Гассет планировал вставить в свою книгу “Aurora de la Razón Histórica”, должна была называться «Начала новой филологии»¹. Ссылки на это философ оставил в ряде своих работ (El hombre y la gente, Comentario al banquete de Platón), поэтому его основные идеи можно реконструировать. В частности, Ортега убежден в новизне своего подхода, который он собирался представить в задуманной им «Аксиоматике новой филологии»²: *Новая филология* должна иметь «смелость изучать язык во всей его полноте, каким он является в реальной жизни, а не как ампутированный из целостной фигуры фрагмент»: “...el valor de estudiar el lenguaje en su íntegra realidad, tal y como es cuando es efectivo, viviente decir y no como fragmento que ha sido amputado a su completa figura”³.

В своей теории Ортега-и-Гассет следует в русле дискурсологии, во многом предворяя основные ее положения. В своих лекциях, прочитанных в 1949–1950 гг. и собранных в работе “El hombre y la gente”, испанский философ рассматривает не только динамическую природу языка, но и речь в ее проекции на отправителя, его коммуникативное намерение и получателя, тем самым предвосхитив научные

¹ Principios de una nueva Filología.

² Axiomática para una nueva Filología.

³ *Ortega-y-Gasset J. El hombre y la gente*, 1964. P. 247.

изыскания крупнейших лингвистов-основоположников теории речевых актов и дискурс-анализа Дж. Остина, Дж. Серля и Т. Ван Дейка. По сути идеи, которые Ортега оформил в виде *Новой лингвистики*, получили развитие в работах лингвистов в рамках таких разделов современного языкознания, как *прагматика* и *лингвистика текста*.

Х. Ортега-и-Гассет предлагает новое видение лингвистики — *Лингвистику Высказывания* (*Nueva Lingüística — Lingüística del Decir*), и сравнивает ее с теорией Соссюра, преодолевая предложенную Соссюром дихотомию синхронического и диахронического подхода к изучению языка. Ортега возражает знаменитому швейцарскому лингвисту: синхронное изучение утопично, потому что язык никогда не бывает неподвижным, и между его уровнями нет строгой синхронности. Философ постоянно подчеркивает: язык — это не факт, а творение, постоянно находящееся в процессе создания нового и исчезновения старого. Диахроническое же исследование недостаточно, поскольку реконструирует лишь языковое настоящее, существовавшее в прошлом. Если лингвистика как наука о естественных языках человека сосредоточена на изучении фонетики, грамматики и лексики, то это предполагает изучение искусственной абстракции под названием «язык». Взгляд Соссюра, по мнению Ортеги, позволяет увидеть лишь кинематографическую картину: в диахронии мы видим «последовательность статических фигур языка, подобно тому, как фильм с неподвижными изображениями порождает видимость движения»: “...sucesión de figuras estáticas del lenguaje, como el *film* con imágenes quietas engendra la ficción visual de un movimiento”⁴.

Следовательно, *кинематографической* лингвистики (*la lingüística cinematográfica* согласно терминологии Ортеги) недостаточно, поскольку она касается только пласта речи (*el estrato del hablar*). Нужна *динамическая* лингвистика, которая сделает понятным сам процесс изменений, в связи с чем Ортега выдвигает следующий тезис: «Изменения — это лишь результат создания и исчезновения, представляющих собой внешний аспект языка; поэтому следует заявить о необходимости изучения его внутренних законов, в котором мы обнаруживаем не результирующие «формы», а сами действующие «силы» [...], силы, порождающие язык»: “Los cambios son sólo resultados del hacerse y deshacerse, son lo externo del lenguaje, y cabe postular una concepción interna de él, en que descubrimos, no ‘formas’ resultantes, sino las ‘fuerzas’ mismas operantes [...], las potencias genitricas del lenguaje”⁵.

⁴ *Ortega-y-Gasset J. El hombre y la gente, 1964. P. 251.*

⁵ *Ibidem.*

Однако созерцание существующих языков, наблюдение за изменениями, происходящими в них с течением времени, также ограничивает видение исследователя. В связи с этим, по словам Ортеги, лингвистике необходимо перейти от масштабного фокуса к частному и, используя методы лингвистической географии, диалектологии, стилистики и другие, рассматривать язык как совокупность зарождающихся форм и значений, которым требуется найти объяснение. В рамках данной исследовательской парадигмы Ортега предлагает исходить из следующих позиций: 1) слово изначально является средством невыразимого; 2) слово является реакцией на ситуацию; 3) слово представляет собой жестовое явление.

Доказывая первый тезис, Ортега утверждает, что лингвистика имеет дело только с вербальными конструктами, но не с мышлением человека, прямо ссылаясь на идею Гумбольдта о том, что грамматика каждого языка оперирует как выраженными, так и невыраженными формами: «... речь как язык в строгом смысле естественно ограничена необходимостью замалчивать многие вещи, то есть их невыразимостью»: “El lenguaje en cuanto lengua sensu stricto está a nativitate limitado por la necesidad de silenciar muchas cosas, por la inefabilidad”⁶.

Вторую позицию Ортега аргументирует тем, что любое слово изначально является вербальной реакцией на типовую жизненную ситуацию. Автор полагает, что истинное значение слова можно определить только исходя из контекста, в котором оно было сказано.

Для объяснения того, *что* говорят люди, следует обратиться к философии языка и искать ответы на вопросы, *как* говорят и *почему* так говорят, исходя из реальной коммуникации, поскольку любое сказанное слово реализует значимое намерение говорящего. Критикуя устаревшие с его точки зрения методы лингвистических исследований, философ утверждает, что слово, взятое вне контекста, без учета намерения говорящего, ни о чем не говорит; чтобы слово могло что-то сказать, должен быть отправитель сообщения и его получатель, ибо словари фиксируют лишь возможные (не более того) значения: “En el diccionario las palabras son posibles significaciones, pero no dicen nada”⁷.

И, наконец, в-третьих, по мнению Ортеги, лингвист должен осознавать, что, оставляя без внимания совокупность жестовых знаков, в первую очередь лица и рук, он изучает лишь фрагментарную языковую реальность: «По своей сути язык представляет собой производство звуковых эффектов, поскольку в нем участвуют гор-

⁶ *Ortega-y-Gasset J.* Comentario al banquete de Platón, 1965. P. 762.

⁷ *Ortega-y-Gasset J.* El hombre y la gente, 1964. P. 237.

танный и ротовой аппарат, неотделимое от общей жестикуляции, в которой участвует все наше тело, и которую, строго говоря, и следует называть “речь”»: “En su raíz y auténtico ser es el lenguaje una gesticulación de efectos sonoros, por intervenir en ella los aparatos laríngeo y bucal, pero que es propiamente inseparable de la gesticulación total, en que interviene todo nuestro cuerpo y que es lo que estrictamente debería llamarse ‘habla’”⁸.

Таким образом, вербальное высказывание соответствует ситуации общения, на которую говорящие реагируют при помощи слов конкретного языка, мимики и жестов. Следовательно, «речь — это система, включающая три компонента: ситуацию — вербальный язык — невербальное общение (мимику/позу/жест)»: “El decir verbal responde a una situación en que están los que hablan, a la cual reaccionan con palabras de la lengua establecida y con gestos corporales de su persona. El lenguaje es, pues, el sistema de estas tres cosas: situación-lengua-gesto”⁹.

При этом Ортега утверждает, что, во-первых, в языке жестикуляционный фактор является первичным по отношению к артикуляционному; и, во-вторых, жесты, которыми человек сопровождает речь, символизируют образ жизни и «непреднамеренное, произвольное предпочтение определенных артикуляционных движений», выражающих характер человека. Устное слово, в отличие от письменного, является манифестацией человека благодаря тембру голоса с его модуляциями; печатное слово, лишённое жестикуляции, будучи оторванным от эмоционального контекста, не отражает реальную действительность. Более того, философ приходит к выводу, что «система звуков каждого языка представляет душу народа»¹⁰.

На основе перечисленных положений Ортега разрабатывает подходы к новой концепции, являющейся фундаментом для всех разделов лингвистики, которую он называет *Теорией Высказывания* (*Teoría del Decir*)¹¹. Высказывание — это более глубокий пласт, подразумевающий нечто большее, нежели речь, и лингвистика должна обратиться непосредственно к этому глубинному слою. Ортега настаивает на том, что объектом лингвистики должен стать именно уровень *высказывания*: «Языки не появились бы, если бы Человек не был по своей сути *Говорящим*, то есть *тем, кому есть что сказать*»: “El decir es un estrato más profundo que el habla, y a ese estrato profundo debe hoy dirigirse la lingüística. No existirían las lenguas

⁸ *Ortega-y-Gasset J.* Comentario al banquete de Platón. 1965. P. 758.

⁹ *Ibid.* P. 781.

¹⁰ *Ortega-y-Gasset J.* El hombre y la gente. 1964. P. 257.

¹¹ *Ibid.* P. 248.

si el Hombre no fuese constitutivamente el Dicente, esto es, el que tiene cosas que decir ...»¹²

Философ рассуждает о социальной и сугубо индивидуальной природе речепроизводства, различая понятия *говорения* (HABLAR) и *высказывания* (DECIR): так, исходя из того, что социальная среда преимущественно действует на индивидов через языковую данность, HABLAR (которое в терминологии Ортеги соответствует речепо-рождению), по сути, есть не что иное, как использование языка, созданного и полученного извне: это «... есть операция, которая начинается в направлении снаружи внутрь. Механически и иррационально полученная извне, она механически и иррационально возвращается наружу»¹³. Таким образом, говорение представляет собой узус, навязанный обществом.

Однако использовать язык — значит не просто говорить на нем, а «изобретать новые способы выражения мысли, поскольку те, которые существуют, больше не удовлетворяют потребности говорящих, их недостаточно, чтобы сказать то, что должно быть сказано»¹⁴, и именно в этот момент рождается потребность в высказывании (т.е. в DECIR). Таким образом, высказывание — это индивидуальное действие, возникающее из желания самовыражения, которое и порождает речь. Однако, рассуждая о природе высказывания, Ортега формулирует два противоположных закона, регулирующих речепо-рождение, поскольку в действительности человек при разговоре или на письме может выразить далеко не всё, что хочет. Язык по своей природе аскетичен и позволяет выразить далеко не всё, именно поэтому в речи всегда будет определенное несоответствие между тем, что имеется в виду, и тем, что говорится на самом деле. Отсюда следует вывод о том, что «каждое высказывание несовершенно, ибо сообщает меньше того, что хочет», и одновременно подразумевает больше, чем предполагает:

“1.a Todo decir es deficiente — dice menos de lo que quiere.

2.a Todo decir es exuberante — da a entender más de lo que se propone”¹⁵.

Эти наблюдения позволили Ортеге установить смысл иерархических отношений между словом, фразой и контекстом. Фраза (FRASE), которую в его понимании можно интерпретировать как словосочетание, является базовой речевой формой и состоит из слов, не функционирующих изолированно друг от друга. Из этого философ делает вывод, что изолированное слово не имеет собственного

¹² Ibid. P. 244–245.

¹³ Ibid. P. 259.

¹⁴ Ibid. P. 248.

¹⁵ *Ortega-y-Gasset J. Comentario al banquete de Platón, 1965. P. 751.*

значения: подобно частям машины, слова приобретают его только в предложении. Контекст же представляет собой динамическое целое, в котором каждая часть (слово и словосочетание) оказывает влияние на другие и наоборот, а человек говорящий всегда отражает конкретные ситуативные обстоятельства через устную речь, воплощенную в звуках и жестах.

В соответствии с данным подходом, согласно которому слова являются словами, только когда они сказаны кем-то и кому-то, анализ языка в отрыве от коммуникативного контекста не имеет смысла. При этом Ортега-и-Гассет признает, что лингвистика должна была начать с выделения основы в виде фонетики, грамматики и словаря как первого шага на пути к познанию языковой реальности: фонетика как область знания о системе артикуляционных навыков в генезисе звуков речи оформилась в рамках лингвистики в XIX в., когда стало понятно, что слово, прежде чем быть услышанным, представляет собой изначальное мускульное движение; грамматика же появилась тогда, когда возникла необходимость проанализировать речевое явление, зафиксированное в письменной форме¹⁶. Критикуя в своей концепции *Новой лингвистики* искусственное разделение языка и речи, автор обосновывает изучение реального языка с учетом его *производства* (то есть того, что впоследствии было названо Якобсоном *коммуникативной ситуацией*), предлагая в качестве объекта исследования речевые формы и значения, чье изучение не должно сводиться к структурализму и трансформационной грамматике, потому что вне коммуникативного контекста слова представляют собой утопические и искусственные фигуры.

Представляя свои воззрения на *Новую лингвистику*, Ортега-и-Гассет говорит также о необходимости учета стилистического и социального факторов при исследовании языковых явлений, а также обязательном рассмотрении проблемы происхождения языка в рамках философского осмысления глоттогенеза. Рассуждая о стилистике, Ортега-и-Гассет утверждает, что устная речь и написанный текст находятся в почти постоянном противоречии с грамматическими правилами и словарными формами, ибо речь заключается в несоблюдении грамматики и нарушении словаря:

«...el habla consiste en faltar a la gramática y exorbitar el diccionario»¹⁷.

При этом данные нарушения рассматриваются им как исключения, в равной степени конституирующие язык, как и сами правила. Данным новым ракурсом рассмотрения реального языка и является стилистика, которая, в отличие от грамматики, привносит в научное

¹⁶ *Ortega-y-Gasset J. Comentario al banquete de Platón, 1965. P. 759–760.*

¹⁷ *Ortega-y-Gasset J. El hombre y la gente, 1964. P. 242.*

изучение то, что сегодня называется *экстралингвистическими* элементами (в терминологии Ортеги-и-Гассета *elementos extra verbales*), а именно: эмоциональное состояние и конкретную ситуацию рече-производства. Это означает, что «стилистика не является ... дополнением к грамматике, а является ... совершенно новой зарождающейся дисциплиной, которая приближает язык к его конкретной реальности...»: “Esto quiere decir que la estilística no es ... un vago añadido a la gramática, sino que es ... toda una nueva lingüística incipiente que se resuelve a tomar el lenguaje más cerca de su concreta realidad”¹⁸.

Ортега считает, что стилистика призвана объединить в одно целое грамматику и лексику, полагая, что язык проявляет свою жизнь через постоянное нарушение нормы, то есть через ошибки, чьи формы и причины и должно изучать данное направление филологической науки. Исходя из этого постулата Ортега выдвигает на первый план два основных явления в задуманной им концепции *Новой филологии* — *метасемию*, под которой он понимает изменения значения слова, и являющуюся ее следствием *полисемию*¹⁹, считая «истинным значением слова — не то, которое оно имеет в словаре, а то, которое оно имеет в момент произнесения»²⁰. Таким образом, подлинное значение слова всегда случайно и зависит от ситуации или обстоятельств, в которых оно произносится: “...su significación auténtica es siempre ocasional, que su sentido preciso depende de la situación o circunstancia en que sean dichas”²¹.

Обосновывая тезис о том, что язык в принципе неотделим от целеполагания, философ предлагает рассматривать человеческую жизнь как единство прагматических полей, в которой каждое прагматическое поле имеет языковое (лексико-семантическое) соответствие. По этой причине истинное этимологическое значение слова не может быть обнаружено, если рассматривать его изолированно от намерения говорящего²².

Второе направление, о котором говорит Ортега-и-Гассет, связано с социальным фактором: философ включает сюда этнологический, исторический и географический параметры, определяющие рече-производство. Автор считает, что язык реагирует на все вышеперечисленные обстоятельства, и утверждает, что они дифференцируют не только различные языковые сообщества, но они социальные группы внутри социума: с одной стороны, язык представляет собой систему речевых знаков, благодаря которым индивиды могут понимать друг

¹⁸ Ibidem.

¹⁹ *Ortega-y-Gasset J. Comentario al banquete de Platón*, 1965. P. 763.

²⁰ *Ortega-y-Gasset J. Del Imperio romano*, 1964. P. 55.

²¹ *Ortega-y-Gasset J. El hombre y la gente*, 1964. P. 245.

²² *Ortega-y-Gasset J. Pasado y porvenir para el hombre actual*, 1965. P. 643.

друга без предварительного соглашения (то есть, выполняет свою социализирующую функцию), а с другой, тот же язык накладывает на своих носителей целый ряд ограничений. По мнению философа, все слова, а также морфологические и синтаксические структуры изначально были индивидуальными изобретениями, приобретшими статус традиционных благодаря солидарному узусу: посредством повторяющихся языковых форм, фиксированных коллективным использованием, можно сказать лишь то, что знают все; однако, при создании нового слова для названия новой вещи требуется творчество, поскольку человек еще должен найти способ выразить желаемое.

Кроме того, будучи социальным по природе, язык имеет символический характер: слово является символом, когда представляет что-то отсутствующее перед взором говорящего. По этой причине имена являются всего лишь ссылками на вещи: «Имя есть форма отношения ... между нашим сознанием и вещами [...]. Слово, по сути, есть предвестие и обещание вещи, ее некоторая часть»: “El nombre es la forma de la relación ... entre nuestra mente y las cosas[...]. La palabra, en efecto, es anuncio y promesa de cosa, es ya un poco la cosa”²³.

Таким образом, слово выступает формой сокрытия вещи, поскольку представляет человеку говорящему лишь ее понятие; отсюда его магический характер, позволяющий вещи находиться одновременно в двух местах — там, где она находится на самом деле, и там, где о ней говорят.

Широкоизвестным стало еще одно утверждение испанского философа, касающееся определения человека, который, будучи членом общества, в то же время, по своей природе, является *этимологическим животным* (*el hombre es un animal etimológico*). Чтобы правильно интерпретировать данное заявление, необходимо принять во внимание, что Ортега понимает этимологию как исторический разум, полагая, что этимология свойственна не только словам, но любому человеческому действию. Отсюда следует его вывод о том, что человек как член общества является *этимологическим животным*, поскольку «вся история есть ничто иное как этимология в широком смысле»: “...tener etimología no es cosa exclusiva ni siquiera peculiar de las palabras, sino que todos los actos humanos la tienen... Las palabras no tienen etimología porque sean palabras, sino porque son usos... el hombre es constitutivamente, por su inexorable destino como miembro de una sociedad, el animal etimológico. Según esto, la historia toda no sería sino una inmensa etimología”²⁴.

²³ *Ortega-y-Gasset J.* Origen y epílogo de la filosofía. 1965. P. 382.

²⁴ *Ortega-y-Gasset J.* El hombre y la gente. 1964. P. 202.

Вышеприведенное умозаключение следует понимать как «человек есть историческое животное», тем более, что для Ортеги повествование, наряду с физическим, математическим и логическим методами, по сути своей есть историческое мышление, единственное способное понять человеческую реальность, данную в историческом контексте.

И, наконец, в рамках третьего направления, о котором размышляет Ортега, поднимая вопрос о происхождении языка, говорится о необходимости философского взгляда на глоттогенез. Его концепция *Новой Лингвистики* основана на поиске объяснения причин, приведших к возникновению языка, поскольку автор исходит из понимания *высказывания* как деятельности, предшествующей речи: высказывание, т.е. желание выразить или заявить что-либо, является функцией, предшествующей говорению. По сути он пытается найти ответ на вопрос: «откуда взялось слово, которое есть плод внутреннего мира человека?» По его мнению, в лингвистических исследованиях очень важно анализировать речевые явления еще до того, как слово было создано и произнесено, то есть, с его истоков, его корней, его происхождения: “Con importar mucho su pasado, importaría más que la lingüística se resolviese a tomar el fenómeno del lenguaje en un estrato más hondo, a saber: antes de estar hecha la palabra, en sus raíces, en sus causas genéticas”²⁵.

При этом необходимо подчеркнуть, что говорение и письмо не находятся в отношении оригинала к копии: письменное выражение не есть простая запись устного, это две различные функции, две разные формы мышления. Ортега рассматривает рождение имени как творческий процесс, когда еще не имеющей словесной формы вещи присваивается определенный вербальный знак (*el vocablo*): на первоначальном этапе между индивидом и вещью еще нет связующих их идей, представлений и слов — человеку еще только предстоит найти способ выразить это. Для того, чтобы найти новое имя, необходимо довериться своим ощущениям и выразить их самому себе. Этот процесс испанский философ называет *поэтической операцией* со словом, представляющим собой «поэтическое имя... которым мы называем вещи, говоря сами с собой, в своей внутренней речи»²⁶.

Основываясь на этом постулате, Ортега вводит понятие *семантической / смысловой деятельности (la actividad semántica)* человека, который, воздействуя на материю, оставляет в ней некий след интенциональности таким образом, что объект реальности, помимо своих собственных неотъемлемых качеств, становится «знаком,

²⁵ Ibid. P. 244.

²⁶ Ibid. P. 384, 386.

символом или признаком человеческого замысла»²⁷. Иными словами, целенаправленную речевую деятельность необходимо рассматривать как сознательно создаваемое человеком материальное произведение, которое становится знаком его намерения.

Помимо речи и письма к сфере *семантического/смыслового творчества (obras semánticas)* Ортега относит поэзию, музыку и живопись (и вообще все изобразительные искусства), являющиеся знаковыми и коммуникативными системами. Говоря о речи как о наиболее совершенном инструменте человеческого общения, автор в то же время признает, что это совершенство относительно, хотя в целом человек стремится к тому, чтобы коммуникативная деятельность не требовала дополнительной интерпретации и произносимые слова сразу транслировали свое значение, поскольку посредством общепринятого словарного запаса, навязанного коллективным использованием, можно сказать только то, что знают все. У Ортеги это сказано более красиво: «слово порождается щедрым намерением ... сразу передать свое значение» (*La palabra procede animada por ese generoso propósito ... de entregar, sin más, su sentido*), если оно соотносится с одним понятием²⁸. Все остальные выражения, не отвечающие этому условию, суть «хитросплетения и загадки» (*enigma, intrínquilis y acertijo*)²⁹.

В то же время наряду с явным выражением, т.е. словесным высказыванием, существует немое или скрытое выражение других форм общения, например, в живописи. По мнению Ортеги, в живописи, в отличие от языка и речи, сконцентрированы «страстное желание выразить и решимость хранить молчание»³⁰. Смысл фигур на полотне не заявлен, а скрыт, и поэтому наслаждение от наблюдения живописи происходит от постоянной необходимости ее интерпретации. То же самое происходит и с поэзией, которая также не является речевым продуктом, но «... использует язык как простой материал, чтобы выйти за его пределы и стремится выразить то, что язык, строго говоря, не может сказать»³¹. Создавая свой собственный язык, настоящий поэт является выразителем любого сокровенного чувства, потому что он может дать имя той тайне, которую обычный человек не способен раскрыть: поэзия возникает как новая сила слова, несводимого к тому, чем оно является в действительности. В итоге поэзия начинается там, где заканчивается речевая действительность: “Empieza la poesía donde la eficacia del habla termina”³².

²⁷ *Ortega-y-Gasset J. El hombre y la gente, 1964. P. 490.*

²⁸ *Ibidem.*

²⁹ *Ibid. P. 500.*

³⁰ *Ibid. P. 492.*

³¹ *Ortega-y-Gasset J. Orígenes y epílogo de la filosofía, 1965. P. 386.*

³² *Ortega-y-Gasset J. Velázquez, 1965. P. 492.*

Рассуждая о происхождении языка, Ортега-и-Гассет подчеркивает, что численность народов обусловлена духовными причинами — не биологическими или физическими — и, следовательно, множественность языков также вытекает из духовного разнообразия их носителей. Возникновение цивилизаций и культур является значимым событием, которому невозможно найти простое объяснение, поставив человеческую жизнь в зависимость от географических условий или биологических особенностей. Таким образом, предложенная испанским философом теория рассматривает язык не как присвоенный людьми внешний объект, а как возникшее из проявления духа пространство, постоянно порождаемое мышлением и психическим складом народа: “... la lengua no es nunca sólo *datum*, formas lingüísticas listas, hechas, sino que está, al mismo tiempo, *originándose* constantemente”³³.

В целом размышления Ортеги-и-Гассета о языке, а также разрабатываемые им на протяжении всей творческой жизни концепции *Новой филологии*, *Новой лингвистики* и *Теории Высказывания*, существующие в виде заметок, набросков и статей, свидетельствуют о постоянном интересе философа к проблеме глубинной взаимосвязи языковой и мыслительной деятельности человека. Пристальное внимание Ортеги к коммуникативным категориям языкового сознания, а также способам и особенностям вербального отражения мира, стремление раскрыть специфику языковой адаптации индивида к окружающей реальности и прояснить процессы порождения речи не только являются подтверждением широты взглядов ученого, но и органично дополняют его философские изыскания, посвященные исследованию эвристической деятельности человека во всех формах ее проявления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Иовенко В.А.* Перевод и его противоречия в статье Хосе Ортеги-и-Гассета «Нищета и блеск перевода» // Филологические науки в МГИМО. 2017. № 11 (3). С. 87–92.
2. *Загряжкина Т.Ю.* Проблема множественности в языке и культуре, или «лингвистический узел» дискурса современности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 2. С. 82–97.
3. *Раевская М.М.* Испанский язык в современном историческом контексте: ответы на вызовы XXI в. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 4. С. 109–121.
4. *Устинова Т.В.* Внутренняя форма слова и смыслообразование в поэтической речи (на материале русского и английского языков) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 3. С. 74–86.

³³ *Ortega-y-Gasset J.* El hombre y la gente. 1964. P. 249.

5. Cruz Cruz J. Ortega ante el lenguaje // Anuario filosófico, 1975. Vol. 8. № 1. P. 69–116. URL: <https://revistas.unav.edu/index.php/anuario-filosofico/article/view/30435/25015> (дата обращения: 16.02.2024).
6. García Agustín O. La Teoría del decir: la nueva lingüística según Ortega y Gasset // Cuadernos de Investigación Filológica, 2004. № XXVI. P. 69–80. URL: <https://publicaciones.unirioja.es/ojs/index.php/cif/article/view/2219/2088> (дата обращения: 16.02.2024).
7. Miranda Bascope Ch. Hacia una renovada relación con el lenguaje: La idea de concepto en Ortega como puente entre la pura nominación y la enunciación dentro del habla Heideggeriana // Revista Punto Cero, 2022. № 27 (44). P. 26–38. URL: https://www.researchgate.net/publication/362878660_Hacia_una_renovada_relacion_con_el_lenguaje_La_idea_de_concepto_en_Ortega_como_puente_entre_la_pura_nominacion_y_la_enunciacion_dentro_del_habla_Heideggeriana (дата обращения: 18.02.2024).
8. Ordóñez López P. La traducción entre la Miseria y el Esplendor: Estudio de la Recepción de la Concepción Orteguiana de la Traducción en el Contexto Traductológico del Español // Scientia Translationis, № 13, 2013. P. 117–131. URL: https://www.academia.edu/3355597/Miseria_y_esplendor_de_la_traducci%C3%B3n_la_influencia_de_Ortega_y_Gasset_en_la_traductolog%C3%ADa_contempor%C3%A1nea_occidental_Tesis_doctoral (дата обращения: 18.02.2024).
9. Ortega Arjonilla E. El Tesis de Ortega y Gasset a la teoría de la traducción en España // En: Miguel Ángel Vega Cernuda (ed.). *La traducción en torno al 98*. Madrid: Instituto Universitario de Lenguas Modernas y Traductores, 1998. P. 101–116. URL: https://cvc.cervantes.es/lengua/iulmyt/pdf/traduccion_98/11_ortega.pdf (дата обращения: 17.02.2024)
10. *Ortega-y-Gasset J.* Comentario al banquete de Platón // Obras completas. Madrid: Revista de Occidente, 1965. Vol. IX. P. 747–784. (In Span.)
11. *Ortega-y-Gasset J.* Del Imperio romano // Obras completas. Madrid: Revista de Occidente, 1964. Vol. VI. P. 47–110. (In Span.)
12. *Ortega-y-Gasset J.* El hombre y la gente // Obras completas. Madrid: Revista de Occidente, 1964. Vol. VII. P. 71–274. (In Span.)
13. *Ortega-y-Gasset J.* Origen y epílogo de la filosofía // Obras completas. Madrid, 1965. Vol. IX. P. 345–434 (In Span.)
14. *Ortega-y-Gasset J.* Pasado y porvenir para el hombre actual // Obras completas. Madrid: Revista de Occidente, 1965. Vol. IX. P. 615–748 (In Span.)
15. *Ortega-y-Gasset J.* Velázquez // Obras completas. Madrid: Revista de Occidente, 1965. Vol. VIII. P. 447–661. (In Span.)
16. San Martín, R. En torno a Ortega y la gente. Ortega y la Antropología Cultural // Revista Española de Investigaciones Sociológicas (REIS), 1998. № 82. P. 73–96. URL: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=759721> (дата обращения: 17.02.2024).

Marina M. Raevskaya

JOSÉ ORTEGA Y GASSET'S CREATIVE LEGACY: THINKING ABOUT LANGUAGE

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; mraevskaya@gmail.com

Abstract: The study focuses on the works of J. Ortega y Gasset, in which the Spanish philosopher offers a new vision of Linguistics analyzed from the point of view of

Anthropology, Discourse Theory and Philosophy and first presented by him in 1938. Ortega's bibliography contains articles in which he develops ideas relevant to Philological science, objecting to Saussure and criticizing Structuralism as the dominant research paradigm at that time. The subject of the research paper is the J. Ortega y Gasset's ideology about the language and speech nature, formalized in the concepts called *New Linguistics* and *Theory of Utterance*, as well as the author's views on the new approaches to the study of Philology (*New Philology*) and Grammar (*New Grammar*). In his works, the Spanish philosopher examines the dynamic nature of language and speech in its projection onto the speaker and substantiates the need to take into account the communicative intention and the communicative context, thereby anticipating the scientific research of the founders of the Speech Act Theory and Discourse Analysis J. Austin, J. Searle and Teun A. Van Dijk. The article makes an attempt to describe and systematize the main ideas introduced by J. Ortega y Gasset, relevant to such areas of modern Linguistics as Pragmatics and Text Linguistics.

Keywords: Jose Ortega-y-Gasset; philosophy of language; linguopragmatics; new linguistics; theory of utterance

For citation: Raevskaya M.M. (2024) José Ortega y Gasset's Creative Legacy: Thinking about Language. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, no. 3(27), pp. 170–184. (In Russ.)

About the author: Marina M. Raevskaya — Dr. Habil in Philology, Professor, Head of the Spanish Department, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; mraevskaya@gmail.com

REFERENCES

1. Iovenko V.A. 2017. Perevod i ego protivorechiya v stat'e Hose Ortegi-i-Gasseta «Nishcheta i blesk perevoda» [Translation and its contradictions^{SEP} in the article of Jose Ortega y Gasset "The misery and splendour of translation"]. *Linguistics & Polyglot Studies*, no. 11 (3), pp. 87–92. (In Russ.)
2. Zagryazkina T.Yu. 2021. Problema mnozhestvennosti v yazyke i kul'ture, ili "lingvisticheskij uzel" diskursa sovremennosti [The problem of plurality in language and culture, or the "linguistic knot" of modern discourse]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 82–97. (In Russ.)
3. Raevskaya M.M. 2019. Ispanskij yazyk v sovremennom istoricheskom kontekste: otvety na vyzovy XXI v. [Spanish language in modern historical context: responses to the challenges of the 21st century]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 109–121. (In Russ.)
4. Ustinova T.V. 2023. Vnutrennyaya forma slova i smysloobrazovanie v poeticheskoj rechi (na materiale russkogo i anglijskogo yazykov) [Internal form of the word and meaning formation in poetic speech (based on the material of the Russian and English languages)]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 74–86 (In Russ.)
5. Cruz Cruz J. 1975. Ortega ante el lenguaje [Ortega and the Language]. *Anuario filosófico*, 1975, vol. 8, no. 1, pp. 69–116. (In Span.) URL: <https://revistas.unav.edu/index.php/anuario-filosofico/article/view/30435/25015> (accessed: 16.02.2024)
6. García Agustín O. 2004. La Teoría del decir: la nueva lingüística según Ortega y Gasset [The Theory of Saying: the new linguistics according to Ortega y Gasset]. *Cuadernos de Investigación Filológica*, no. XXVI, pp. 69–80. (In Span.) URL:

<https://publicaciones.unirioja.es/ojs/index.php/cif/article/view/2219/2088> (accessed: 16.02.2024)

7. Miranda Bascopé Ch. 2022. Hacia una renovada relación con el lenguaje: La idea de concepto en Ortega como puente entre la pura nominación y la enunciación dentro del habla Heideggeriana [Towards a renewed relationship with language: The idea of concept in Ortega as a bridge between pure nomination and enunciation within Heideggerian speech]. *Revista Punto Cero*, no. 27 (44), pp. 26-38. (In Span.) URL: https://www.researchgate.net/publication/362878660_Hacia_una_renovada_relacion_con_el_lenguaje_La_idea_de_concepto_en_Ortega_como_puente_entre_la_pura_nominacion_y_la_enunciacion_dentro_del_habla_Heideggeriana (accessed: 18.02.2024)
8. Ordóñez López P. 2013. La traducción entre la Miseria y el Esplendor: Estudio de la Recepción de la Concepción Orteguiana de la Traducción en el Contexto Traductológico del Español [Translation between Misery and Splendor: Study of the Reception of the Orteguian Conception of Translation in the Spanish Translation Context]. *Scientia Translationis*, no. 13, pp. 117-131. (In Span.) URL: https://www.academia.edu/3355597/Miseria_y_esplendor_de_la_traducci%C3%B3n_la_influencia_de_Ortega_y_Gasset_en_la_traductolog%C3%ADa_contempor%C3%A1nea_occidental_Tesis_doctoral (accessed: 18.02.2024)
9. Ortega Arjonilla E. 1998. El legado de Ortega y Gasset a la teoría de la traducción en España [The legacy of Ortega y Gasset to translation theory in Spain]. En: Miguel Ángel Vega Cernuda (ed.). *La traducción en torno al 98*. Madrid: Instituto Universitario de Lenguas Modernas y Traductores, pp. 101-116. (In Span.) URL: https://cvc.cervantes.es/lengua/iulmyt/pdf/traduccion_98/11_ortega.pdf (accessed: 17.02.2024)
10. Ortega-y-Gasset J. 1965. Comentario al banquete de Platón [Commentary on Plato's Symposium]. *Obras completas*. Madrid: Revista de Occidente, tomo IX, pp. 747-784. (In Span.)
11. Ortega-y-Gasset J. 1964. Del Imperio romano [About the Roman Empire]. *Obras completas*. Madrid: Revista de Occidente, tomo VI, pp. 47-110. (In Span.)
12. Ortega-y-Gasset J. 1964. El hombre y la gente [The man and the people]. *Obras completas*. Madrid: Revista de Occidente, tomo VII, pp. 71-274. (In Span.)
13. Ortega-y-Gasset J. 1965. Origen y epílogo de la filosofía [Origin and epilogue of philosophy]. *Obras completas*. Madrid: Revista de Occidente, tomo IX, pp. 345-434 (In Span.)
14. Ortega-y-Gasset J. 1965. Pasado y porvenir para el hombre actual [Past and future for today's man]. *Obras completas*. Madrid: Revista de Occidente, tomo IX, pp. 615-748 (In Span.)
15. Ortega-y-Gasset J. 1965. Velázquez [Velázquez]. *Obras completas*. Madrid: Revista de Occidente, tomo VIII, pp. 447-661. (In Span.)
16. San Martín, R. 1998. En torno a Ortega y la gente. Ortega y la Antropología Cultural [Around Ortega and the people. Ortega and Cultural Anthropology]. *Revista Española de Investigaciones Sociológicas (REIS)*, no. 82, pp. 73-96. (In Span.) URL: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=759721> (In Spanish) (accessed: 17.02.2024)

Статья поступила в редакцию 04.03.2024;
одобрена после рецензирования 20.03.2024;
принята к публикации 08.04.2024;

The article was submitted 04.03.2024;
approved after reviewing 20.03.2024;
accepted for publication 08.04.2024

ISSN 0201-7385

ISSN 2074-1588

ИНДЕКС 40224 (каталог “Пресса России”)

ISSN 0201-7385. ISSN 2074-1588

ВЕСТН. МОСК. УН-ТА. СЕР. 19. ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ
КОММУНИКАЦИЯ. 2024. Т. 27. № 3. 1–184.